

Александр и Ксения
Рудазовы

Даргоронские байки. Том 4

Паргоронские байки

Александр Рудазов

Паргоронские байки. Том 4

«Автор»

2021

Рудазов А. В.

Паргоронские байки. Том 4 / А. В. Рудазов — «Автор»,
2021 — (Паргоронские байки)

«Титаны – это своего рода живой адамант. Вместо кости у них чистый алмаз, вместо крови – прозрачный ихор, а вместо сердца – пылающая звезда. Внешне титаны похожи на очень рослых людей, но с людьми у них меньше общего, чем у жуков-палочников. Одни смертные считают титанов чем-то вроде земных богов. Это не так. Другие смертные считают титанов чем-то вроде буйных стихий, сородичей хтоников. Это тоже не так. Титаны – это сама воля мироздания, получившая зримое воплощение. А мироздание неоднородно и желает самых разных вещей...»

© Рудазов А. В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Прекращение страданий	5
Интерлюдия	27
Познавший Пустоту	29
Интерлюдия	75
Зима и лето	76
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Александр и Ксения Рудазовы

Паргоронские байки. Том 4

Прекращение страданий

8293 год до Н.Э., Парифат, колония № 22.

Титаны – это своего рода живой адамант. Вместо кости у них чистый алмаз, вместо крови – прозрачный иخور, а вместо сердца – пылающая звезда. Внешне титаны похожи на очень рослых людей, но с людьми у них меньше общего, чем у жуков-палочников.

Одни смертные считают титанов чем-то вроде земных богов. Это не так. Другие смертные считают титанов чем-то вроде буйных стихий, сородичей хтоников. Это тоже не так.

Титаны – это сама воля мироздания, получившая зримое воплощение.

А мироздание неоднородно и желает самых разных вещей.

Одни из немногих, титаны почти не страдали от того, что планета скована льдом. Уже восемьсот лет мир Камня переживал то, что потом назовут Тысячелетием Мрака. Таштарагис заморозил землю и остудил океаны. Превратил некогда цветущие края в бесплодные пустоши.

Лишь кое-где остались островки жизни. На экваторе зима по-прежнему сменялась летом – коротким и холодным, но летом. Эльфы сберегли несколько оазисов зелени, уберегли их от морозов своей магией. Арахниды ушли под землю, окталины – на морское дно. Огры и великаны возводили гигантские города, где всегда пылал огонь.

А титаны... титаны погрузились в какое-то оцепенение. Даже они почти утратили надежду.

Они трижды восставали против Таштарагиса. Трижды пытались разбить сковавшие их цепи.

И трижды потерпели крах.

Две трети титанов были истреблены. Убили даже Рузульвета Свободного. Оставшихся загнали в колонии. Когда-то Таштарагис мечтал, что однажды титаны все-таки покорятся, признают его владыкой, будут верно служить. Что новые их поколения станут его новым войском – неуязвимым, бесстрашным войском.

У Таштарагиса были его гиганты. Были его Низшие. Были союзники-демоны. Были великаны и остатки хтонических чудовищ. Но ему было мало, он хотел еще и титанов. Спал и видел, как те маршируют колоннами, выкрикивая его имя. Идут за Таштарагисом... куда? Он владел всей планетой – чего еще ему недоставало?

Таштарагис и сам не знал. Просто ему всегда хотелось еще больше.

И только поэтому титанов не уничтожили окончательно. Ломали, гноили, пытали, децимировали – но окончательно не уничтожали. Великаны создали для них резервации, окружили стенами до небес. Детей отбирали у матерей, растили отдельно, воспитывали в покорности.

Это не помогало. Титанов дух все равно прорывался. Тигра не заставишь есть картошку, титана не сумеешь сделать батраком. То и дело случалось, что какой-нибудь юноша с горящим сердцем находил жребий в бунте, в освобождении своего рода – и очередной колосс начинал крушить стены.

Таштарагису хорошо запомнился Аргей Огненный, что пытался растопить его льды. Запомнилась и Диафна Травница, напустившая на него оживший лес. Но все они сражались поодиночке. Таштарагис рассеял титанов по всему миру, разбросал по десяткам колоний. У них больше не получалось собрать силы в кулак. Даже обретя жребий, эти юноши и девушки

оставались юношами и девушками – молодыми, горячими, рвущимися в бой прежде, чем подумать.

Титаны медленно взрослеют.

И сегодня на свет явился очередной из них. Явился посреди смерти и боли – в колонии № 22 как раз проводились чистки. Целая орда Низших явилась для очередного устрашения. Очередного усмирения.

Очередной децимации.

Сами ростом с титанов, но вдвое шире в плечах, с могучей головогрудью и толстыми ручищами, они шли волной – и убивали. Сами тоже гибли во множестве, титаны дорого продавали свои жизни... но Таштарагис никогда не ценил Низших. Они так быстро плодятся, что даже к лучшему, если их станет поменьше.

Среди погибших была молодая титанида. Прожившая едва ли сотню лет, она вынашивала первого ребенка – и была убита за несколько минут до его рождения.

Ее муж рвал Низших голыми руками, швырял их в небеса, вгонял в землю... но вот, услышал крик жены – и сам тоже закричал. Вопль титана расколол землю, обратил в пыль всех, кто с ним сражался... но было слишком поздно.

А потом раздался третий крик. Истошный плач младенца. Очнувшийся от горя титан наклонился – и вынул ребенка из мертвой титаниды.

– Мир тебе, сын мой, – печально произнес отец. – Твоя мать желала назвать тебя Марухом. На одном из древних языков это означает «избавитель». Будь достоин своего имени, Марух.

Перемазанный кровью Марух перестал плакать и с удивительной серьезностью взглянул на отца. Тот взял его левой рукой, покачал – и взлетел, оттолкнувшись от ледяной корки. Приземлился посреди ревущих Низших, схватил одного – и швырнул в остальных так, что убил сразу троих.

– В недобрую минуту ты появился на свет, Марух, – сказал титан спокойным голосом. – Но плохие времена однажды закончатся. Все страдания рано или поздно прекратятся – хотя бы так, как прекратились у твоей матери.

Младенцы титанов так же несмышлены, как и младенцы людей. Марух не понял ничего из сказанного. Возможно даже, что его отец и не говорил ничего подобного, что это все сочинили уже потом, когда Марух вырос и стал тем, кем стал. Мы не знаем.

И его детство не было отмечено чем-то особенным. Он рос в колонии № 22, среди других титанят. Даже в крошечном аду Ледника, даже в апогее Тысячелетия Мрака дети ухитрялись радоваться жизни. Вместе с остальными Марух бегал по замерзшей земле, ловил в океане рыбу, играл в мяч чугунным ядром.

И постепенно подрастал.

Ему было сто тринадцать лет, когда он решил, что дальше так жить не хочет. Нет, он еще не обрел жребий. Просто молодые титаны созрели для нового восстания. Аэтернус уже всю смущал умы. Странствовал по всему миру, приходил в рабочие колонии, говорил с сородичами. Встречался с ним и молодой Марух.

Но он оказался из тех, кто не пожелал ждать. Из тех, кто посчитал Неразрушимого копушей. Из тех, кто ринулся сломя голову на Таштарагиса.

Их было всего десятеро. Десятеро молодых титанов. Не обретших жребий.

У них не было шансов.

Дальнейшие события во многом перекликаются с историей принца Хасталладара, не будем повторяться. Самоубийственная атака, гибель большинства юнцов. Маруха единственного взяли в плен и бросили в темницу. Точно так же Таштарагис подверг его пыткам, желая создать нового Хасталладара, еще одного верного подручного, личного убийцу.

Он уже неоднократно пытался работать с титанами. С более крепким материалом. Но они, в отличие от эльфов, не сгибались. Ломались, сходили с ума, превращались в озверевших чудовищ – но покорными не становились.

Марух провел в темнице восемьдесят восемь лет. Восемьдесят восемь лет не видел света. В этом узилище он встретил свой двухсотый день рождения.

А на двести первый вышел на свободу. Несокрушимый лед рассыпался, и в проем шагнул Аэтернус. Еще шесть титанов стояли за его спиной – а вокруг валялись трупы Низших.

– Свобода ждет, брат, – сказал Вечный.

Марух вышел из темницы не тем титаном, который в нее вошел. Он не согнулся и не сломался – но внутри него что-то изменилось. Взгляд стал холодным, в нем навеки застыла боль.

В каком-то смысле он по-прежнему был в заточении.

Возможно, ему стало бы легче, встретить он отца или кого-то из друзей. Но всех его друзей убили при штурме, а отец погиб, пока он был в заточении.

До конца Тысячелетия Мрака оставалось еще полвека – и эти полвека молодой титан не переставал сражаться. В нем не было ненависти, не было гнева – он просто... вычищал. Уничтожал Низших, уничтожал демонов, уничтожал гигантов.

Он убивал тех, кто нес другим страдания – но сами страдания от этого не прекращались. Оставались болезни, оставался голод, оставалась ледяная стужа. Жители Камня переносили бесконечные лишения. Даже титаны.

В конце концов Тысячелетие Мрака закончилось. Боги растопили Ледник, демоны отступились, Таштарагис сбежал. Остатки Всерушителей истреблялись, мир снова закипел жизнью. Солнце прогрело уставшую землю, и зима наконец-то сменилась весной. Над цветущими лугами опять зазвучали птичьи трели и эльфийские песни.

Но Марух этого будто не заметил. Он остался там, в зиме собственной души. Во мраке и холоде.

Сердце титана стало темницей для его собственного духа.

В эпоху Легенд титаны жили по всему миру. Но Война Бессмертных и Тысячелетие Мрака жестоко их проредили. Их осталась всего пара тысяч, и как-то само так вышло, что они стали собираться на острове, который был их прародиной. Возвращаться в Алмазный Рай, в развалины Города Титанов.

Некоторые остались во внешнем мире. Дасталлит Небодержец и другие отшельники. Но их было немного, да и они предпочитали места уединенные, где нет никого, кроме них.

Титаны устали от войн и битв, устали от шума и суеты. Им хотелось покоя. И они удалились туда, где их никто не тревожил.

Среди них был и Марух. В Алмазном Раю он надеялся забыть то, что пережил. Оправиться от заточения и пыток. Найти наконец свой жребий.

Годы текли. Десятилетия. Века. Алмазный Рай – огромный остров, и горстке титанов не было на нем тесно. Немало среди них было подобных Маруху – выжженных изнутри, потерявших себя. Одним удавалось излечиться, и они возвращались к чистой жизни, заводили семьи, приводили в мир новых титанят. Другие... другие продолжали медитировать на вершинах холмов, среди деревьев, у кромки прибоя.

Все титаны – мыслители. Годами они могут сидеть неподвижно, размышляя о мироздании, о сущем, о своей роли в нем. Каждый титан день за днем и год за годом ищет свой путь в этой жизни. Они никуда не торопятся, ибо никуда торопиться тому, кто бессмертен и ни в чем не нуждается.

В определенном смысле бессмертие – это тупик. Перестают сменяться поколения, новые лица становятся редкостью, а развитие затормаживается до предела. Почти все цивилизации бессмертных не знают прогресса – либо стагнация, либо медленный регресс.

Просто потому, что все основные достижения уже пройдены, добиваться больше нечего. Если не найти какую-то новую грандиозную цель, чтобы сохранять хотя бы статус-кво, от цивилизации со временем ничего не остается. Как давно не осталось ничего от цивилизации драконов, что были когда-то живыми богами, а ныне ведут существование говорящих животных.

Именно в качестве такой цели и появился жребий титанов. Не для всего социума, а для конкретных индивидов.

Иногда Марух оставлял свою келью и ходил к сородичам, с которыми давно утратил связь. Смотрел на юных, беспечно радующихся жизни. Смотрел на взрослых, нашедших жребий. А иногда... иногда видел тех, кто потерял себя окончательно.

Озверевших.

Излечиться удавалось не всем. Подобных Маруху в те времена было слишком много. Аэтернус наблюдал за каждым и некоторых сумел вернуть на прямую дорогу. Но титаны уважают чужой выбор, даже если он ужасен. Те, что предпочли спастись в забвении, предпочли утратить разум, став бессловесными чудовищами... с ними просто прощались.

Марух стоял на возвышении, и смотрел, как изгоняют из Алмазного Рая Джаймхода. Некогда один из лучших воинов, из верных последователей Аэтернуса, он так и не сумел приспособиться к мирной жизни. Его уже прозвали Смердным Титаном – изуродованный, с безумным взглядом, Джаймход источал такую вонь, что вокруг все гнило и разлагалось.

Его держал за плечи родной брат, Оксимор. Крепко стискивал, с болью смотрел на хрипло дышащего Джаймхода. Несколько веков они были неразлучны, сражались бок о бок – и Оксимор до последнего пытался вытащить Джаймхода из бездны.

Но сегодня роковая черта пересечена, и общество постановило, что Джаймход должен уйти. Титаны не убивают и не запирают себе подобных, ибо титан никогда не убьет и не лишит свободы другого титана. Просто переправляют куда-нибудь подальше – в пустыни, горы, дикие леса, необитаемые острова.

– Меня это всегда раздражало, – сказал Дегатти. – Титаны хотя бы представляют, сколько проблем у нас бывает от этих чудовищ?

– Кха-кха!.. Лиадонни!.. – кашлянул в кулак Бельзедор.

– Это другое!

Дело не в том, что титаны в принципе не могут убивать себе подобных. Могут. Просто для них это что-то невообразимо ужасное. Как для человека людоедство или еще что похуже. А скинуть сородича в какой-нибудь Хиард или другую тюрьму они считают даже более отвратительным, чем убить.

– Ну да, а смертные пусть разбираются, как хотят, – снова не выдержал Дегатти.

– А как еще ты предлагаешь им поступать? – неожиданно разозлился Бельзедор. – Титаны не признают казни или лишения свободы – только изгнание. И они оставили себе один-единственный остров, отдав всю остальную планету вам, смертным. Куда им еще изгонять – на луну?

– Но...

– А если вас что-то не устраивает – возвращайте планету титанам и проваливайте в анналы, – ткнул Дегатти пальцем в грудь Бельзедор. – Мы вас на Парифат не звали и мы вам ни кира не должны.

– Мы?..

– Дегатти, не тупи, – поморщился Янгфанхофен.

Джаймхода переправили в пустыню. В одну из самых больших и бесплодных пустынь планеты. По ней можно было идти много дней и не увидеть ничего живого. Озверевшие титаны

склонны к оседлости, так что если никто не полезет к Джаймходу намеренно, вреда он никому не причинит.

Марух почти физически ощущал разлитое в воздухе страдание. Страдание Джаймхода, угодившего в темницу собственного безумия. Страдание Оксимора, теряющего брата. Страдание Аэтернуса, не сумевшего ничем помочь. Страдание остальных титанов, переживающих за сородичей.

И свое собственное страдание.

На мгновение у него даже мелькнула мысль, что все только выиграют, просто уничтожь они Джаймхода. Прекратив его муки и оградив от грядущих бед всех, кто попадется на его пути. Одна смерть, один быстрый всплеск боли – и остальные смогут жить дальше. Жить так же, как жили до безумия Джаймхода... только уже без него.

Но эта мысль мелькнула только на мгновение. Марух родился и был воспитан титаном. Убийство другого титана вызвало у него такое жгучее отвращение, что он проникся ненавистью к самому себе.

К тому же... он сразу понял, что это не прекратит страдание, а лишь изменит его. Сейчас Джаймход жив. Есть крошечная вероятность, что однажды он станет прежним. На памяти ныне живущих такого не случалось ни разу, но надежда на чудо остается всегда. Оксимору и другим эта надежда облегчает существование.

Если же Джаймход умрет, надежды не останется. Он будет потерян навсегда, окончательно. А страдание от необратимой потери – одно из самых сильных.

Нет. Смерть одного только Джаймхода ничего не решит. Нужно... нечто большее.

На следующий же день Марух покинул Алмазный Рай. Просто вошел в море и поплыл. Иногда опускался на дно и шагал по нему. Иногда всплывал и летел по волнам, как дельфин. Титанам не нужно есть и пить, не нужно дышать, не нужно даже отдыхать. Марух с легкостью пересекал океан, не переставая растить мысль, что вспыхнула где-то на грани восприятия.

Когда он выбрался на берег, то просто зашагал, продолжая размышлять. Погруженный в себя, Марух лишь изредка отвлекался, смотрел вокруг – и видел все то же страдание.

Все живые существа в этом мире страдали. Мучились от голода, холода и болезней. Голода и холода с окончанием Ледника стало гораздо меньше, но они никуда не исчезли. Болезней стало даже больше, потому что больше стало тех, кто мог переносить заразу.

А еще они сами же причиняли страдания друг другу. Убивали. Пожирали. Терзали.

Первое время Марух питался рыбой и дичью, но быстро прекратил. Он нащупывал свой жребий – и уже чувствовал, как страдает его добыча. Титану хватило нескольких дней, чтобы полностью перейти на плоды и корни.

Но потом он оставил и их. Растения тоже страдали. Им не было так же больно, как животным, но они тоже не радовались гибели. Ничто в этом мире ей не радовалось.

Как и смертные, титаны испытывают голод и жажду. Только вот смертный, лишенный пищи, будет все больше слабеть и в конце концов умрет. Титан же может голодать годами... веками... тысячелетиями... Он не умрет и даже не ослабеет.

Только приятного в этом мало. Титанам нужно есть, и едят они много, поскольку энергию получают из обычной материи. К счастью, титаны способны переваривать любое вещество – от цианистого калия до урановой руды. При этом пищу они получают необязательно через рот – могут вдыхать или даже впитывать через кожу.

Марух мог питаться камнями и солнечным светом. Но большинство других существ вынуждено поглощать других существ... и это замкнутый круг. Гибель одного – жизнь другому.

Где же решение?

Титан ходил среди смертных. Минули века с окончания Тысячелетия Мрака, и планета вернулась к жизни. Снова расплодились прекрасные эльфы, снова расцвел бесподобный Тирнаглиаль. Возникли и другие эльфийские государства – на разных континентах, по всему миру.

Быстро плодились и чешуйчатые кобрины. Верно служившие Всерушителям, они вовремя переметнулись – и сохранили свои города, сохранили свои земли. К небесам поднимались храмы богов-драконов, все шире раскидывалась юная империя Великого Змея.

Появились и новые виды смертных. Ледник уничтожил многих без остатка, но на освобожденные земли пришли другие. Из-за Кромки явились неказистые видом, но могучие тролли. Явились крохотные волшебники-гномы. Явились долгобородые кузнецы-цверги.

Одни из них жили хуже, другие – лучше. Но даже те, что казались совершенно счастливы, источали страдание. Марух слышал его в земле, слышал его в воде. Страданием полнился эфир.

Он двигался все медленней и осторожней, чтобы случайно не убивать насекомых. Но все отчетливей понимал, что это ничего не меняет. Титан пытался объяснить свои взгляды смертным, пытался отвести их от причинения страданий друг другу, и даже стал основоположником странного учения – хомунцианства.

Это случилось ненароком, само собой. Марух не ставил себе такой цели и не обрадовался тому, что горстка смертных стала ему подражать. Тем более, что они быстро отошли от того, чему учил их Марух, и пришли к какой-то чепухе.

Смертные вообще очень легко создают и принимают разные учения. В своих бесплодных попытках объяснить причины страданий они запутывают себя в хитросплетениях философии и религиозных воззрений. Их жизнь подчинена страху смерти, поэтому они измышляют все больше и больше небылиц, призванных защитить воспаленный осознанием конечности бытия ум.

За века своих странствий Марух узнал множество таких учений. И все они сводились к тому же самому, о чем так долго размышлял он сам.

Почему мы страдаем? Есть ли причина? Возможна ли награда? Не являются ли страдания испытанием, призванным очистить душу перед финалом? Получит ли мой обидчик свою долю страданий в ответ? Возможно ли возмездие? Есть ли справедливость? Как быть добрым и прощающим в мире, который не прощает ничего?

Смертные выдумывают ответы, способные оградить от монументальной, острой, холодной истины. Страдания – это просто естественная часть мироздания, не несущая в себе ни цели, ни справедливости, ни меры, ни причин, кроме таких же естественных вещей. Большая часть страданий – это не козни демонов и не кара богов, а нормальный ход событий. Случайные происшествия, ошибки, причины и следствия, в которых никто не виноват.

Причина, по которой твое дитя неизлечимо больно – обезумевшие в бесконечном делении хомунции. Несовершенство смертного организма, который иногда убивает сам себя. Убивает маленькое, теплое, бесконечно родное тело твоего ребенка.

Причина, по которой ты и твои родные голодают или мерзнут – случайное движение потоков воздуха, приведшее к частым засухам или заморозкам. Немного возросшая или упавшая активность солнца, к которой вы не могли быть готовы.

Причина, по которой любимый кот попал под колеса телеги – в неадекватности животного и невнимательности возничего. В несущихся друг к другу в трехмерной системе координат объектах, один из которых – просто кот, легко ломаемое существо из плоти. Его мягкая шерсть, которую ты так любил гладить, вздрагивая от искр статического электричества между вами, заляпана кровью, и ты отчасти умираешь вместе с ним.

Причина, по которой ты мертв – в том, что никто не может бороться вечно, а ты смертен. Причина, по которой тебя кто-то убил – в том, что некто хотел тебя убить и имел средства это сделать, а ты не смог воспрепятствовать.

Ничего личного. Просто часть естественного порядка вещей.

Нам тяжело осознать, что мир не создан для нас, что это не место, где мы – желанные гости, что это место, которое причинит нам боль даже тогда, когда мы думаем, что делаем все правильно, что мы хорошие. Тогда мы думаем – хорошо бы, чтобы смерть была вратами к чему-то лучшему. Что это не конец. Что потом мы продолжим жить... просто как-то иначе. Что нам воздастся. Что за последним порогом есть справедливость.

Мы хотим лучшего для себя, мы хотим лучшего своим любимым, мы хотим возмездия тем, кто нас обидел и причинил нам боль – потому что нам трудно принять мысль, что обидевшие нас разделят с нами доброе посмертие. Мы хотим снова встретить всех тех, кто наполнял своей любовью нашу жизнь, потому что без них счастье невозможно.

Счастье – это то, что произойдет когда-то потом, но так никогда и не происходит.

Значит, счастье – в небытии. Ибо только в нем нет страдания.

Марух обмысливал это очень долго. Титанов жребий может вспыхнуть молнией, явиться мгновенным озарением – но может и созреть целыми веками. И в конце концов Марух пришел к выводу.

Он понял, что живая плоть – суть оковы для бессмертного духа. Для монады, заключенной в душе любого живого существа. Что страдание зародилось одновременно с жизнью, и все мучаются в этом круговороте – от ничтожных хомунциев до всемогущих богов.

Он понял, что жизнь – это ужасная ошибка.

Единственный способ покончить со страданием – разрушить телесные оболочки, являющиеся проводником психической воли мириад душ. Уничтожить то, что формирует саму реальность – суммацию духовных сил. Суммацию разумов и сознаний.

И поняв это, Марух обрел свой жребий.

– В Госпитиум его! – не выдержал Дегатти. – У нас тоже так начинается: сидит-сидит себе волшебник в своей башне, чай пьет, в потолок смотрит, думает о всяком... а потом как выйдет, да как начнет превращать всех в табуретки! Потому что у него табуретка сломалась, и он сделал вывод, что в мире слишком мало табуреток! А всего остального слишком много!

– Вот видишь, мы не такие уж разные, – ухмыльнулся Бельзедор.

Неизвестно, как бы сложилась судьба Маруха, родился он в другое время или хотя бы не попади в темницу Таштарагиса. Да и многие из попадавших туда потом сумели вернуться к нормальной жизни, сумели исцелиться.

Но в нем что-то повредилось необратимо – и в конце концов это вылилось в ужасающий жребий.

Он не боролся со своим жребием и не пытался его преодолеть. Это было бы nonsensom. Жребий – это идея, которой охвачен титан. То, чего он хочет больше всего на свете и к чему стремится его сердце.

Цель всей его жизни.

Жребий может измениться, если изменится мировоззрение титана. Но боль и отчаяние наполнили сердце Маруха неизбывной жалостью ко всему живому, а поврежденный рассудок привел к парадоксальному, безумному решению.

Не зайдя он настолько далеко – стал бы одним из титанов-подвижников. Великим спасителем, целителем, учителем. Многие титаны обретают жребий в чем-то подобном. Но Маруху все это казалось недостаточным, пустяковым. Он хотел изменить все глобально и окончательно.

– В Госпитиум, – тихонько повторил Дегатти.

– Не было тогда вашего Госпитиума, – огрызнулся Бельзедор.

Это началось в Магизии. Огромном северном континенте. Именно там находился Марух, когда его размышления окончательно оформились – и именно эти земли первыми увидели Маруха Уничтожителя.

Это были не очень обитаемые земли. Тысячелетие Мрака закончилось всего семьсот лет назад, и три четверти планеты оставались дикими, безлюдными. Большую часть Магизии покрывал лес, через всю длину тянулась великая горная цепь и только на крайнем западе поднимались гигантские замки Аррема, страны циклопов.

Но Марух, на их счастье, обрел жребий на другом конце Магизии. Он мог направиться на запад, к горам, а мог на север, в тайгу. Но он выбрал юг – и стал превращать леса в пепел.

Помните историю про Зодчих? Что они сотворили с западом Калладии? Рядом с Марухом Уничтожителем пришельцы со звезд показались бы смешными червячками. Поняв, чего хочет достичь, титан сам зажег в груди звезду – и стал воплощением уничтожения.

Он вырос до небес. Уперся головой в облака. Каждый шаг Маруха оставлял котлованы, способные вместить ипподром. Обычно титаны при масштабировании снижают вес и движутся очень осторожно, чтобы как можно меньше тревожить землю... но что было до таких пустяков Маруху?

Он излучал... некую энергию. То был не банальный огонь, превращающий все в пепел. Не была то и Тьма, этот абсолютный негатив. Нет, жребий Маруха преобразовал титанову силу в нечто, стирающее все в пыль, в первичную протоматерию. Полностью высушивал почву, лишал ее жизни на многие вспашки в глубину. Испарял малейшие капли влаги. Убивал всякую жизнь вплоть до хомунциев.

Марух шел – а за ним простиралась пустыня.

Он работал скрупулезно. Ему не хотелось потом возвращаться, поэтому он выжигал все так, чтобы никакая жизнь тут больше не закрепилась. Титан двигался, как гигантский пахарь, как оживший лесной пожар.

Мелкая живность удирала от него во весь дух. Птицы с криками летели прочь. Жившие кое-где арахниды обращались в пыль вместе со своими гнездами.

Когда Марух дошел до океана, то свернул на запад, сделал несколько шагов – и пошел обратно на север. Из его ладоней продолжали бить огненные столбы.

Безумный титан не знал усталости. Он слышал вокруг страдание – и радовался, что с каждым шагом его становится чуть меньше.

Он прекращал муки. Прекращал ту боль, что зовется жизнью.

Пока Марух Уничтожитель очищал Магизию, остальные континенты продолжали вести спокойное существование. Хотя как спокойное... Тысячелетие Мрака закончилось семьсот лет назад. В некоторых местах смертные уже так размножились, что снова взялись за междоусобные войны. Смертных постоянно надирает с кем-нибудь ссориться.

Большинство бессмертных тоже, впрочем.

Одним из самых кипящих жизнью континентов была Гульрания, что к югу от Магизии. Именно здесь раскинулся древний Тирнаглиаль, королевство эльфов.

И здесь же, чуть ли не на самой границе с землями прекрасных тир, в этот мир явились люди. Жалкие смертные создания, внешне очень похожие на эльфов, но уступающие им во всех отношениях.

И их сразу же было очень много. Мощный разрыв в Кромке переместил на Камень не одного человека или горстку, а целый огромный город.

Почти сто тысяч человек разом!

События тех первых лет тоже чрезвычайно интересны, но они слишком уведут нас в сторону. Поначалу ошарашенные и шокированные, люди быстро освоились. Уже через десять лет на карте Гульрании появилась новая страна – Человекия.

Вообще-то, называли ее так эльфы, но первые люди были так неподдельно ими восхищены, что поначалу во всем слушались. Они принесли с прародины свой язык, но вскоре заговорили на эльдуальяне и вообще делали все, что им советовали эльфы. Те снисходительно взяли над юным народом покровительство, жалели их за ничтожно короткую жизнь и вообще помогали в первое время.

Очень скоро им это аукнулось.

Примерно через пятьдесят лет после появления людей в самом Тирнаглиале случилась война кланов, которая привела к расколу. Часть эльфов покинула страну, уплыла за моря и добралась до Сурении, где основала новую великую державу, Тирцехлиаль... но это тоже нашей истории не касается.

Важно то, что уже в следующем году на ослабленный междуусобицами Тирнаглиаль напала Человекия. За полвека люди умножили свою численность, переняли у эльфов многие секреты, научились волшебству – и отплатили эльфам тем, чем обычно люди платят за добро.

– Иди в анналы, – хмуро сказал Дегатти. – Я прекрасно знаю древнюю историю. Не такими уж и добрыми были эльфы к первым людям. Они относились к ним, как к низшим существам... некоторые даже охотились, как на животных.

– Это со слов людей, – сказал Бельзедор. – Эльфы излагают это иначе. – Ну так и рассказывай обе версии.

Парифат – очень молодой мир, и Кромка в нем по сей день ослаблена. Не проходит и двухсот лет, чтобы на нем не появилось какой-нибудь группы... существ. Иногда прямо вместе с домами. Большая часть либо быстро погибает, не оставив о себе особой памяти, либо встраивается, находит незанятый уголок и как-то существует – благо Парифат громаден. На нем десятки маленьких стран, населенных такими вот народами.

Но некоторым недостаточно одной маленькой страны. Некоторые быстро плодятся и занимают все новые территории. Теснят соседей. Выдавливают их из исконных земель. И постепенно становятся доминирующим видом.

Люди в этом деле – настоящие чемпионы.

Даже гоблины не настолько эффективны, поскольку у них очень плохо со взаимовыручкой и гигиеной. Люди же – универсальный вариант.

Они активно плодятся – но не слишком. Поколения сменяются быстро – но не слишком. Люди умны – но не слишком. Люди сильны – но не слишком. Люди храбры – но не слишком. Люди изобретательны – но не слишком. Люди умеют колдовать – но не слишком.

Всего у них не слишком, а так, помаленьку. И словно тараканы, они распространяются везде, где есть подходящая атмосфера и еда. Если же условия подходят плохо, они измышляют какие-нибудь приспособления и все равно заселяют это место.

Так что нет ничего удивительного, что со временем люди стали доминирующим видом и на Парифате. Но в те времена их было всего-то полмиллиона, и они легко могли сгинуть, как сгинули десятки других малых видов. Если бы их не истребили разгневанные эльфы, то уничтожил бы безумный титан Марух.

Он, кстати, как раз появился на сцене. Очистивший от жизни Магизию, он много лет после этого ходил по океанскому дну, вымаривал воды. Потом выбрался на берег острова, который сейчас зовется Пустым. Ну а потом смертоносного колосса увидел северо-запад Гульрании.

Здесь Марух стал двигаться в другом направлении. Зашагал вдоль побережья на восток, туда, где жили... неважно, кто там жил в те времена, поскольку сейчас о тех существах никто не помнит. А обитатели северо-западных краев с облегчением вздохнули, глядя ему в спину.

Но через некоторое время Марух вернулся. Оставляя за собой выжженную полосу, он методично ходил по континенту из конца в конец. Осуществлял то же самое, что уже сделал с Магизией.

Работа спорилась.

Только тогда эльфы и люди прекратили сражаться. Только тогда до них дошло, что явился враг, в сравнении с которым Таштарагис – образец милосердия. Источник абсолютного уничтожения, с которым невозможно бороться.

И этот всеобщий враг положил конец войне.

Гульрания – огромный континент, и даже Марух не мог вычистить его быстро. Но каждые несколько дней полоса выжженной земли смещалась на юг, приближалась к Тирнаглиалу и Человекии. Вместе с ними смещались потоки беженцев, удирающих от ходячей стихии.

И никто не знал, что с этим делать.

– Он неистребим, – горланно говорил Эмбетос Эд, нынешний царствующий жрец Тирнаглиала. – Отряд из шестисот элитных витязей вышел против него – и не смог даже поцарапать. Отправлять новых бессмысленно – ни оружие, ни магия не действуют на это чудовище.

– А что титаны? – спросила владычица Иллария. – Все отмалчиваются? Или помогут? Вернулись ли гонцы?

– Титанов волнуют только титаны, – покривился Эмбетос. – Они размышляют, как всегда. Может, они и выступят против Уничтожителя, когда он дойдет до их острова... но пока они считают, что у них есть время.

– А он в это время уничтожает нас, – сказал Одриах, король Человекии. – послушайте, мы готовы помочь всем, чем сможем, но у нас не так уж много средств, чтобы остановить... как, говорите, зовется это создание?

– Это высший титан, – угрюмо сказала Иллария. – Бессмертный и всемогущий. Почти как бог.

– Может, это небесная кара? – предположил пастырь Веаль. – Может, мы чем-то прогневили богов? Не разгневались ли они, что мы затеяли эту ужасную войну?

– Титан никогда не станет проводником божественной воли, – отмахнулась Иллария. – Только своей собственной.

Эльфы напряженно размышляли. Многие из них родились еще в эпоху Ледника и прекрасно помнили, насколько сильны титаны. Маруха они считали одним из озверевших – этих безумных чудовищ, слепо крушащих все, что видят.

Но обычные озверевшие титаны куда менее опасны. Ужасные обликом, агрессивные, не отдающие себе отчета в том, что делают, они не стремятся беспрестанно все уничтожить. В общем-то, они мало отличаются от огромных чудовищ – тех же драконов, бегемотов, кракенов. Их титанова сила ограничена, они сидят на одном месте и с ними вполне возможно бороться.

Марух же был чем-то из ряда вон выходящим.

– Мы победили Всерушителей, – сказал Эмбетос, опираясь на стол-пень. – Прогнали демонов. Расправились с Низшими. Неужели не справимся с одним титаном?

– Может, снова создадим купол? – робко предложил кто-то.

– Никаких больше куполов! – резко развернулся Эмбетос. – Это наша земля!

– Но у нас нет оружия, способного убить высшего титана! – повторила Иллария.

– Может, попросить драконов? – предложила чтица Эсветия. – Матриарх Орказаэль никогда не отказывала в нелегкую годину.

Эльфы переглянулись. Драконы... Может, и выйдет...

Но может и не выйти. Даже их мощь может оказаться недостаточна.

– Снова обратимся к титанам, – наконец сказал Эмбетос. – И к драконам. Соберем круг магов. Всех союзников, каких сможем. Я был в ледяной крепости Бычьеголового – сражусь и с этим.

– А тем временем призовем тир-браа, – добавила Иллария. – Если ты потерпишь крах, бессмертный Эд, придется покидать берега Гульрании. Понадобятся все корабли, что у нас есть.

– Они не вывезут и трети населения.

– Вывезут куда? – подался вперед король Одриах. – Что там, за океаном?

– Много чего, – отмахнулся Эмбетос. – Это вы явились прямо к нашему порогу, а большая часть Тан-Ог – земля, не знающая плуга.

Это прозвучало явным намеком, и король Одриах сразу понял оставшееся невысказанным. Среди его подданных и без того многие ворчали, что чем бодаться с могучей империей эльфов – не поискать ли лучше счастья за морями?

– Титаны и драконы, – продолжил Эмбетос. – Магия. Выставим кордоны...

– Создадим снова купол... временно! – сказала Иллария. – Как...

– Это не решение! – перебил ее Эмбетос.

– А что решение, бессмертный Эд?

– Отступим на юг, – предложил король Одриах.

– Как далеко? Гульрания не бесконечна!

– Что если уйти под землю? Тоннели, катакомбы... Эти бородастые карлики, что зовут себя цвергами...

– Это все временно! – кричал Эмбетос. – И мы не станем бегать и скрываться от одного индивида!

– А что мы будем делать – умирать?! – крикнула Иллария. – Я не хочу, бессмертный Эд!

– Слушайте, здесь было сказано много слов, но одного я не услышал, – раздался ленивый голос.

То заговорил Айзевир по прозвищу Принц-Бродяга. Старший брат Одриаха – известный на всю Человекию лодырь и недотепа. Он был настолько ленив, что даже отказался от короны после смерти отца. Сказал, что пусть младший брат занимается всякой чепухой – на то он и младший. А он лучше под деревом полежит, облака поразглядывает.

Нет, конечно, он не только валялся под деревом. На самом деле он постоянно где-то шатался. Блуждали его ноги, блуждал и его ум. В юности он учился у одного эльфа-отшельника, потом много лет плавал с морскими эльфами и вроде даже добирался до Алмазного Рая, страны титанов. И ладно бы познавал волшебство или искал сокровища – нет, просто шатался повсюду и тарашился. Ему перевалило уже за пятьдесят, а он по-прежнему вел себя, как мальчишка.

– Айзевир, я позволил тебе прийти, потому что ты обещал молчать! – вспыхнул Одриах.

– Ничего я тебе не обещал, – фыркнул Айзевир. – Я просто сказал, что хочу послушать, что там скажут бессмертные эльфы. Но тут, я гляжу, каждая жопа имеет свое мнение – дайте уж и мне бзднуть.

Эльфы смотрели с каменными лицами. Принц-Бродяга говорил на прекрасном эльдуальяне, но два слова произнес на своем родном языке, которого никто из Народа не знал. Они считали ниже своего достоинства учить наречие людей.

Однако им сразу стало понятно, что эти слова – бранные, а брани эльфы не выносят.

– Нам пригодится любое мнение, – сказала все же Иллария.

– Ладно, так чего же ты не услышал? – недовольно спросил Одриах.

– Этот титан, – сказал Айзевир. – Если он всего лишь озверел – почему так хочет всех нас убить?

– А, очередной вздор, – закатил глаза Одриах. – Брат, я не знаю, зачем ты за мной увязался...

– Озверелый титан убивает того, кого видит поблизости, – терпеливо повторил Айзе-
вир. – Или слышит. Или чувствует. Он не ходит по всему миру, уничтожая все так, что потом даже
трава не растет.

– Что ты хочешь сказать, гемод? – спросил царствующий жрец Эмбетос.

– Он не озверел. Его просто все [цензура].

– Айзевир, следи за словами, – пихнул его в бок король.

– Я слежу. Они идеально подходят к ситуации.

– Если я правильно тебя понял... – наморщил лоб Эмбетос.

– Это может быть такой жребий, – сказал Айзевир. – У титанов они бывают идиотскими.

Как пирог с глиной.

– Зачем делать пирог с глиной? – не поняла Иллария.

– Вот именно, – постучал по виску Айзевир. – Гляжу, вы начинаете понимать. Пирог
с глиной – это безумие, но еще не такое безумие, при котором ты просто идешь на берег и
запихиваешь в рот глину. Ты вначале ее готовишь. В безумии остается система: ты делаешь
тесто, ты делаешь начинку, ты выпекаешь пирог. Ты знаешь, как делать пироги – значит, ты
все еще не сумасшедший.

– Это и называется безумием, – холодно сказал Эмбетос.

– Ну так и объясните это титану. Кто-нибудь из вас, бессмертных эльфов, пробовал с
ним поговорить?

– Поговорить?.. Это невозможно, он убивает всех, кто подходит ближе, чем на полет
стрелы.

– И он такой громадный, что до него невозможно докричаться, – добавила Иллария. –
Мы рядом с ним меньше муравьев.

– А попытки вообще делались? – спросил Айзевир.

Эльфы переглянулись. Они не были точно уверены.

Поначалу, возможно, и делались. Но если и так – они ни к чему не привели. И сейчас
никому даже в голову не приходило, что с безумным титаном можно поговорить – его просто
перестали воспринимать как разумное существо.

Слишком уж много народу он отправил в Шиасс.

– Ленивые дураки, – помотал головой Айзевир. – Я пойду и сам с ним поговорю.

– Если до разговора с тобой он просто всех убивал, то после разговора с тобой... хотя
ладно, хуже стать не может, – пожал плечами Одриах. – Но ты делаешь ошибку, брат мой. Ты
глупо сгинешь, я тебе этого не позволю.

– А, тогда ладно, – закинул ногу за ногу Айзевир. – Давайте сидеть и ждать, пока он сам
сюда припрется. Тогда я все равно с ним поговорю.

– Пусть идет, куда хочет, – нетерпеливо сказал Эмбетос.

Он уже понял, что ничего разумного от этого гемод не услышит, и хотел поскорее вер-
нуться к совещанию.

– Дайте мне что-нибудь летающее, – потребовал Принц-Бродяга. – Пока я дойду пешком,
он там половину Гульрании сожжет.

– Эсветия, дай ему...

– ...Пинка посильнее... – пробормотал король Одриах.

– ...облаце – и пусть летит куда хочет.

Искусством творения облац даже среди эльфийских чародеев владеют немногие. Но
чтица Эсветия была одной из лучших – и уже через несколько минут Айзевир закинул на плечи
котомку, опоясался мечом, вспрыгнул на чудесное облачко, да и вылетел в окно. Немолодой
для человека, двигался он по-прежнему легко, словно мальчишка.

Розыски Маруха не заняли много времени. Несложно найти того, кто упирается головой в облака и оставляет выжженную полосу шириной в семь вспашек. Без сна, без отдыха колоссальный титан мерно шагал на восток, проводя очередную линию смерти.

Уже скоро ему придется делать выбор. С юга на север в самую серединку Гульрании врежется огромное море, деля континент на две части. Если Марух решит сначала заняться восточной половиной – у Тирнаглиаля и Человекии еще будет время в запасе. Если же он начнет с западной... времени не будет.

Хотя... что такое море для титана? Марух может бороздить его вброд.

Сейчас он пересекал реку. Страшные вспышки мгновенно вскипятили воду, убили всю живность на много вспашек вверх и вниз по течению. Правда, рекой все равно потом придется заняться отдельно, пройти по ней из конца в конец, чтобы убедиться в полном завершении работы. В том, что не уцелело ни одной икринки, ни одного рачка или головастика.

Что самой воды не осталось.

Гульрания населена гораздо плотнее Магизии. Если там Марух лишь однажды столкнулся с сопротивлением, с отчаянной атакой войска циклопов, то здесь на него нападали уже раз десять. Против него выступали рати, его пытались остановить волшебством, были даже безумные храбрецы-одиночки. И это только те, кого Марух Уничтожитель заметил, на кого обратил внимание.

Ему было бесконечно жаль этих созданий. Они не понимают, что так будет лучше. Марух нес гибель мгновенную, безболезненную. Одна вспышка – и больше никаких страданий, никогда.

А вот, кажется, еще один безумный храбрец-одиночка. Похож на эльфа, только более коренастого и с круглыми ушами. Рядом с Марухом он казался меньше муравья, но титан легко увидел даже цвет его глаз, различил даже грязь под ногтями.

И он летит на облаке. Гость из Сальвана, посланец богов?.. Марух родился в этом мире, и вправе творить в нем все, что пожелает, но он бы не удивился, если бы боги попытались ему помешать. Они вечно лезут не в свое дело.

Что ж, он убьет всех, кого к нему пошлют. Марух Уничтожитель чувствовал в себе большую силу, чем была у Катимбера. Обретенный жребий наделил его могуществом, которого нет даже у Аэтернуса.

Марух повернул голову к крошечному существу. Из глаз и рта титана вырвались снопы пламени. Испарился воздух, исчезли птицы, насекомые и воздушные хомунции. С воем улетучились духи – титанова сила выжигала все плоскости бытия.

Но облаке с круглоухим эльфом незнамо как успело переместиться. Оказалось прямо у виска Маруха... а потом исчезло. Крошечное существо запрыгнуло ему в ушную раковину.

– Мир тебе, титан, – раздался там тихий, но вполне отчетливый голос. – Может, сделаешь перерыв? Я долго до тебя добирался.

Марух так удивился, что действительно остановился. Не знающие усталости руки погасли, перестали уничтожать все вокруг.

– ТЫ СОБИРАЕШЬСЯ БРОСИТЬ МНЕ ВЫЗОВ? – прогремело над полями и лесами.

– Не, это пусть другие делают, – донесся беззаботный голос. – Я драться ни хера не умею.

Круглоухий эльф говорил на титановой речи. Свободно и очень правильно. Впервые за много лет Марух услышал слова родного языка – и ему стало любопытно.

– Ты можешь уничтожить меня, титан, – прозвучало в ухе. – Но позволь вначале задать вопрос.

Марух заранее мог сказать, что за вопрос услышит. Зачем он это делает и нет ли способа его остановить. Он не всегда понимал языки циклопов, эльфов и других созданий, что отчаянно вопили под его ногами, но всегда догадывался о смысле их криков.

Есть ли смысл что-то объяснять? Какая разница, узнают ли они перед смертью о его мотивах?

– А вопрос такой, – прозвучало в ухе. – В чем смысл жизни?

– ВСЕ ОЧЕНЬ... ЧТО?... – осекся Марух. – ЧТО ТЫ СКАЗАЛ?..

– Я спрашиваю, в чем смысл жизни. А то ты, видно, уже все про все понял, раз решил уничтожить все к херам. Ну расскажи и мне, а то сдохну, так и не узнав, обидно будет.

– ТЫ НЕ БОИШЬСЯ СМЕРТИ? – искренне удивился Марух.

– До усрачки боюсь. А ты?

Марух не услышал страха в этом голосе. Тот звучал спокойно. Звонко, чисто, отчетливо...

– КАК ТЫ ГОВОРИШЬ ТАК ГРОМКО? – спросил титан.

– Рупор из ладоней сделал. Ты на вопрос-то ответь. Хотя бы на один из двух, но лучше на оба.

– В ЖИЗНИ СМЫСЛА НЕТ, – помедлив, ответил Марух. – И ПОЭТОМУ Я НЕ БОЮСЬ СМЕРТИ.

– Понятно, понятно. Сочувствую. Но в моей жизни смысл есть, представляешь? И у других существ тоже – мелкий такой смысл обычно, дерьмовый, но все-таки есть. И отсюда вытекает мой третий вопрос... но ты, может, уменьшишься? Или я и дальше буду тебе в ухо орать? Я так охрипну скоро.

– ПОЧЕМУ ТЫ РЕШИЛ, ЧТО Я БУДУ ОТВЕЧАТЬ НА ТВОИ ВОПРОСЫ, СМЕРТНЫЙ?

– Потому что ты не можешь меня убить, дубина. А уходить я отсюда не собираюсь.

Марух сунул палец в ухо. Поковырял там, ожидая услышать вскрик размазываемого эльфа. Но тот, видимо, погиб, не успев издать ни звука. Марух убрал руку и снова полыхнул вокруг всеуничтожающим излучением...

– Ты не можешь меня убить, – повторил тот же голос. – Я слишком глубоко залез. А вот я могу сделать очень многое.

– ЧТО ТЫ МОЖЕШЬ, БУКАШКА? – чуть раздраженно спросил Марух, снова прерываясь.

– Например, могу сидеть тут и очень противно петь. Это полностью разрушит пафос твоего жребия. Это же твой жребий, верно? Раскатать нас всех в блин? Ты это замыслил, титан?

Марух с минуту стоял молча и размышлял. Проницательный смертный. Но что с того?

– А-ля-ля, ля-ля-ля, сегодня мы пойдем к бля...

– НЕ ПОЙ, – перебил Марух. – Я УДЕЛЮ ТЕБЕ ВРЕМЯ.

Он понял, что происходит. Смертный не надеется его одолеть. Он просто решил выиграть немного времени.

Видимо, там дальше – его деревня или город. Таким образом он хочет задержать Маруха, пока его соплеменники удирают от неизбежного. Такое с ним пару раз уже бывало, хотя и другими методами.

Что ж, ему не откажешь в самоотверженности. Он заслуживает того, чтобы узнать, что происходит.

И Марух масштабировался к минимальному росту. Сжался до того размера, в котором пребывают молодые титаны.

Крошечное существо едва успело выпрыгнуть из его уха. Под его ступнями снова возникло облаце, и эльф приземлился прямо перед Марухом. Он по-прежнему казался коротышкой рядом с титаном, но теперь разница составляла всего три головы.

Некоторое время они мерили друг друга взглядами. Марух, как всякий титан, был атлетически сложен, имел чеканное лицо, густые брови и крупный подбородок. Его глаза, глубокие и пронзительные, будто заключали в себе крошечные галактики.

А вот напротив стоял самый обычный, простецкой наружности смертный. Уже начинающий лысеть, с проседью в короткой бородке. Мутно-зеленые хитроватые глаза ощупывали титана, на тонких губах кривилась усмешка. Облачен он был в легкую дорожную тунику, а на поясе хоть и висел меч, но было видно, что это больше украшение, чем оружие.

– Ты не эльф, – заключил Марух. – Очень похож, но не эльф. Они бы ни за что не стали петь такие песни.

– Я человек, – сказал незнакомец. – Меня зовут Айзевир.

– Человек?..

– Ты про нас вряд ли слышал. Мы тут недавно появились. Как плесень на трехдневном хлебе – пока совсем чуть-чуть, пара пятнышек... но мы растем. Мы распространяемся. А если ты не прекратишь выжигать все живое, эта булка не позеленеет.

– И ты хочешь знать, зачем я это делаю, – наконец-то услышал ожидаемый вопрос Марух.

– Я знаю, зачем ты это делаешь, – отмахнулся Айзевир. – Чтобы убить всех, это и дураку понятно. А вот зачем тебе убивать всех... ну давай выслушаем твою версию. Я, в общем-то, уже догадался, но хочу услышать это из твоих уст.

– Если ты думаешь, что я хочу царить над миром смерти – ты ошибаешься, – сказал Марух. – Сидеть на горе черепов – не то, чего я желаю.

– О, правда? Жаль. Это, по крайней мере, было бы впечатляюще. Представь сам: миру конец, нигде не осталось ничего живого, и только на месте лесов Тирнаглиаля громоздится гора черепов, а на ней восседает безумный титан, держа один череп в руке. Это, разумеется, мой череп, поскольку я единственный, кто был тебе забавным собеседником.

Марух снова замолчал, пристально глядя на Айзевира. Не сумасшедший ли перед ним? Бесстрашен он до безумия, этого у него не отнять.

И... странное дело, но когда Марух смотрел на этого смертного, он не видел в нем страдания. Во всех живых существах видел, а в этом – нет.

– Ты неверно понимаешь меня, – наконец сказал он. – Я просто хочу все закончить. Подвести черту. Черепа и бесконечные смерти – это лестница в ничто, где никто не задаст в конце вопроса, потому что ответа все равно не прозвучит.

– Ох, как ты сейчас красиво сказал, – покрутил головой Айзевир. – Я не все понял, но ты должен меня извинить. Сколько тебе там лет, древний титан?.. тысяча?..

– Почти. Мне одна тысяча четырнадцать лет.

– Ну я в сравнении с тобой молокосос. Мне пятьдесят один годик. Но мы очень недолго живем, титан. Я еще не старый, но когда смотрю вокруг, то чаще вижу людей моложе себя, чем старше. Мы, люди, здесь новенькие. У нас еще полно тех, кто родился еще в старом мире... [цензура], да я сам в каком-то смысле тамошний, а не здешний. Я родился уже тут, на этом вашем сраном Тан-Ог, но зачали меня там, откуда мы все приперлись. Честно, я понятия не имею, как и зачем вышло так, что наш город перенесло сюда, к вам, но зачем-то это же все-таки случилось, верно? Будет [цензура] как глупо, если ты просто возьмешь и все испортишь в самом начале.

– Сколько вас сейчас, человеки? – спросил Марух.

– Тысяч пятьсот, и большая часть – идиоты, – пожал плечами Айзевир. – Но даже идиоты хотят жить.

Марух вздохнул. Он мог убить этого смертного усилием воли. Обратив его в пыль и продолжить свой долгий, упорный поход.

Но Айзевир – единственный, кто не кричит от ужаса, не стонет и плачет, не пытается убить Маруха. Единственный, кто пожелал с ним поговорить.

Да, он просто тянет время... или, возможно, надеется его отговорить. Но Маруху вдруг остро захотелось объясниться. Он взглянул в пытливые глаза смертного-однодневки и подумал,

что они имеют право. Хотя бы в лице одного своего представителя – имеют право знать, что он не желает им зла, что он несет спасение.

– Рассказ будет долгим, верно? – как-то догадался Айзевир. – Пойдем туда, ниже по течению. А то здесь ты все так выжег, что даже присесть негде.

Марух пропустил мимо ушей укоризну. Молча кивнул, вырос в несколько раз и зашагал по борозде. Айзевир, которому эти рвы и овраги были непроходимы, чиркнул пальцами, сотворил новое облаце и воспарил в воздухе.

– Ты волшебник? – спросил Марух, глядя на это.

– Нет, – отмахнулся Айзевир. – Мне эту штуку эльфийская колдунья дала.

– Но сейчас же ты сотворил ее сам.

– Нет, просто она исчезла, когда я влез тебе в ухо, а теперь снова появилась.

– Разве магия облац так работает?

– Магия – это магия. Сраное волшебство. Оно работает, как тебе хочется.

Дойдя до зеленой травы, Марух и Айзевир остановились. Титан уселся прямо на землю, скрестив ноги, человек спрыгнул с облаца и скинул со спины котомку.

– Чай будешь? – предложил Айзевир, доставая фарфоровый кувшин и пергаментный сверток. – Отличный, эльфийский.

Марух не отказался. Вновь масштабированный до минимума, он глядел, как Айзевир разводит костер, как кипятит налитую в реке воду и сыплет в нее сушеную траву.

– Впервые я задумался о сути страдания, когда попал в темницу Таштарегиса... – начал он долгий рассказ.

Чай оказался терпким и бодрящим. Прихлебывая горячий напиток, Марух рассказывал свою историю и думал о том, что это последний раз, когда он с кем-то говорит. Последний час, который он посвящает чему-то, кроме следования жребию.

– ...Так я понял, что жизнь – это ужасная ошибка, – закончил Марух.

– Какой глубокий вывод, – покивал Айзевир. – Но тебе не кажется, что ты слишком поспешил решать за всех? Я вот не считаю, что жизнь – это ошибка. И никто из моих знакомых так не считает. Давай проведем опрос и узнаем, сколько людей с тобой согласится, а? Вон, за рекой мужик какой-то на коне скачет – давай хоть его спросим.

– Жребий – это не то, о чем спрашивают у других, – терпеливо объяснил Марух. – Жребий – это внутренний огонь титана. К нему приходят самостоятельно, и он касается только меня одного.

– Не, вот тут ты ошибаешься. Тебя одного касается, что съест на обед. И то лишь при условии, что ты не собираешься съест меня, как тот огр. А если у тебя такой жребий – он, [цензура], касается и меня, и того мужика на коне, и вот этих муравьев, которые ползают у меня по штанам. Он всех касается.

– Нет, никого из вас это не касается. Особенно вас, людей. Я еще понимаю эльфов, которые были здесь задолго до моего рождения, но вы, люди... это не ваш мир. Вы только гости здесь. Всего пятьдесят два года назад на Камне не было ни единого человека.

– Но сейчас нас уже много. И станет еще больше. Мы очень быстро распространяемся.

– Я уже вижу. Истребление вас в самом начале будет благом для всех.

– Вот это – единственный пункт, в котором с тобой некоторые согласятся. Особенно эльфы. Но ты же не собираешься ограничиться только людьми. Или хотя бы разумными существами, которые, согласен, часто бывают теми еще мудрыми. Ты планируешь вычистить Камень вообще от жизни. Кстати, что насчет других титанов? Их ты тоже убьешь?

Марух не ответил. Это было больным местом в его жребии. Титан не убивает титана, это слишком глубоко сидит в подсознании.

Вероятно, со временем он придет к решению. Жребий адаптируется, противоречие будет разрешено.

– Ладно, вижу, ты еще не решил, – догадался Айзевир. – Но что все-таки ты будешь делать, когда закончишь? От горы черепов ты отказался... зря, кстати, охеренно бы смотрелось. Что же тогда? Просто сядешь посреди пустого места и будешь вечно сидеть и тарашиться? Или убьешь самого себя?

– Так далеко я не заглядывал.

– А почему только Камень? Почему только эта планета? У нас тут нет монополии на страдание. Мир, откуда явились мы, жалкие людишки... знаешь, если верить моему покойному батю, там страданий еще больше. Не хочешь туда заглянуть? Может, вообще начать оттуда?

Марух молчал.

– А что насчет звезд? – указал на темнеющее небо Айзевир. – Я там не был, но болтал с мудрецами гномов – они говорят, что там тоже могут жить всякие типы. Наверняка они все идиоты... но вдруг они тоже страдают? Начни со звезд, не трать время на нас. Я вообще согласен, чтобы нами ты закончил... будет трудно, конечно, страдать тут все это время, но мы потерпим как-нибудь, ради благой-то цели.

– Ты насмехаешься надо мной, – спокойно сказал Марух. – Нарочно выставляешь мой жребий нелепицей в надежде, что я отрекусь от него.

– Нет, про нелепицу ты сам сказал. И раз сказал – значит, тоже об этом думал. Кстати, ты титан, ты должен знать – что там для нас всех планируется после смерти? В нашем старом мире были жрецы, которые обещали, что все будет так же, как здесь, только немного лучше. Но после того, как мы переместились сюда, они стали все переписывать, так что я теперь не знаю, чему верить.

– После смерти? – озадаченно спросил Марух.

– Да. Я там не был, я не знаю. Там ничего не будет? Если да, вопросов нет. Но если будет – ты никаких страданий не прекратишь, а просто переведешь всех в другое место. Или после смерти все будут под вечным кайфом? Скажи мне, титан.

Марух хранил гробовое молчание. Смертный задавал неудобные вопросы. Те самые, насчет которых он и сам неоднократно размышлял и надеялся в будущем разрешить... но пока не успел.

– Слушай, ты что, решил начать как получится, а мелкие детали продумать по ходу дела? – участливо спросил Айзевир. – Это несколько радикальный подход, тебе не кажется? Все-таки жизни миллионов. Если потом поймешь, что ошибся – уже не исправишь.

– Я не ошибся, – снисходительно молвил Марух. – Это мой жребий. Мир полон страданий – я слышу их.

– Ты так заиклился на страданиях, что не слышишь ничего другого. А ведь кроме страдания есть и радость. Есть удовольствие. Есть счастье. Есть любовь. Ты испытывал когда-нибудь счастье и любовь, могучий титан?

– Когда-то испытывал, – проронил Марух. – Но страданий было гораздо больше.

– У тебя, – ткнул пальцем Айзевир. – Я, знаешь, тоже не всегда бываю пьян и весел. Я и голодал, и замерзал, и чуть не утонул один раз, и в котле меня сварить пытались...

– Поэтому ты и умрешь, – пообещал Марух. – Чтобы больше этого не происходило.

– Но хорошего в моей жизни тоже было полно! Я прямо сейчас пью вкусный чай – думаешь, я хочу этого лишиться? Я согласен претерпевать страдания, если это обязательная часть жизни! Потому что жить я люблю больше, чем не жить! Все любят!

– Но почему ты считаешь страдания обязательной частью жизни? – спросил Марух. – Кто сказал, что мир без них невозможен совсем?

– Ну это просто. Если не будет зла, то и добро перестанет быть добром, а станет нормой. Если оно станет нормой, то любое отклонение от нормы будет либо сверхдоброе, либо злое. Понятия «сверхдобро» не существует. Поэтому всегда будут добро и зло.

– Это все демагогия, – отверг рассуждения Айзевира Марух. – В жизни есть лишь три настоящих вещи: любовь, страдания и смерть. И смерть – самое фундаментальное. Она подводит черту. Пока мы живем – мы живем в ожидании смерти. Все наши чувства и чаяния подчинены мыслям о смерти. Никакого добра. Никакого зла.

– Только смерть, – закончил Айзефир. – И страдания, правильно?

– Да.

– А любовь ты куда дел? Ты сам ее назвал первой. Куда ты спрятал любовь?

Марух издал приглушенный смешок. Смертный смотрел так требовательно, словно и в самом деле подозревал Маруха, что тот украл и куда-то спрятал любовь.

– Любовь очень быстро гаснет в мире, полном боли, – сказал титан. – И она бессильна перед смертью.

– Ладно, допустим. Но почему тогда ты играешь на стороне смерти? Неси нам любовь!

– Это бессмысленно. Многие титаны так делают – но число страданий не уменьшается. Этот путь – ложный и бестолковый.

– А почему ты считаешь, что жребий должен привести к некоему абсолютному успеху? Разве ваш жребий – не просто способ существовать? У него не должно быть конечного эффекта. Вот я встречался с одним из ваших, по имени Диагрон. К его жребию я отношусь с уважением. Я бы такой же себе избрал, родился я титаном. И он, заметь, не имеет конечной цели, он не стремится разом обречь всех на планете. Просто делает что может, в своем темпе.

Лицо Маруха разгладилось. Он вспомнил добряка Диагрона, что тоже потерял всю семью в Тысячелетие Мрака, но нашел свой жребий в возрождении жизни.

– А парень по имени Кораглий сажает везде деревья, – продолжил Айзефир. – Восстанавливает леса там, где были замерзшие пустоши. Уже засадил целые континенты! Ты что же, хочешь саботировать их жребии? Жребии всех своих братьев?

В глазах Маруха что-то вспыхнуло. С такой позиции он об этом еще не думал.

Конечно, бывает, что жребии титанов противоречат друг другу. Что титаны хотят прямо противоположного. В этом случае они либо держатся друг от друга подальше, либо начинают противоборствовать.

Но они все равно не убивают друг друга. Это скорее похоже на соревнования.

Но жребий Маруха...

Он уже не думал о том, чтобы поскорее изложить смертному свои взгляды и вернуться к тому, что делал. Вопросы со стороны разбередили его собственные сомнения. Болезненные размышления, которыми он и без того был охвачен. Зашло солнце, потом снова наступило утро, а титан с человеком продолжали спорить.

– Марух, существование хорошо уж тем, что оно есть, – говорил Айзефир. – Как вещь в себе. Оно позволяет нам оценивать его. Небытие, да, не позволит нам страдать – но только потому, что не будет нас самих. Никто не порадуется подобному избавлению от страданий.

– Я знаю. Но это все же будет избавление.

– Избавление – дело каждого разумного существа и должно быть продуктом свободного выбора. И страдание – не абсолютное зло. У него тоже есть цель и смысл.

– Цель и смысл?... Какие?..

– Вот посмотри – мне сейчас хочется пить, – сказал Айзефир. – Я страдаю от жажды.

– Да, – кивнул Марух, пристально глядя на него. – Я слышу твое страдание.

– И я сейчас... поем селедки, – достал из котомки вонючую рыбину Айзефир. – Она о-очень соленая.

– Она не утолит твою жажду.

– Даже усугубит, – впился в нее зубами человек. – Теперь мне хочется пить еще сильнее.

– Да, твое страдание усилилось.

– И вот теперь... я попью, – отхлебнул воды Айзефир.

Марух внимательно смотрел. Он слышал, как стихает страдание смертного. Как сменяется... удовольствием.

– Приятно ли мне? – сказал Айзевир. – Да. Очень. Но было ли бы это настолько же приятно, если бы я не мучился от жажды?

Марух молчал.

– Если бы не было страданий, радости бы тоже обесценились, – сказал Айзевир. – Ты не узнаешь, что счастлив, если не будет, с чем сравнивать. Одно неотделимо от другого, одно невозможно без другого. Мы не радовались бы здоровью, не будь болезней. Мы не радовались бы сытости, не будь голода. Тысячелетие Мрака было кошмаром, но оно закончилось – и как безумно все счастливы! Белое лучше всего смотрится на черном фоне, а черное – на белом.

Марух молчал.

– Это и есть жизнь – сочетание плохого и хорошего, переплетение добра и зла. Бурлящая гуща вечной борьбы, рождающая бесконечные оттенки серого... и прекрасную многоцветную радугу. А если Свет и Тьма однажды перестанут бороться, если кто-то из них окончательно победит... наступит стазис. Вечный, неизменный... и мертвый. Именно этого ты и добиваешься, титан.

– Именно этого я и добиваюсь, – эхом ответил Марух. – Но пример, тобою приведенный – это малое страдание. Временное. Что может оправдать страдание необратимое? Пытки, геноцид, убийства детей? Что их может оправдать?

– Ты оправдываешь это прекращением страданий, – пожал плечами Айзевир.

– Это снова демагогия. Мы говорим не обо мне.

– Нет, о тебе. Здесь только ты да я – и мы говорим о тебе. Но можем и обо мне поговорить, если хочешь.

Солнце поднялось и снова зашло. Наступила вторая ночь. Айзевир рассказывал Маруху байки из своей жизни, делился тем, что успел повидать. В сравнении с тысячелетним титаном он действительно прожил ничтожно мало, жалкие полвека – но эти полвека оказались полны приключений. Айзевир действительно встречал других титанов, в том числе Аэтернуса.

– Он упоминал тебя, Марух, – сказал Айзевир. – Говорил, что беспокоится о тебе. Что ты плутаешь в потемках, и он опасается за твое душевное здоровье.

– Правда?

– Возможно. А возможно, я это выдумал, чтобы повлиять на ход твоих мыслей. Мы, люди, умеем лгать.

– Да, – кивнул Марух. – Все умеют, кроме титанов.

– Титаны тоже умеют. Я встречал одну титаниду, которая обрела жребий в сочинении сказок.

– Гидея, – кивнул Марух. – Знаю. Но выдумка – это не ложь.

– Грань очень тонка, титан. Но даже если оставить это в стороне – что будет, если жребий титана потребует лгать?

– Что это может быть за жребий?

– Не знаю, какой-нибудь жребий Великого Лгуна. Кто из нас титан – ты или я? Допусти на минуту, что какой-то жребий может такого потребовать. Что в этом случае одержит верх – жребий или титанова правда?

– Жребий, поскольку титанова правда – это не в буквальном смысле правда, которая есть отсутствие лжи. Титанова правда – это быть искренним с самим собой и идти по миру, не стыдясь того, что делаешь. Слушать свое сердце и следовать пути, который избрал. Как следуешь ему я.

– Ты следуешь ему честно, – согласился Айзевир. – Но прямо сейчас лучший способ для тебя уменьшить число страданий в мире – прекратить делать то, что делаешь. Ты уничтожаешь

все живое, и тем умножаешь страдания. Прекрати свою деятельность – и число страданий уменьшится.

– Парадоксально, но по-своему истинно, – согласился Марух.

Солнце снова поднялось. Уже третий день человек и титан беседовали на берегу реки. Они все чаще соглашались друг с другом, все меньше спорили. Когда наступила третья ночь, Айзевир и Марух уже просто сидели, смотрели вдаль и время от времени кидали в воду камни.

– Давай, кто дальше, – швырнул свой Айзевир.

Марух хмыкнул и тоже швырнул камень. Тот улетел дальше... гораздо дальше. Он улетел на другой берег и скрылся за горизонтом.

– Какой ты сильный, великий титан, – чуть насмешливо сказал Айзевир. – Скажи, если ты настолько убежден в правильности своего жребия – отчего просто не уничтожишь саму планету? Это в твоих силах. Ты можешь. Но ты истребляешь жизнь медленно, неторопливо, давая возможность заранее увидеть тебя и убежать. Значит, ты сам внутри колеблешься.

– Я не колеблюсь, – возразил Марух. – Ты переоцениваешь титанову силу.

– Думаешь? А мне кажется, это ты ее недооцениваешь. Ты колеблешься. Или втайне надеешься, что тебя остановят. Что придет ваш Аэтернус или спустятся с небес боги и скажут: стой, Марух, не смей! Надеешься, что тебе помешают следовать твоему жребию.

– Аэтернус не придет, – угрюмо сказал Марух. – Ни один титан не помешает другому титану следовать жребию. Наоборот – мы делаем все, чтобы помогать друг другу в этом. Даже если жребий кажется ужасным.

– Кажется?..

– Не будем снова переливать из пустого в порожнее, – сказал Марух, глядя на занимающую зарю. – Мы уже трое суток говорим об одном и том же. Я был рад познакомиться с тобой, Айзевир, но...

– Но я тебя не переубедил. И теперь ты убьешь меня, чтобы прекратить страдания.

– Таков мой жребий.

– Ладно, не трудись, – сказал Айзевир, вставая с камня и подходя к воде. – Избавлю тебя от хлопот и убью себя сам.

– Что?.. – захлопал глазами титан. – Не надо!

– Почему? – вошел в воду Айзевир. – Какая разница, как я умру?

– Я... я бы сделал это быстро и безболезненно. И ты... это необязательно должно произойти сегодня. Я уже несколько лет следую своему жребию, но успел обработать только один материк. У тебя есть облаце, ты можешь... да и ты прав, мне необязательно начинать с Гульрании. Я могу оставить ее на потом... окончательное исполнение моего жребия займет века!

По мере того, как Айзевир входил все глубже, голос Маруха становился все тревожнее. Погрузившись по плечи, человек повернулся к нему и участливо спросил:

– У тебя ведь нет семьи, титан Марух? И друзей тоже нет? Кажется, во всем этом мире я единственный, кому ты не хочешь... прекратить страдания.

А потом он сделал еще шаг – и провалился в бочаг. Мгновенно ушел с головой. Марух вскрикнул, переместился следом – и выбросил Айзевира на берег. Мокрый, облепленный тиной, тот выплюнул струйку воды и укоризненно сказал:

– И вот ты снова не дал мне выбора. Вы, титаны, больше всего на свете цените свободу, но ты вначале не позволяешь мне жить, а теперь не позволяешь умереть. Зачем ты меня спас, если все равно планируешь уничтожить?

– Не знаю, – тихо ответил Марух.

– Мы тоже хотим быть свободными, титан, – еще тише сказал Айзевир. – Нам не нужна твоя помощь, чтобы расстаться с жизнью – каждый легко может сделать это сам. Некоторые так и делают – и это их личный выбор. Почему ты лишаешь нас этого выбора? Почему лишаешь нас свободы, Марух? Разве такова титанова правда?

– Иногда жребий зовет нас совершать то, чем мы не гордимся.

– В самом деле? А я-то думал, что жребий – это смысл жизни титана. То, чего он больше всего хочет и чем сильнее всего гордится.

Марух открыл рот, чтобы возразить. Но потом вдруг сказал то, чего говорить не собирался.

– Ты прав, – произнесли его уста. – Следуя своему жребию, я изменю титановой правде. А оставшись верным титановой правде, я изменю своему жребию.

– Это называется парадоксом, – хмыкнул Айзевир. – Я их всегда терпеть не мог. Сраные загадки без ответов. Хорошо хоть, они существуют только в нашем воображении – реальный мир не настолько тупо устроен.

– Этот парадокс существует внутри моего разума, – коснулся лба Марух. – Я не могу отринуть свой жребий. Это превыше меня. Но я и не могу ему следовать – ибо сознаю теперь его парадоксальность.

– Так может, тебе взять паузу? Переосмыслить свой жребий?

– Ты не понимаешь, – покачал головой Марух. – Я его уже обрел. Мой разум горит огнем, мое сердце желает продолжать. Трехдневной дискуссии недостаточно, чтобы я отвернулся от того, к чему шел пятьсот лет.

– Хочешь поговорить еще? Я никуда не тороплюсь.

– Нет. Я уже пришел... к решению.

– И каково же оно, твое решение? – пристально посмотрел на него Айзевир.

– Точку в этом парадоксе может поставить... моя гибель, – печально произнес Марух.

– Это будет грустный конец, – сказал Айзевир. – Но в то же время это будет соответствовать твоему жребию. Ты ведь должен прекратить и собственные страдания, титан Марух? Всегда нужно начинать с себя, если рвешься изменить мир.

– Да, – наклонил голову Марух. – Теперь ты понимаешь. Спасибо, что не пытаешься отговорить.

– Ты свободный титан, – повел рукой Айзевир. – Твои решения – только твои.

– К тому же моя гибель действительно избавит от страданий очень многих, – вздохнул Марух. – В том числе и тебя.

– Не стану лицемерить. Я тоже был рад с тобой познакомиться, титан, но если ты пойдешь топиться – я не стану тебя спасать.

– Топиться?.. Меня не убить воде, попавшей в ноздри. Меня... не уверен, можно ли вообще меня убить. Титаны не убивают титанов, а никто из смертных этого не сумеет.

– Думаю, я все-таки сумею, – сказал Айзевир, берясь за рукоять меча. – Не знаю уж, насколько это будет быстро и безболезненно... я, извини уж, херовый мечник. Но мне сказали, что на эту штуку достаточно надавить.

Он обнажил клинок – и Марух не смог удержаться от вздоха. В лучах солнца блеснул сиреневый металл... тот самый металл, что собирал повсюду Таштарагис, копил в своей ледяной цитадели. Тот самый металл, который достался Аэтернусу, когда тот взял цитадель штурмом.

Тот самый металл, для которого нет бессмертных.

– Адамант, – изумленно произнес Марух. – И оружие работы Макроденита. Я везде узнаю его изделие.

– Макроденит делал его столько же, сколько мы с тобой проговорили, – сказал Айзевир. – Три дня и три ночи. Закалял в собственной крови. А потом еще и ножны для него смастерил... из какого-то особенного дерева.

– И он отдал его тебе? Простому смертному?

– Титаны не убивают титанов. Ты сам это сказал.

Марух уселся лицом к солнцу и откинул волосы с шеи. Он внезапно испытал... облегчение. Какое-то удивительное спокойствие, которого не было с ним... да, с тех самых пор, как он попал в темницу Таштарагиса.

Сейчас он освободится по-настоящему.

– Мы о многом переговорили за эти три дня, – сказал Марух, глядя вдаль. – Об одном лишь я забыл спросить – кто ты вообще такой, Айзевир? Какой-то философ? Святой мудрец?

– Философ из меня говенный, а святости во мне меньше, чем в куске дерьма, – сказал Айзевир. – Я сын покойного короля, так что вроде как сраный царевич... но по сути я просто бомж. Меня так и прозвали – Принц-Бродяга. На нашем языке – Маши'б-Ухер.

Когда голова Маруха упала на землю, Айзевир убрал меч в ножны и некоторое время смотрел вдаль. Размышлял о бренности всего сущего, о сути мироздания, о пути в нем человека и титана. Думал о том, что нет начала без конца и нет конца без начала.

Ему подумалось, что если бы он был бессмертным и лучше понимал Маруха... или хотя бы был старше и имел больше жизненного опыта... быть может, тогда бы ему хватило мудрости и силы духа на большее. Не просто загнать титана в логический тупик и навести на мысль прекратить существование, а убедить его изменить жребий. Излечить его душу.

А может, дело и не в бессмертии и вообще не во времени. И даже не в мудрости. Есть вещи за пределами бытия, которых так остро жаждал Марух, но он был так ослеплен душевной болью и перенесенными в юности страданиями, что просто не смог найти свой настоящий жребий.

Ведь не зря же он назвал в числе прочего любовь.

Интерлюдия

– Не знал, что святой Машибухер – сын первого короля парифатских людей, – сказал Дегатти. – Хотя о нем ходит столько басен, что я не особенно и удивлен.

– Слушай, а под великим героем ты кого имел в виду-то? – спросил Янгфанхофен, наливая Бельзедору вина. – Маруха или Машибухера?

– Что за дурацкий вопрос? – моргнул Дегатти. – Марух-то уж точно не был героем.

– Смотри с чьей точки зрения, – возразил Бельзедор.

– Да с любой точки зрения.

– Не с точки зрения титанов, – покачал головой Бельзедор. – Он до последнего следовал титановой правде.

– Ах да, ты же тоже... ярыть, все еще не верится, что ты...

– Я Темный Властелин, – перебил Бельзедор. – Остальное неважно.

– И какой же у тебя... жребий?

– Избавлять мир от назойливых пройдох вроде тебя, Дегатти. Неплохой жребий, а?

– Полезный, – согласился Янгфанхофен. – Только ты уж верно ему следуй. А то разочаруешься, да и закончишь, как Марух.

– Марух был нестойк в своем жребии, – сказал Бельзедор. – Тот был порожден не решением разума и не душевным порывом, а ненавистью и разочарованием. Не будь у Маруха такой могучей воли, он просто пополнил бы ряды озверевших титанов. Но у него это стало жребием – однако не слишком прочным. Он не мог просто отказаться от него, но мог покинуть этот мир – что и сделал.

– А он правда мог уничтожить всю планету? – спросил Дегатти, с беспокойством глядя на Бельзедора.

– Неизвестно, – пожал плечами тот. – Титанова сила плохо поддается измерению. Но уничтожить на планете всю жизнь он точно мог.

– Все еще не верится, что такого великого, неуничтожимого титана убил простой смертный, – сказал Дегатти.

– Простой смертный с алмазным мечом, – напомнил Янгфанхофен. – Существуют, знаешь ли, средства, которые не признают бессмертных. Алмаз, яд Ралеос или тот же лари-трин. Нам самим неприятно, что они существуют, но это по-своему справедливо. Иначе у вас, смертных, не было бы вообще никаких шансов.

– Кстати, а что потом с тем мечом стало?

– Да ты же знаешь. Он перебивал во множестве рук, переменял множество владельцев, спустя тысячи лет осел в сокровищнице Парифатских императоров, а оттуда его похитил Ключерштатен... и убил мою сестру. Теперь большая часть – в его трости, а осколки стали дамскими стилетами.

– Сколько вообще прошло лет между королем Одриахом и Парифатской империей?.. – задумался Дегатти. – Три тысячи с небольшим. Удивительно, как быстро люди распространились.

– Это вы умеете, – согласился Янгфанхофен.

– А еще удивительней, что мы когда-то прибыли на Парифат из-за Кромки. Мне казалось, что мы всегда там жили.

– Большинство из вас в этом свято уверены. Хотя у эльфов на Парифат прав гораздо больше. А у титанов – еще больше.

– А у Всерушителей – больше всех, – закончил Дегатти. – Не будем считать, у кого больше прав. Пришельцы из других миров постоянно навещают Парифат.

– У вас очень молодой мир, – сказал Янгфанхофен. – Его Кромка тонка и неустойчива, да и сами вы ее постоянно рвете. Вот и лезут к вам все подряд.

– И часто это заканчивается большой дракой, – добавил Бельзедор. – Когда я был ребенком, на Парифате бушевала война людей и симов... просто очередная крупная свара, но мне она почему-то особенно запомнилась.

– А симы ведь все из одного мира? – уточнил Дегатти.

– Да, – кивнул Янгфанхофен. – Если не ошибаюсь, в каком-то мире сразу четыре вида обезьян обрели разум... уж не знаю, кто там за это был ответственен. Боги, демоны, маги, ученые... кто угодно мог. Было это очень давно, подробностей я не знаю. Так или иначе, они населили свой мир, а потом стали просачиваться и в другие. В одних мирах остались лишь легенды о говорящих обезьянах, в других же они процветают, как на вашем Парифате.

– Уверен, о симах ты тоже знаешь кучу историй, – сказал Бельзедор. – Ты уже рассказывал про Авруга, конечно, но там было неважно, что он сим. История бы почти не изменилась, будь на его месте человек, эльф или даже гоблин.

– Нет, вот с гоблином она бы точно была другой, – хмыкнул Янгфанхофен. – Но ты прав, о симах у меня тоже есть истории. Самая интересная, конечно, о самом известном, самом легендарном симе Парифата...

– Монго? – догадался Бельзедор.

– Конечно. Если о ком из них и рассказывать – так о нем.

Познавший Пустоту

2875 год до Н.Э., Парифат, Симардар.

Шеонга поглядела в зеркало, купленное у двуруких, и счастливо взвизгнула. Хороша! Жестами не передать, как хороша!

В прошлом году она стала рани. Вышла замуж за младшего раджу Гунго. И была так счастлива, так счастлива!..

Гунго тоже был счастлив, взяв такую красавицу. Шеонга и в самом деле хороша. Восьми локтей ростом, с мягкой переливающейся шерсткой, большой отвислой грудью, высоким покатым лбом и нижними клыками, выпирающими из-под губы... о, от этих клыков замирало сердце у любого мужчины из кориллангов.

Но досталась она радже. Одному из побочных сыновей большого раджи Симардара.

Пусть все другие только смотрят, но близко не подходят!

– Ты прекрасна, – раздался озорной голос. – Прекрасней, чем эти цветы, которые я тебе принес.

Шеонга снова взвизгнула, гневно раздувая щеки. На подоконнике опять сидел он, этот мелкий рыжий сим. Забрался по стене, негодник!

– Монго, опять ты! – показала Шеонга. – Что тебе надо здесь, уходи!

– Я пришел к тебе, красивая рани, – кинул ей цветок Монго. – Но если гонишь – уйду.

– Уходи скорей! Если я расскажу о тебе мужу, он сломает тебе шею!

– Так ты не рассказывай, – ухмыльнулся Монго. – Давай я буду твоим маленьким секретом.

Шеонга рассмеялась, обнажив свои великолепные клыки. Монго не был кориллангом, он казался карликом рядом с прекрасной Шеонгой – и все же при виде него странно замирало сердце.

– Шеонга, любимая! – раздался знакомый крик за бамбуковой ширмой. – Любимая! Иду! Сказать буду!

Шеонга вздрогнула. Симы не очень-то много могут передать одним голосом, настоящий разговор возможен только лицом к лицу... но Гунго всегда был нетерпелив и кричал о себе задолго до того, как предстать перед собеседником.

Только это красавицу и спасло. Она выпихнула Монго в окно и тут же повернулась к мужу, невинно улыбаясь. Кажется, ничего не заметил.

А Монго со смехом схватился за лиану и уже карабкался на дерево. Что ж, наведаться к прекрасной рани сегодня не вышло, придется развлекаться иначе. Можно, например, спуститься на рыночную площадь, устроить там переполох, а заодно и что-нибудь перехватить.

Так он и сделал.

О Монго говорили, что он уникальный сим. Что никто не мог понять, к какому виду он принадлежит. Что в нем совместились признаки всех четырех народов, а это означает богоизбранность.

На самом же деле он просто был редким метисом, сыном оранга и хибения. В целом на хибения он и был похож, только крупнее и с ярко-рыжей шерстью. Родись он каким-нибудь полуэльфом или гоблорком, никто бы и значения ему не придал.

Но четыре народа симов не дают общего потомства... почти никогда. И смешанные браки у них запрещены... хотя межвидовые связи случаются, конечно. Если два или больше разумных вида живут вперемешку – можно даже не сомневаться, что такие связи будут.

Но если от людей иногда ухитряются рожать даже великаны и драконы, то симы таких полукровок практически не знали. И Монго, едва родившись, стал знаменитостью.

Это не пошло ему на пользу. Не поддайся его мать на ухаживания богатого жреца, не окажись его отец похотливым любителем хибениек, Монго не появился бы на свет или появился бы самым обычным хибением, мелким и коричневым. В этом случае он прожил бы самую обычную жизнь подметалы или разносчика.

Хибению на большее рассчитывать не приходится. Общество симов состоит из четырех народов – и четырех каст. Огромные могучие корилланги воюют, строят и следят за порядком. Мудрые бородатые оранги молятся, врачуют, изучают науки и ведут летописи. Добродушные деловитые чимпы торгуют и мастерят вещи. А мелкие хилые хибении прислуживают всем остальным, пасут скот и делают грязную работу.

У них все распределено очень строго. Если чимпа или хибения увидят с оружием, то отрежут руку. Но и корилланг не может заниматься торговлей, это ужасный позор. Хотя бы коснувшийся метлы оранг станет парией, даже если он беден, а в доме его грязно.

Лишь землешапский труд разрешен всем, да и то со множеством оговорок.

Именно поэтому рождение Монго и вызвало такое беспокойство. Целых два дня оранги-мудрецы трясли рыжими бородами и водили пальцами по страницам ветхих книг. Целых два дня они пытались решить, к какому народу принадлежит этот странный младенец и что будет ему дозволено в грядущей жизни.

Маленькому Монго повезло. Боги и мудрецы были к нему милостивы. Боги не дали умереть в младенчестве, а мудрецы провозгласили, что Монго имеет признаки всех каст, а потому будет считаться тем, кем сам захочет.

И вот так малыш с рыжей шерстью стал, возможно, самым свободным симом в истории. Единственным, перед которым были открыты все пути.

Больше всего в нем было от оранга и хибения, но имя ему дали кориллангское, а воспитывали его, так уж вышло, чимпы. Но другие касты тоже учили его всему, потому что каждому хотелось вложить что-нибудь в это богоизбранное существо.

И это тоже не пошло ему на пользу. Нравоучения часто шли вразрез друг с другом, потому что у каждой касты была своя правда и свои представления о том, каков должен быть Монго. В результате он лишь понял, что истин может быть множество, и нет среди них какой-то непреложной.

И да, Монго очень быстро возгордился. Взрослые симы возлагали на него какие-то неясные надежды, а сверстники восхищались и завидовали. Монго оказался удивительно одаренным существом и легко мог стать великим воином, блистательным философом или богатым купцом.

Вместо этого он стал мелким хулиганом и возмутителем спокойствия.

Прямо сейчас Монго несся по глинобитным крышам, перепархивал с дома на дом и смеялся. По земле за ним гнались стражники-корилланги – они ругались, грозили кулачищами и сулили все кары небес, когда Монго наконец выдохнется.

Но он не выдыхался. Здесь, наверху, корилланги не могли его преследовать – каждый весил вчетверо больше быстрогого полукровка. Впрочем, называть его так не совсем корректно – как и у всех симов, ног у Монго не было. Со всех сторон одни только руки.

– Эй, бессмысленно меня ловить! – насмеялся над стражниками рыжий сим. – Я быстрее вас, дурачьё! Денег у меня нет, поколотить меня вы не сможете, а ту дыньку я все равно уже съел!

Да, вся эта кутерьма была из-за украденной дыни. Монго частенько поворовывал на базаре – и обычно ему сходило это с рук. Но сегодня терпение соседей лопнуло, и корилланги решили поймать его и задать хорошую взбучку.

– Но у меня остались корки – можете забрать! – крикнул Монго, взлетая на столб, с него – на дерево, и швыряя корки на дорогу.

По двум из них тут же прошлись нижние руки стражников – и два могучих корилланга полетели вверх тормашками. Зато остальные взлетели по стволам вслед за Монго – и погоня стала еще опасней. Как и все прочие симы, корилланги неуклюжи на земле, но удивительно ловки на деревьях.

Собственно, города Симардара люди городами бы и не назвали. У симов есть и обычные дома, здания, но большая их часть осталась от рухнувшей восемьдесят лет назад Парифатской империи. Симы появились на Парифате всего-то за четверть века до ее гибели, и им, как и другим малым народам, выделили территорию на свободных землях.

За сотню с лишним лет они порядком размножились, но изначально их было совсем мало, так что и сейчас не особенно много. Весь Симардар – это крохотное княжество в джунглях Шахалии, и большая часть его городков – это тоже джунгли.

Симы не успели адаптироваться к цивилизации Колдующего Императора, не успели обзавестись собственными волшебниками, поэтому почти и не пострадали в Волшебных войнах. Когда Апофеоз положил конец старому миру, симы лишь пожалы плечами, прогнали остатки имперских наместников и зажили привычным манером. Пока люди и другие странные существа где-то там спорили и делили обломки империи, симы спокойно растили детей и земные плоды.

И только отщепенцы вроде Монго портили их идиллию.

Один из кориллангов пролетел на лиане, протянул к Монго длинную руку... и получил по ней палкой. Юный сим-полукровка сломал ветку и удивительно ловко ударил стражника, повиснув на левой нижней руке.

– Не жадничай, глупый корилланг! – укоризненно показал он свободной рукой. – Это всего лишь дынька, я взял ее, потому что был голоден! У того чимпа осталась еще целая гора дынь, я взял только одну!

Корилланги только пыхтели, пытаясь схватить Монго, швыряясь в него камнями. Но тот приплясывал на ветвях, крутился со своей палкой и отбивался сразу от нескольких великанов. Монго было всего пятнадцать, но бегал, прыгал и дрался он искусней многих старых воинов.

А еще он все время выдумывал что-то новое. Родись он сто лет назад, наверняка бы стал волшебником, но волшебства в мире больше нет, так что он сочинял какие-то хитрые приемы, что-то вроде боевого искусства. Изобретал способы применять силу противника против него самого и умудрялся таким манером побеждать могучих кориллангов.

– Сдавайся, вор! – гневно прожестикнул стражник. – Тебе все равно больше жизни не будет! Либо иди на суд, либо убегай куда подальше, живи один в джунглях!

– Хех, какой сложный выбор, – уселся на ветке Монго, почесывая затылок. – Жить среди одних обезьян или среди других. Только тут обезьяны умеют болтать, а там только кричат. Но кричать я тоже умею. И там меня не будут ругать за глупую дыньку.

– Ну так и уходи подобра-поздорову!

После смерти матери Монго все равно тут ничего не держало. Он день-деньской просто слонялся по улицам, прыгал по великим деревьям, дразнил всех и воровал еду. Поджарый, гибкий, весьма сильный для своего небольшого роста, сим-полукровка был любимцем юных девушек и занозой в заднице у их отцов.

Так что он решил ненадолго уйти в дикие джунгли. Пожить там луну-другую, пока глупые симы позабудут о его шалостях.

Выкрикнув что-то оскорбительное, Монго взлетел на самый верх, где ветки были так тонки, что не удерживали тяжелых кориллангов. Оттуда он перелетел на другое дерево, потом на третье – да и был таков.

Поняв, что он удирает прочь от города, стражники прекратили его преследовать. Их только обрадовало, что возмутитель спокойствия убрался куда подальше. Снова можно будет

неспешно патрулировать улочки, лежать в теничке с бутылочкой винца, да приглядывать за торгашами-чимпами, получая от них приятные подношения.

Но Монго не ушел далеко. Оставив родной городок Херазо, он пересек реку и отправился на окраину княжества – туда, где заканчивались земли симов и начинались дикие джунгли. В руины одного из городов Старой Империи.

Западная Шахалия очень пострадала еще в Первую Волшебную войну. Заросшая непроходимым лесом, почти обезлюженная, она стала настоящим раем для симов... и обезьян. Те жили здесь задолго до разумных сородичей. Носились повсюду, кричали на все лады, ломали плоды и насекомых.

Монго быстро нашел с ними общий язык. А еще он нашел много интересного в руинах. Этот город в войну сожгли злыми чарами, люди сюда так и не вернулись, да и симы суеверно держались подальше. Так что тут сохранились всякие волшебные штучки, забавные говорящие кубики... и книги. Попорченные временем, влагой и древоточцами, но сохранились.

Симы говорят на собственном языке, так называемом обезьяньем. В нем очень мало звуков, очень много жестов и нет письменности. Но Херазо иногда навещали торговцы-люди, некоторые жили постоянно, да и вообще за пределами Ситардара обезьяний никто не понимал. Так что многие симы знают и парифатский, язык Старой Империи.

А Монго всегда был смышленным и на лету схватывал любые знания. Парифатский он выучил еще ребенком, грамотой тоже овладел быстро, и теперь с интересом читал все, что удавалось найти.

Найти удалось немало. Монго сначала дивился тому, сколько труда понадобилось, чтобы исписать такую прорву страниц, но потом вычитал в одной книжке, что в Старой Империи было волшебство, чтобы их копировать. Написал одну книжку, сказал заклинание – и вот уже этих книжек целая тысяча. Так что были они повсюду и денег стоили небольших.

– Эй, обезьяны! – прожестикнул он как-то, сидя на сломанной колонне. – Собирайтесь сюда, я буду читать вам сказку!

И обезьяны охотно отозвались. В этих руинах они повсюду наблюдали за Монго, ходили за ним хвостиками, пытались подражать. В общем-то, они не были такими же глупыми, как другое лесное зверье – слушались приказов Монго, даже понимали некоторые жесты. Читая вслух, сим вдруг подумал, что если их учить и воспитывать, то через несколько поколений они заговорят.

Но Монго не собирался возиться так долго. Он просто натаскал обезьян на выполнение простых команд. Приручил дюжину самых смышленных, а остальные повторяли уже за ними.

Монго сгибал руку в локте – и обезьяны бежали к нему. Монго выбрасывал руку вдаль – и обезьяны бежали от него. Монго скалился, показывал на что-то пальцами – и обезьяны нападали. Для них это было новой веселой игрой – что для обезьян, что для Монго.

– Орех! – приказывал Монго. – Принесите мне тот орех!

И ему несли орех. Или плод манго. Или гроздь бананов. Не всегда доносили в целости, потому что обезьяны рвали предметы друг у друга, роняли, пробовали на вкус. Иногда Монго получал только кожуру или скорлупу. Но тогда он швырнулся ими в обезьян, а те сердито верещали, зато в следующий раз делали лучше.

И в этих руинах Монго провел не одну или две луны, как собирался, а целых четырнадцать. Полный год. Но по его истечении он собрал свой новый народ, собрал лесных обезьян – и повел их в Ситардар.

Всего за год городок Херазо почти не изменился. Разве что на рыночной площади появилась каменная статуя корилланга. Раджа Ситардара в прошлый сезон дождей умер, и его наследник повелел высечь памятник... себе. Симы не особенно почитают мертвых, они больше сосредоточены на живых.

Ах, как наполнилась жизнью площадь, когда на нее ворвались две тысячи диких обезьян! Монго собрал их настоящую тьму – и они враз облепили прилавки! Урча и визжа, обезьяны лопали съедобное и портили несъедобное, рвали одежды, кидались чем попало в симов и друг друга!

А Монго запрыгнул на макушку каменного раджи и заплясал, размахивая двумя саблями, что нашел в руинах. В них было волшебство, хотя и небольшое.

– Что, что, забыли обо мне, забыли? – смеялся он. – А я вот вас в покое не оставил, глупые, не оставил!

Чимпы вопили, пытаясь отстоять свои товары, украшения и набедренные повязки. Корилланги ругались и лупили дубинами, тщетно пытаясь разогнать обезьян. Оранги стенали, взывая к богам, вздымая длиннющие верхние руки. Хибении просто прятались в ужасе кто куда.

– Так вам и надо! – показывал жестах Монго. – Так вам и надо!

Он так радовался и веселился, что не заметил подкравшихся сзади кориллангов. Один ударил Монго дубиной, а второй поймал в мешок. Возмутителя спокойствия как следует отлупили и заперли до поры в большом ларе.

Еще нужно было разогнать обезьян.

Но их разогнали. И этим же вечером избитый Монго предстал перед городскими старейшинами. Четыре старых, наполовину седых сима долго кряхтели, попукивали и ковыряли в желтых зубах, глядя на ухмыляющегося Монго.

– Мальчишка! Мерзавец! Молокосос! – гневно прожестикнул Ядко, старейшина-корилланг. – Что ты устроил?!

– Заставил всех побегать! – показал вниз Монго. – Весело вышло!

Старейшины возмущенно запыхтели. Они заседали на самом высоком дереве города, на деревянном помосте, раскинувшемся прямо над рыночной площадью. Отсюда было отлично видно, как копошатся там бедные чимпы, как убирают мусор хибении.

– Глупый мальчишка! – показал Монго ругательные пальцы Зумбуг, старейшина-чимп. – Ты мог добиться успеха в любом деле! А чем ты занимаешься? Дразнишь симов и воруешь?!

– Посмотри на себя! – всплеснул руками Ия, старейшина-хибений. – На свое поведение! Кем, ты думаешь, ты станешь?!

– Я стану... царем обезьян! – закружился на одном месте Монго. – Услышьте меня, обезьяны, услышьте своего царя!

И обезьяны отозвались. Они были еще повсюду в городе – на крышах, на деревьях. Прыгали по ветвям, качались на лианах. Услышав призывный крик Монго, они тоже закричали отовсюду.

– Люди и нас называют обезьянами, – угрюмо показал Йемедзийя, старейшина-оранг. – Ты имеешь в виду, что станешь раджей над нами, презренными? Или же хочешь уйти в лес и править бессловесными зверями?

– А между вами есть разница? – насмешливо прожестикнул Монго.

Старейшины вспыхнули, загомонили. Йемедзийя ударил посохом, Ядко стиснул рукоять ятагана.

Нет хуже оскорбления для сима, чем сравнение с обезьяной. Это и людям неприятно, но симам – гораздо сильнее. Они действительно близкие родичи неразумных приматов и даже внешне мало отличаются... но от этого только обиднее.

У симов больше черепная коробка, а челюсти меньше. Они могут ходить прямо, хотя и не так ловко, как люди. Но в остальном... на самом деле сима очень легко перепутать с дикой обезьяной. Тем более, что одежду они особо и не носят – в жарких джунглях-то, да еще и с шерстью на теле.

Только знатные симы закутываются в разноцветные ткани – раджи, старшие жрецы, да городские старейшины. Четверо судей Монго выглядели нелепыми кулями, и рыжий полукровка едва сдерживал смех, на них глядя.

А те еще сильней от того злились.

– Я предлагал тебе стать моим оруженосцем, – показал Ядко. – Ты мог стать великим воином.

– Я предлагал тебе стать моим послушником, – показал Йемедзийя. – Ты мог стать великим жрецом.

– Я предлагал тебе стать моим подмастерьем, – показал Зумбуг. – Ты мог стать великим торговцем.

– Или ты мог хотя бы последовать по стопам своей матери и честно трудиться, как мы, – показал Ия. – Кто может сказать, что мы плохо относились к тебе?

– Стать, как вы? – фыркнул Монго. – Жирным, самодовольным и нелепым? Вот что я о вас думаю.

Рыжий сим сунул мизинец в ноздрю и извлек огромную козявку. Внимательно на нее посмотрел и кинул в сторону старейшин.

– Давайте отрубим ему голову! – вскочил с места Ядко. – Я как раз наточил ятаган!

– Да пусть идет на все четыре стороны, – отмахнулся Йемедзийя. – Он же просто дерзкий мальчишка.

– Нет, пусть сначала отработает! – заволновался Зумбуг. – Мои шелка, мои специи!.. Знаете, сколько всего испортили эти обезьяны?!

– И много ли он в одиночку сможет отработать? – вздохнул Ия. – Он покрупней хибения, но все равно много не сделает. Да и работать он не умеет...

– Ты прав, – кивнул Йемедзийя. – Даже если закабалить его до скончания веку, много мы с него не получим. Совести у него нет – ну и нечего ему с симами жить. Пусть идет к людям, у них тоже совести нет.

Ядко поискал в шерсти, задумчиво вывернул губы и убрал ятаган в ножны. Его гнев сошел так же быстро, как и нахлынул.

– Но если мы его просто прогоним, он может снова вернуться с кучей диких обезьян, – показал Зумбуг.

– Монго, пожалуйста, не возвращайся больше, – сделал добрый жест Ия. – Мы не станем наказывать тебя, если ты обещаешь больше никогда не возвращаться.

– А если вернешься – казним, – пообещал Ядко.

– Что ж, тогда мне придется пообещать, – легко согласился Монго.

В этот раз его провожали всем городком. До самой околицы проводили – убедиться, что правда ушел. Два корилланга вообще топали следом еще пару часов. Только когда вдаль показались дымки, Монго подтолкнули в спину и сказали, чтобы шел туда, к людям. Там торговый пост Парифатской империи... тех земель, которые все еще носят это гордое название.

Официально считается, что человеческому императору принадлежит вся Шахалия. Но на самом деле – едва ли ее четверть, большой полуостров на северо-востоке. Западнее и южнее – сначала Симардар, а потом вообще дикие джунгли, в которых никто не живет.

Когда Монго уходил в прошлый раз, то шел на запад, в эти самые джунгли. Теперь он двинулся на восток. Уже предвкушал, как будет веселиться в огромных городах людей, как приветливо встретят его эти двурукие, как обрадуются человеческие девицы. Они, конечно, страшенькие, плосколицые и без волос, но если привыкнуть – пойдет.

Но первый город его разочаровал. Он оказался даже меньше убогого Херазо, чуть побольше какой-нибудь деревушки. Может, пара тысяч жителей, и все собраны внутри стен. Монго не знал, что люди так кучкуются, теснятся на узеньких улицах – и это его разочаровало.

В самом центре стояли старые дома, из мрамора и кристалла. Те, что возвели во времена Старой Империи. Но без подпитки их магия за сотню лет истощилась, прекрасные здания таяли и расплывались, все больше походя на обычные скалы, уродливые каменные клыки. Некоторые продолжали в них ютиться, но это становилось все опаснее, так что вокруг громоздились убогие хибары. Люди растеряли все волшебство и теперь учились строить без него.

Симы тут тоже жили – торговцы, наемники и отщепенцы вроде самого Монго. Но слухи о возмутителе спокойствия уже дошли и до них, так что Монго встретили плохо.

Ему хватило двух дней, чтобы настроить против себя весь городок. Монго и здесь всюду шалил, проказничал и веселил народ – но здесь его не считали чудесным ребенком, носителем признаков всех каст. Сородичи его сторонились, а люди вообще плохо различали ему подобных, мня кориллангов просто крупными чимпами, орангов – рыжими чимпами, а хибениев – мелкими тощими чимпами.

Глупые люди.

Так что Монго быстро пошел дальше, в глубь империи. Ему хотелось добраться до Ровена, знаменитой даже в Симардаре столицы. Единственном городе, в котором, говорят, еще осталось волшебство.

– Даже слушать тяжело, – вздохнул Дегатти. – Всего за сто лет до этого вся планета была Парифатской империей. С развитой магией, с чудесами на каждом шагу... Они победили Паргорон, они летали к звездам...

– А потом они уничтожили сами себя и многие века жили на руинах, – закончил Янгфанхофен.

Дегатти вздохнул еще тяжелее.

Странствия Монго были долгими, и рассказывать о них можно часами. По мере того, как он удалялся от Симардара, ему все чаще удивлялись, все чаще не понимали, кто он вообще такой. В Старой Империи было много народов, и жили они вперемешку, но после Апофеоза они сразу стали делиться на группы, объединяться с себе подобными, создавать маленькие королевства и княжества.

Официально считалось, что нынешняя Парифатская империя состоит из четырех материков. Сурении, Шахалии, Ходжарии и Грандании. Но на самом деле Шахалию люди уже почти потеряли, да и в Сурении часть земель у них отняли разумные ящеры и огромные пчелы.

И Монго, блуждая по этому крупнейшему обломку старого мира, все сильнее в нем разочаровывался. Магию здесь считали источником зла и преследовали, а к нелюдям относились с подозрением. Кое-где были поселения эльфов и гномов, но они встречали сима еще менее дружелюбно.

Постепенно Монго продвигался на север. Он устроился матросом на торговый корабль – у него не было нужных навыков, зато были четыре руки и обезьянья ловкость. Лишившиеся волшебства люди вспомнили о парусах и мачтах, а симы оказались прирожденными моряками.

На корабле Монго понравилось. Тут было еще теснее, чем в людских городах, зато можно было день-деньской скакать по вантам. И моряки оказались народом веселым – любили хорошую шутку, любили выпивку, постоянно пели. Слишком проказничать Монго, правда, опасался – посреди моря далеко не убежишь, а наказывали очень сурово. Боцман хлестал провинившихся плеткой, а за воровство у товарищей просто швыряли за борт.

Плавать Монго умел, но не настолько хорошо.

Человеческие девушки его разочаровали. На корабле шлюх не было, а портовые ворота от него нос, называли вонючей макакой. Одни требовали двойную плату, другие вообще отказывались наотрез.

– Пойми меня правильно, – участливо говорила одна такая. – Меня же потом заклюют. Будут дразнить обезьяньей подстилкой. Говорить, что ко мне хоть макаку можно привести.

– Я не обезьяна, я сим! – оскорбленно показал Монго.
– Я не понимаю твоих жестов, – сказала куртизанка. – Говори на парифатском.
– Я не обезьяна, я сим! – повторил ртом Монго.
– Да знаю я, что ты просто похож на обезьяну. Но сим... кто вы такие вообще?
– А тыпусти меня к себе, – подмигнул Монго. – Я тебе и расскажу.
– Ха, хитренький, – смерила его взглядом куртизанка. – Глазенки-то как блестят.
– Да ладно, можно и без этого всего, – показал ей корзину фруктов Монго. Он наворовал их на рынке. – Я просто из долгого плавания и соскучился по женским голосам. Я тоже предпочел бы симку, честно говоря, вы для меня такие же уродки, как я для вас! Так что давай просто поболтаем!

– Ха, уродки! – возмутились другие потаскухи. – На себя бы посмотрел, матросня шерстяная!

– Эй, эй, да я же не в обиду! – подступил поближе Монго. – Я просто хочу сказать, что мы очень разные, но главное-то ведь – теплота души!

Куртизанка впервые глянула на него с легким интересом. Монго был крупнее хибения, но все равно едва по плечо человеку. Поджарый, жилистый, покрытый огненно-рыжей шерстью, он хоть и обладал совершенно обезьяньей мордой, но буквально источал обаяние.

К тому же стал накрапывать дождь. К берегам Грандании корабль Монго пристал в разгар влажного сезона, дожди могли лить целыми сутками, и люди прятались под крышами.

– Ладно, сегодня все равно клиентов не будет, – вздохнула куртизанка. – Пошли под навес... сим. Меня Атизеей зовут.

Корабль Монго плавал меж трех континентов – из Сурении в Ходжарию, из Ходжарии в Гранданию, а потом обратно. Но возвращаться на юг Монго уже не хотелось. Прошло почти пять лет с тех пор, как его изгнали сородичи, он повидал империю людей, но хотел посмотреть и другие земли. Побывать в таких местах, о которых в Симардаре и не слыхивали.

И найти настоящее волшебство. Монго не оставлял надежды выучиться всяким фокусам.

В Парифатской империи на это надежды нет. Волшебство здесь осталось только у самого императора, и тот бережет его, как зеницу ока. А простому народу оно запрещено – повсюду ходят чароборцы, вынюхивают и высматривают.

Но где-нибудь за океанами все может быть иначе.

После шести лун ожидания Монго наконец нашел корабль, идущий на северо-восток, в далекую Мирандию. Корабли туда ходят редко, и даже этот шел не в самую Мирандию, а на Боулкарию, богатый цветущий остров, южнее которого раскинулось подводное царство тритонов.

Но Монго сошел раньше, в Любермекии. Торговом городе-государстве, полвека назад выросшем на оконечности длинного полуострова. После Волшебных войн и Апофеоза провинции Мирандии рассыпались на кусочки, но некоторые из кусочков оказались изворотливей других. Чароборцы не имели здесь такой силы, и кое-где даже открыто торговали чародейскими вещами Старой Империи. Правда, сохранилось их довольно мало, поэтому драли втридорога.

А денег у Монго не хватало и на еду. Весь свой матросский заработок он тут же спускал – на выпивку, на блудниц. Щедрой рукой раздавал милостыню, ничего не оставлял себе.

А когда монеты заканчивались – снова начинал воровать. Монго легко относился что к своей, что к чужой собственности. Делился всем, что имел, и сам спокойно брал, что нравилось.

Так что из Любермекии он тоже в итоге убежал, провожаемый камнями и угрозами.

Два следующих года он бродил по южной Мирандии. Люди жили тут в основном на побережье, в руинах древних городов. Выглядели те так же нелепо, как в Сурении – вперемешку подтаявшие здания-кристаллы Старой Империи и уродские домишки новой постройки.

Дважды Монго пытались ограбить, и один – поймать для бродячего цирка. Но молодой сим был ловок, был быстр и был великолепен в драке. Все три раза он сумел выйти из переделок без единого синяка – зато видели бы вы его противников!

Правда, острое оружие ему не нравилось. Он не любил проливать кровь, поэтому завел хороший длинный посох, настоящий боевой шест.

Монго пошел двадцать пятый год от роду, когда он прослышал о святом мудреце, живущем в горах Бодассы. Некоем древнем старце, великом волшебнике, каким-то образом сумевшем пережить Апофеоз. Слухи о нем ходили самые разные, истории рассказывали самые невероятные, а лично его никто не встречал, но Монго все равно загорелся.

И он пошел в Бодассу. Кроме святого мудреца симу хотелось увидеть еще и горы – и он не остался разочарован. Больше восьми лет Монго странствовал по миру, повидал целых пять континентов, но как-то так вышло, что в горы его не заносило ни разу. Только в Сурении он видел пики Мардахая, но с такого огромного расстояния, что они не произвели на Монго впечатления.

Теперь же он явился в Бодассу, и чем ближе подходил, тем сильнее задира л голову.

Самые огромные деревья Симардара. Самые гигантские здания Ровена и других людских городов. Величественный маяк Любермекии. Все это казалось крошечным рядом с... горами.

А еще тут оказалось холодно. Ужасно холодно. В Мирандии в целом было холоднее, чем в Шахалии, Сурении, Ходжарии и Грандании, но на южных берегах еще терпимо. А чем дальше Монго уходил от моря, чем больше углублялся в континент, тем сильнее мерз по ночам.

Но пока он был на равнинах – только по ночам. В Бодассе же холодно оказалось и днем. Земля уходила вверх вместе с горами, Монго карабкался все выше, и все сильнее мерз.

В первой же деревне он обменял последние монеты на теплую одежду. Но они тут редко встречались, деревни. Кое-где на склонах притулились горсточки хибар, где жили степенные, неразговорчивые люди. Они пасли яков, делали острый сыр и пекли на камнях пресные лепешки. Многие исписывали лица сложными татуировками, и Монго восхищенно цокал языком при их виде.

Говорили они, как и везде, на общем языке людей, парифатском. Единственное, что сохранилось от Старой Империи. Симов тут не видели вообще никогда, но не пугались – наливали Монго чаю, угощали кислым молоком. И в каждой сакле, в каждой лачуге он спрашивал – не знает ли кто, где искать святого Машибухера.

Точно не знал никто. Бодасса оказалась огромной. Бесконечные заснеженные горы, в которых и до Волшебных войн почти никто не жил. Почти два года Монго терпеливо по ним странствовал, и когда наконец его терпение стало истощаться, когда он уже решил плюнуть на все и вернуться в теплые зеленые края... он вдруг нашел, что искал.

– Святой Машибухер? – сказал нищий старик, с которым Монго поделился лепешкой. – Знаю такого. Но зачем тебе этот безумец?

– Это уж мое дело, – присел на корточки сим. – Ты знаешь, где его искать, дедушка?

– Знаю. Дай еще лепешку – и расскажу.

Монго рассмеялся. Хитрый старикан наверняка хочет его облапошить. Выманить последнюю лепешку и отправить куда-нибудь за тридевять земель.

– Держи, дедушка, – отдал ее Монго. – Давай, ври мне, где искать Машибухера.

– Чего ври-то, чего ври?.. – впился в нее зубами нищий. – Все знают, где живет святой Машибухер, кого хочешь спроси. На горе Кор-Таррот. Вон той, которая выше всех. На самой вершине.

– Ох ты ж хвост волосатый... – ахнул Монго, глядя на эту гору.

– Иди-иди, попробуй, заберись туда, – с явным удовольствием сказал нищий. – А то много вас таких, кто ищет святого Машибухера. Ходят, ходят, ищут чего-то... а чего ищут? Рехнувшегося идиота? Не поможет он тебе.

Поднимаясь на Кор-Таррот, Монго о многом передумал. Где-то на середине пути он почти дрогнул, почти повернул обратно, но упрямство все же оказалось сильнее. Даже если там нет святого мудреца, или он и правда окажется обычным сумасшедшим, Монго хотя бы взглянет на Парифат с такой высоты, до которой не долетают птицы.

Кор-Таррот – высочайшая гора Парифата. Монго этого, конечно, не знал и просто дивился ее невероятным размерам. Он предусмотрительно взял с собой целую торбу сыра, лепешек и вяленого ячьего мяса. И в кои-то веки – не украл, а честно заработал, несколько дней трудившись подпаском.

Занятие было по-своему веселое. Яки не такие смешные, как обезьяны, зато их можно от души колотить посохом – даже не чувствуют. Монго понравилось ездить на них верхом, прыгать со спины на спину и вести стадо, куда укажет пастух... пастушка. В Бодассе яков пасли в основном женщины, угрюмые старухи с трубками. Морщины у них были так глубоки, словно их вырезали ножом.

Сейчас Монго забрался так высоко, что не видел никаких яков. И домов не видел – только белесую муть, туман, в который превратились облака. Раньше Монго думал, что они сделаны из чего-то вроде пуха, что их можно потрогать или даже покататься, но нет – просто что-то вроде пара. Облака огибали громадный Кор-Таррот, как волны огибают рифы.

Дышать на самом верху было трудней, чем на равнине. Да и дорога исчезла, не дойдя и до середины. Какое-то время Монго карабкался по козым тропам, но потом сгнули и они. Пришлось лезть, словно на исполинское каменное дерево, цепляться за мельчайшие трещинки, перекидывать себя через пропасти, повисать иногда на одной руке.

Монго все меньше верил, что какой-то человеческий мудрец сумел забраться на такую верхотуру – здесь и симу-то дорога казалась невозможной. Монго любил похвалиться, что он самый ловкий и цепкий на свете – здесь его хвастовство подверглось серьезной проверке.

Нищий точно его обманул.

А еще на самом верху царил паргоронский холод и везде лежал снег. В низовьях Бодассы он шел только зимой, а летом бывало даже тепло, но здесь, на пике Кор-Таррот... для ночлега Монго выбрал самую тесную пещерку и закутался во все одежды, но все равно окоченел, несмотря на шерсть. Развести костер было не из чего, деревья перестали попадаться много часов назад.

Сим начал опасаться, что не сумеет вернуться живым.

Хотя его это не смущало. Монго не боялся смерти. Он ничего не боялся.

Ха, будет интересно умереть и узнать, что случится после этого! Наверняка тоже что-нибудь забавное!

Но уж до самой вершины-то он долезет. Осталось-то всего ничего, меньше вспашки. На такой высоте, правда, Кор-Таррот превратилась уже в отвесную кручу, почти гладкую каменную стену, и даже Монго полз по ней, как улитка.

Но уж до заката-то он вершины достигнет! Монго повернулся к западу... не, должен успеть. Еще часа три у него точно есть.

Но он не добрался. Оставалась еще почти половина вспашки, когда рука нащупала пустоту. Монго подтянулся – и оказался на большом уступе. Тот врезался в скалу на полсотни локтей, а в дальнем конце виднелась пещера.

И тут горел костер. Прямо на камнях лежали... тоже камни, только черные. Они пылали синим пламенем, над ними стоял закопченный таганок, а на нем покоился котел. В нем что-то булькало, а рядом валялась грязная чашка.

Монго залился хохотом. Ну и кто там говорил, что он не дойдет?! Радостный сим заплясал на уступе, закрутился на одной ноге у самого края. Его не пугала пропасть, не пугало, что до земли двадцать четыре вспашки, что он стоит гораздо выше облаков – Монго просто смеялся, счастливый и беззаботный.

– Эй, есть здесь кто?! – крикнул он, подойдя к пещере.

Оттуда раздалось ворчание и стук палки о камень. Монго нетерпеливо пританцовывал на пороге, хлопал в ладоши, вертелся всем телом. Он вообще плохо умел стоять неподвижно, его все время куда-то дергало.

К тому же нижние руки ужасно мерзли.

– Ты кто такой? – раздался наконец недовольный голос. – Я тебя не звал.

В детстве Монго считал, что все люди на одно лицо. Но прожив среди них девять лет, он хорошо научился их различать – и сейчас изумленно таращился на того, кто вышел из пещеры.

Потому что всего несколько дней назад он делил с этим человеком лепешку!

– Как ты оказался здесь?! – воскликнул Монго, заглядывая в лицо старому нищему. – Ты не успел бы... ты волшебник?.. ты... погоди!.. так ты и есть святой Машибухер?!

– А у кого-то есть сомнения? – ворчливо спросил старик.

– Ты... ты совсем не похож на великого мудреца...

– Я голый, грязный и говорю загадками. Я либо великий мудрец, либо полоумный старикашка, грызущий ногти на ногах. Какой вариант тебе больше нравится?

Он действительно был гол и грязен. Монго мерз под шерстью и шубой, а святой Машибухер стоял в одной набедренной повязке, да и та, честно говоря, мало что прикрывала.

А еще он был лыс, костляв и с косматой седой бородой.

– Почему ты голый? – спросил Монго.

– Божественному мудрецу не нужна одежда.

– А почему грязный?

– Потому что не мылся с прошлого года.

– А зачем ты говоришь загадками?

– А зачем ты ко мне приперся?

Монго уселся на корточки и залился смехом. И впрямь великий мудрец! Он-то, признаться, ожидал встретить кого-то вроде занудных старых орангов, что все время важничали и любой разговор сводили к богам, но святой Машибухер оказался поинтереснее!

– А почему ты сразу не сказал, что ты – это ты и есть? – спросил сим, почесывая в затылке. – Это же не был твой брат-близнец, так? Это был ты. Зачем ты велел мне подняться так высоко... а, я понял. Это было испытание, да? Ты проверял меня?

– Какой сообразительный, – проворчал святой Машибухер. – Но только не думай, что раз ты забрался так высоко, я сразу возьму тебя в ученики.

– Нет-нет-нет, теперь ты обязан взять меня в ученики! – замахал пальцем Монго. – Ты назначил испытание, я его выполнил, так что не отвертись! Мне было паргоронски трудно залезть так высоко... кстати, а почему ты живешь так высоко?

– Раньше жил пониже. Но эти блеванные паломники меня вконец достали. Каждый день толпами являлись к моей пещере и пялились. Я им что, цирковая обезьяна? Вот и переселился на самую вершину – сюда почти никто не добирается. Особенно в последнее время.

– Надо думать! – весело воскликнул Монго. – Давно у тебя были гости?

– В последний раз заходил какой-то Оопсан, – задумался на миг Машибухер. – Хотел чего-то... но я его нахер послал. Сказал, чтоб сами разбирались с тем, что заварили. Идиоты.

– Не очень-то они разобрались, – проворчал Дегатти. – Мог бы и помочь.

– А как ты себе это представляешь? – удивился Янгфанхофен. – Думаешь, пришел бы святой бож, и все бы сразу стало хорошо?

– Янгфанхофен, что ты опять передергиваешь? Я просто к тому, что... иди на кир.

Карабкаясь на Кор-Таррот, Монго поддел все припасы. Да и вино у него почти кончилось. К счастью, святой Машибухер как раз заканчивал варить похлебку, и с Монго он поделился.

Мяса сим там не нашел, но после тяжелого подъема он был рад и просто горячей жиже. Уписывая ее из выщербленной чашки, Монго жадно расспрашивал Машибухера обо всем подряд.

– Что важнее всего на свете? – спрашивал он с набитым ртом.

– Сиськи, – сказал святой мудрец. – Это же очевидно, дурак.

– Нет, я о том, что... в чем смысл жизни?

– Чьей? Твоей, моей или погонщика яков, который живет у подножия этой горы? У каждого свой смысл жизни, нет на свете двух одинаковых.

– Банальный ответ! – сморщил морду Монго.

– Тогда любовь, – пожал плечами Машибухер. – Она придает нам силы жить и творить.

– Это еще банальнее!

– Зато правда, идиот! – ударил его палкой мудрец. – Что тебе надо от меня?! Ты просто приперся незванным и ждешь, что я тебе тут за минуту объясню все тайны мироздания?! Не существует никакой универсальной истины! Нет ее в чистой форме, доступной всем и каждому! Одному подходит одно, другому – другое!

– А как же любовь?..

– А любовь – это единственное, что не иллюзорно. Весь мир суть призрачен, и все, что по-настоящему реально – атманы, связанные с другими атманами. Разделенная воля Творца.

Монго наклонил голову, цокнул языком, потер ушибленное плечо и расплылся в ухмылке.

– Ладно, кажется, ты и в самом деле мудр, человек, – снисходительно сказал он.

– Меня называют мудрейшим из мудрых, – проворчал Машибухер. – Не знаю, с какого кира. На самом деле я просто полоумный старик, покрытый лишаями.

– А почему ты тогда бессмертный? – почесал нос Монго. – Как ты пережил все эти катаклизмы и живешь столько лет один, на вершине горы?

– Здесь окиренный воздух, – сказал Машибухер. – Ты доел? Пшел вон отсюда.

– Э нет, я теперь не уйду. Ты меня испытывал – я прошел испытание. Все, теперь не прогонишь. Я не уйду, пока не научусь всему, что ты знаешь.

– Так, пойдём-ка, – вошел в пещеру Машибухер. – Ты читать умеешь?

– На человеческом? Умею.

– Тогда прочти вот это.

– Не могу! – возмутился Монго.

– Почему?

– Потому что здесь темнее, чем в колодце! Я сим, а не гном, я не вижу в темноте!

– Ну так принеси света! Всему-то вас надо учить!

– Принести... света?.. – не понял Монго.

Машибухер раздраженно вздохнул, вышел из пещеры, зачерпнул солнечных лучей и занес их внутрь.

– Читай! – приказал он.

Монго не смотрел на надписи на стенах. Он смотрел на свет в ладонях грязного старика.

– Ты что, волшебник? – тихо спросил он.

– Еще чего. Мне на кир не сдалась вся эта чепуха.

– Но... это же волшебство!

– Ничего подобного. Читать будешь?

Монго стал растерянно читать какие-то не то стихи, не то изречения. Он не очень понимал, о чем там речь, потому что думал о совсем другом.

– Ладно, ты хотя бы грамотный, – перебил его Машибухер. – Уже что-то. Сейчас даже этого многие не умеют.

– Я... ага...

Машибухер прошелся вдоль пещеры и положил немного света во всех углах. Показалось мало – он принес еще и высыпал в большую чашу.

Высыпал. Свет.

Монго смотрел на это зачарованно. Нет, он сразу понял, что голый старик, живущий на вершине горы, обязан владеть какими-то тайными знаниями, но теперь он видел волшебство своими глазами... это волшебство же?

– Это не волшебство, – пробурчал Машибухер. – И не думай так громко.

– Пусть не волшебство, – быстро согласился Монго. – Но ты научишь меня этому?

– Научу, если будешь учиться.

Но в этот день святой Машибухер ничему Монго не научил. Просто достал грязную циновку, кинул ее на пол и сказал, что теперь Монго спит тут. А сам так устал, что просто накрылся халатом и тут же уснул. У входа по-прежнему горел костер, так что в самой пещере было не так уж холодно.

Проснулся Монго на рассвете. Святой Машибухер сидел снаружи, скрестив ноги, и время от времени харкал в пропасть.

На завтрак он выдал симу плошку риса. А когда тот ее смолотил – сообщил, что это вся его еда на день.

– Чтобы стать истинным мудрецом, тебе предстоит долгая аскеза, – говорил Машибухер, жуя пирог с олениной. – Ты будешь довольствоваться малым. Спать на камнях, жить на холоде, редко дышать и есть ровно столько, чтоб не сдохнуть. Ты будешь страдать, будешь ненавидеть меня и свою жизнь, но если все перенесешь... посмотрим, рано пока о тебе судить.

Доев пирог и облизав пальцы, святой принялся за жареного тунца. Потом – за рассыпчатый ароматный ямс со сладкой гуавой. Монго глядел на это, глотая слюни, но молчал, потому что Машибухер явно ждал, что тот пожалуется.

– А сам ты аскезу не соблюдаешь, гуру? – все же спросил сим.

– Я могу есть по рисинке в день, – отмахнулся Машибухер. – Но сейчас я учу тебя смирению. Ты должен превозмогать свои желания и не соблазняться излишествами, когда им предаются остальные. А также не испытывать зависти, когда у кого-то есть, а у тебя нет.

– Но ты можешь хотя бы не чавкать?!

– Нет.

Откуда святой Машибухер берет все эти яства, Монго пока что не понимал. Он как будто доставал их из воздуха, но всегда в такие моменты, когда ученик смотрел в другую сторону. Никак не удавалось его поймать, увидеть творящееся волшебство.

– Раньше я думал, что святые мудрецы не едят мясо, – сказал сим, когда Машибухер принялся дразнить его ароматом шашлыка.

– На халяву – едим, – ответил Машибухер, впиваясь зубами в шашлык.

– Бытует мнение, что мясо делает склонным к агрессии.

– Это отказ от мяса делает склонным к агрессии. Ты вообще видел вегетарианцев? Они всегда агрессивные и грустные.

– То есть себя ты в еде вообще... не ограничиваешь? – уточнил Монго. – А когда я закончу аскезу, то тоже смогу есть, что хочу?

– Не имеет значения, что ты ешь, дурак, – впился зубами в шашлык Машибухер. – Единственное, что важно – не зависеть от своей еды. Мы не всегда можем ее выбирать. Если меня угощают мясом, я съем его с удовольствием, но если у меня есть только пустой рис – я и его съем с удовольствием. Важно не это. Важно быть сознательным. Мы не можем помешать другим убивать, потому что у каждого свой жизненный путь. Я никогда не убью животное ради мяса, я даже комаров не убиваю. Но если животное уже мертво, то лучше его съесть, чем выбросить.

Монго восхищенно зацокал языком, собирая со стенок плоски последние рисинки. А следующие несколько часов не отрывал от Машибухера взгляда, надеясь уловить тот момент, когда тот будет создавать яства.

Не получалось. Прожорливый святой наконец-то наелся и до конца дня... ничего не делал. Он просто сидел неподвижно – то на краю пропасти, то в глубине пещеры. Его не беспокоил холод, он не обращал внимания на ученика.

Монго быстро стало скучно. Что на уступе, что в пещере было не так уж много места и совсем мало интересного. Машибухер ему этого не запрещал, поэтому он таки слазил на самую вершину Кор-Таррот – до нее оставалось уже недалеко.

Гора заканчивалась крутым, выглаженным ветрами пиком. Даже с обезьяньей цепкостью Монго вскарабкаться оказалось непросто, но он справился. Места на этой вершине мира хватало ровно на одного человека или сима – Монго постоял, потом посидел, потом снова постоял. Станцевал победный танец, покрутился вокруг, разглядывая уходящие во все стороны горы Бодассы.

Потом спустился к Машибухеру, нашел его спящим и обшарил все укромные уголки пещеры. Ничего интересного или хотя бы съестного не сыскал. Попытался повторить фокус со светом, но не сумел, конечно.

Так же прошел и следующий день. И следующий. Машибухер либо спал, либо медитировал. Поеданием яств он ученика больше не дразнил – кажется, он вообще перестал есть. Рис стал выдавать в сыром виде, но Монго не возражал – его варка хоть как-то разнообразила тоскливый день.

Честно говоря, на четвертый день он уже так изнывал со скуки, что подумывал уйти. Останавливало лишь то, что это тоже явно испытание. Машибухер проверяет его на терпение, хочет узнать, насколько он стоек в желании учиться.

Нет уж, старый хрыч, Монго тебя не порадует, не сбежит!

Был седьмой день, когда святой Машибухер вдруг к чему-то прислушался, протянул Монго целый мешочек риса и сказал:

– Я уйду на пару дней.

– Куда? – сразу заинтересовался Монго. – Можно мне с тобой?

– Ты за мной не поспеешь, – ответил Машибухер и прыгнул... в пропасть.

Он не упал. Он оттолкнулся от воздуха и прыгнул снова – еще выше, еще дальше. Снова оттолкнулся – взлетел совсем уже высоко. Ну а четвертый прыжок унес мудреца куда-то за горизонт, оставив Монго с разинутым ртом.

– Ты врешь, ты волшебник! – закричал он вслед.

Как и обещал, Машибухер вернулся через два дня. Таким же точно способом – гигантскими прыжками по воздуху. И Монго сразу набросился на него с расспросами.

Его не интересовало, куда учитель отлучался, где он был, что там делал. В данный момент Монго хотел знать только одно.

– Как ты это делаешь?! – воскликнул он.

– Просто прыгаю, – проворчал Машибухер. – Потом снова прыгаю, не дожидаясь, пока приземлюсь. Потом опять прыгаю. Ничего сложного, это всякий может.

– Но нельзя же прыгать, отталкиваясь от воздуха!

– Кто сказал такую чушь? Можно. Я же это делаю.

Глядя на растерянного ученика, старик вздохнул и приказал:

– Встань на голову.

– Зачем?

– Перестать спрашивать «зачем» – одна из первых задач твоего послушничества.

Монго мгновенно кувыркнулся и встал на голову.

– Что теперь? – спросил он, трясая нижними руками.

– Ты уже был на вершине Кор-Таррот. Отправляйся туда снова и медитируй до рассвета.

– А... как это связано...

– Падай туда, – толкнул его Машибухер.

Воздух засвистел в ушах. Монго с ужасом понял, что падает... вверх! В небо!

Он заорал, заверещал, задергался... и вдруг сообразил, что уже снова крепко стоит на нижних руках.

На вершине Кор-Таррот.

Рядом стоял святой Машибухер. Стоял... висел. Вверх ногами.

– К-ка-а-ак?.. – выдавил из себя Монго.

– Все просто, – сказал старик, беря себя за бороду и переворачивая на ноги. – Все падает вниз, верно? А если ты встанешь вниз головой, верх станет низом. Небо окажется внизу, земля наверху. Значит, ты упадешь на небо.

– Это... это... чушь какая-то...

– Это логика, дурак. Логика правит этим миром. Подчини себе логику – и ты подчинишь мир.

Ошарашенный сим послушно просидел на вершине сутки. А на рассвете спустился вниз – и на этот раз Машибухер начал учить его по-настоящему.

– Я не волшебник, – повторил он снова. – Иначе их сраный Апофеоз убил бы меня вместе со всеми остальными. Я адепт Учения У.

– Учения У?..

– Учения У. Я его сам выдумал. У... беждение. У... веренность. У... шат.

– Ушат?.. При чем тут ушат?..

– Он тоже на «у».

Монго жадно слушал. Машибухер плел какую-то ахинею, но понемногу сквозь нее проступала истина... и оказалось, что в этой-то ахинее вся и суть. Оказалось, что сила святого Машибухера – в том, что он сумел подняться над волшебством. Овладеть тем, что для смертных считается недостижимым.

Тем, что умеют только боги.

– На самом деле это настолько просто, что даже смешно, – сварливо говорил Машибухер. – Только не умеет этого никто. Бриар подошел ближе всех, но даже он не сумел побороть зависимость от маны. П-фе. Не нужна эта мана, лишняя она. Так же как глаза не нужны, чтобы видеть. Все, что нужно – не сомневаться.

– Я правильно понимаю, гуру?.. – осторожно спросил Монго. – Ты просто сам себя убеждаешь, что это правда... и это становится правдой?

– Не себя. Вселенную. Сила убеждения – могучая сила.

– А как ты заставляешь Вселенную тебя слушать?

– Весь секрет в правильной акустике.

– И все-таки...

– Что, сомневаешься во мне? Говорю тебе, дурак, если сильный духом скажет той горе – отдались, так отдалится она в ту же секунду.

– Я, конечно, верю тебе, гуру...

– Все-таки сомневаешься. Ну так смотри. Отдались. Видишь? Отдаляется.

– Эм... гуру...

– Что?

– Ты... пятишься, – с упреком сказал Монго.

– Да. И гора отдаляется.

– Но так-то любой может...

– А я тебе о чем говорю? Любой может это сделать – достаточно поверить в свои силы.

– Ты издеваешься надо мной, – стиснул кулаки Монго. – Может, хватит издеваться надо мной, старик?!

– О, как ты рано начал. Возможно, зря я взял тебя в ученики, – сказал Машибухер, беря гору двумя пальцами. – Так тоже любой сможет?

– Не... не любой... – произнес Монго, изумленно таращась на ладонь грязного старикашки.

Там стояла гора. Все такая же, как была – древняя, несокрушимая, с ледяной шапкой, размером лишь чуть меньше великой Кор-Таррот... но ставшая высотой в палец.

– Так любой или не любой? – спросил Машибухер, возвращая гору на место.

– Любой... не любой... я не знаю!.. Чего ты от меня хочешь?!

– Я хочу? Это ты чего хочешь? Ты сам пришел учиться – вот и отвечай на вопросы.

– Это учителя отвечают на вопросы учеников!

– А ученики – на вопросы учителей. Ты вообще учился где-нибудь, остолоп?

– Меня учили оранги, – огрызнулся Монго. – Не очень много и не очень долго, но у них я научился куда большему, чем у тебя!

– Мы с тобой знакомы десять дней. Имей терпение, макака. Или оно поймет тебя.

Сказав это, Машибухер ударил Монго палкой.

После этого сим взял себя в руки. Ему все-таки до смерти хотелось научиться волшебству... или, еще лучше, вот этому самому, которое по сути то же волшебство, но, если верить безумному старику, на самом деле нечто большее. И он снова стал ловить каждое слово, послушно медитировать на вершине и довольствоваться плоской риза в день.

Так прошло полгода. Монго терпел. Монго наблюдал. Монго учился. Он все еще не мог ходить по воздуху и собирать в ладони солнечный свет, но очень пытался научиться.

Время от времени он срывался. Ему периодически снова начинало казаться, что старик над ним издевается. Что он на самом деле – рехнувшийся колдун, который просто забыл, как именно делает то, что делает.

Но потом у Монго впервые получилось. Вся эта галиматья, что нес святой Машибухер... что-то все-таки оседало у сима в голове, что-то там из нее формировалось. Иногда ему казалось, что он почти понимает, что еще чуть-чуть – и он ухватит суть.

И однажды он и в самом деле что-то ухватил.

– Все вокруг нас, все, что мы видим – суть иллюзия нашего восприятия, – говорил Машибухер, ходя вокруг медитирующего сима. – Наши несовершенные тела и души рисуют нам несовершенную картину мира. Мы смотрим, но не видим, потому что упускаем суть вещей.

– А суть вещей – это пустота? – спросил Монго.

– Пустота, если тебе так хочется. Но в этой пустоте больше, чем ты можешь себе представить. Там, куда мы смотрим, есть или вообще ничего, или все сразу.

– П-хе, бессмыслица...

– Познай пустоту, обезьяна! – повысил голос Машибухер. – Ты не познаешь существующее, пока не познаешь пустоту! Атманы – суть врата, чтобы упорядочивать Хаос. Точечные источники воли Творца. Но они – конец пути. А начинаем мы с начала, и начало – это пустота.

– Но Хаос же – не пустота.

– Откуда ты знаешь? Ты видел этот Хаос? Ты там был? Хаос – это расплавленное золото под Тьмой. Океаны конских грив и хребтов драконов. Пожары всех возможных страстей и холодная заледеневшая воля, что кристаллизует их в четкой форме. Хаос – это все сразу, но вперемешку. Одновременно несуществующее, существующее потенциально, способное существовать, будущее существовать когда-нибудь и существовавшее всегда. Но пока Хаос не оформлен, он суть Пустота. И вот с него мы начинаем познание.

Монго слушал. Монго смотрел. Монго таращился в пустоту.

А если очень долго таращиться в пустоту, можно что-то увидеть.

Это было... он не знал, как это описать. Как будто завеса, за которой притаился... Монго не знал, как это описать. Вначале казалось, что это ничего, пустота, но чем дольше Монго смотрел, тем сильнее оно откликалось. Тянулось к его вниманию, как нерожденный ребенок к свету.

Кошмарный, жуткий ребенок.

Оно... оно хотело родиться. Хотело обрести форму.

Монго мог ему ее дать – и оно к нему тянулось.

Оно было безмерно и вечно. Его нельзя было даже сравнить со вселенной, потому что вселенную все-таки можно попытаться осознать, измерить и описать, а это... расширившимися от ужаса глазами сим смотрел, как оно начинает обретать сразу множество разных форм, обликов, возможностей. Становится крошечным и гигантским, сокращается и раздувается, меняет цвета. Является всем одновременно и ничем конкретным.

Монго попытался его удержать – и оно вперило ответным взглядом.

Или не взглядом. Или не вперило.

Оно выжидало.

На самом деле здесь был только Монго – и пустота вокруг. И на самом деле длилось это какое-то мгновение. Потом сим вздрогнул, преодолел наваждение и покатился кубарем.

Он упал бы в пропасть, если бы его не схватил за шкирку учитель.

– Ага, вижу, ты увидел Хаос, – удовлетворенно сказал он. – Ну и как тебе?

– Как-то... слов для такого нет.

– Поэтому его и называют невыразимым.

– Кто называет?

– Я.

Сказав это, Машибухер сунул руку... теперь Монго понял, что прямо в Хаос... и достал оттуда банан. Он швырнул его симу, и благодушно сказал:

– Твоя награда, макака. Заслужил.

– Я не макака, – уже привычно сказал Монго.

Но банан взял.

– Я видел там... много вещей, – сказал он. – И чудовищ. Они и вещи... и чудовища. Этот банан – чудовище?

Сказав это, Монго решил, что начинает сходить с ума. Он смотрел на банан и ждал, что тот перестанет быть бананом, станет чем-то еще. Но банан оставался бананом. Довольно банановым бананом с видом и запахом банана. Буквально излучающим банановость.

Чтобы банан точно его не провел, Монго его слопал.

Однако Машибухеру вопрос понравился. Наблюдая за Монго, он довольно улыбался в бороду.

– Вот теперь ты начинаешь ухватывать суть, – сказал старец. – Начинаем учиться по-настоящему.

И потянулись годы. Монго познавал Хаос. Познавал Пустоту. Учился видеть незримое. Применять силу, что не в руках, но в голове. Покорять реальность собственной волей.

Поначалу шло медленно и трудно, но Монго не сдавался.

На исходе третьего года Машибухер научил его летать. Для начала – с помощью подручных средств.

– Держи, – сказал он, сотворив очень плотное маленькое облачко. – Вставай на него.

– О, какое мягкое! – запрыгнул на него Монго. – А что это?

– Облаце. Мне эту штуку эльфийская колдунья дала.

– В смысле дала?.. Ты же его только что создал.

– Нет, это то же самое.

– Но его же раньше не было.

– Будешь допытываться – исчезнет.

– Нет, не надо. Спасибо.

Монго запрыгнул на облаце, покачался на нем, быстро сообразил, как его двигать, и облетел вокруг горы Кор-Таррот. Его охватил дикий восторг – он летел, он по-настоящему летел!

– Погоди, гуру, – сказал он, вернувшись к уступу. – А у тебя что, теперь его не будет?

– Почему это? – сотворил второе облаце Машибухер. – Мне же его эльфийская колдунья дала.

– А...

– А тебе его я дал.

– Но...

– Пользуйся молча!

Собственно Учение У Монго начал ухватывать только еще через семь лет. Десять лет он провел на вершине горы Кор-Таррот, десять лет учился у полоумного старика – но в конце концов это принесло плоды.

Вовремя. Монго уже не чувствовал себя юношей. Ему исполнилось тридцать шесть, а симы живут примерно столько же, сколько и люди. Прыжки по скалам давались не так легко, как десять лет назад, забираться на отвесные кручи становилось все труднее. Он все чаще предпочитал не лазить по горе, а использовать подаренное облаце.

Но сегодня... сегодня Монго просто поглядел на остроконечную макушку, и осознал, что гора есть гора. Гора – это единое целое. Он прямо сейчас стоит на горе. А если он прямо сейчас стоит на горе, то получается... что он стоит на горе.

И Монго оказался на горе. На самой ее вершине. Он нисколько не удивился произошедшему, потому что если бы он удивился – это и не сработало бы.

Он потратил десять лет, чтобы научиться не удивляться. Чтобы убить малейшие сомнения в том, что все работает именно так.

Чтобы подчинить себе реальность.

После этого Монго целый год просидел на вершине Кор-Таррот неподвижно, скрестив нижние руки. Он не ел и не пил, он не чувствовал холода, он не замечал бега времени. Сегодня он познал Пустоту – и все остальное стало незначительным.

Потом ему надоело. Он спустился и съел плошку риса. Ему полагалась плошка риса, так что он съел ее, не дожидаясь, пока учитель ему ее даст.

И лег подремать.

После этого пошло по накатанной. Как только Монго уловил принцип, стало легко. Стало так легко, что он удивлялся – неужели раньше это и в самом деле казалось чем-то сложным. Удивлялся тому, что раньше этому удивлялся.

Монго ходил по воздуху и погружался в глубины камня. Увеличивался и уменьшался. Превращался в зверя, птицу и рыбу. Переставлял горы. Делал и прекращал дождь. Сидел в огне. Покидал свое тело и возвращался в него. Размножал себя и делался невидимым. Узнавал суть вещей. Призывал нужное. Лечил болезни. Становился старым или молодым по своему желанию.

Был бессмертен.

Всего семьдесят две сиддхи, волшебных техники. Хвастаясь перед учителем, Монго выписал их все на один большой свиток. Увеличил до огромных размеров и повесил на гору – чтоб издалека все видали, каков великий Монго!

– Ты и в самом деле способный ученик, – признал и святой Машибухер. – Мне пять с половиной тысяч лет, и за это время у меня были десятки учеников. Среди них были люди, эльфы, гномы, огры, великаны... даже титаны и демоны. Одних я научил одному, других – другому. Кого-то научил сражаться, кого-то – колдовать. Но никто до тебя не сумел познать Пустоту. Никто не овладел Учением У в полной мере.

– А я вот овладел! – рассмеялся Монго, танцуя на потоке ветра. – Потому что я самый, самый, самый великий на свете! Я сильнее всех, я мудрее всех!

– Однажды ты можешь таким стать, – согласился Машибухер. – Но в полной мере ты Учением У еще не овладел. Ты научился видеть незримое – а теперь ты научишься его не видеть.

– Что?.. Зачем?..

– Поймешь, когда научишься.

– Ну еще пару лун я могу потратить, конечно... – почесал в затылке сим.

– Пару лун?.. Глупая наивная обезьяна. Твое обучение только началось. Хорошо, что ты перестал стареть, потому что теперь мы приступим к углубленным знаниям. Это будет в пять раз сложнее. В пять раз дольше.

– В пять раз?! – фыркнул Монго. – Ха!.. Я четырнадцать лет провел на твоей горе, старик! Довольно с меня, я сваливаю!

На лицо святого Машибухера легла тень. Древний старец помолчал, а потом неохотно сказал:

– Рано ты сваливаешь. Я никого еще не уговаривал остаться, но... ты рано сваливаешь. Ты пока выучился только... фокусам.

– Мне хватит и фокусов, – отмахнулся Монго.

– Зря. Ты можешь достичь большего.

– Мне надоело.

И Монго покинул учителя. Просто сотворил облаче и упорхнул, словно вольный ветер. Обретший невероятное могущество, он не обрел подлинной мудрости. Остался мелким хулиганом и возмутителем спокойствия.

Но сам он был уверен, что обучился всему, что нужно. Танцуя в воздухе, сим наслаждался творением чудес и заставлял мироздание отплясывать под свою дудку.

Он летел обратно в Шахалию, возвращался в родной Симардар. Хотел, чтобы другие симы посмотрели на того, кого изгнали двадцать пять лет назад. Увидели, кем стал тот мальчишка. Чтобы глупые старейшины пали перед ним ниц... хотя они все померли давно, наверное.

Но по дороге Монго завернул еще кое-куда. В последние полгода Монго много летал над Бодассой, болтал с разными духами, и услышал от одной феи, что есть на морском дне сокровищница. Схрон волшебного оружия, оставшегося со времен Старой Империи. Стережит его древний дракон Луминекс... но Монго был уверен, что как-нибудь с этим стариканом договорится.

Ему позарез хотелось обзавестись чем-нибудь таким. Оружием, достойным его нового величия. Не просто какой-нибудь меч или копьё, а нечто особенное.

Именно это он заявил Луминексу, когда предстал перед ним.

Морской дракон жил в настоящем дворце. Если святой Машибухер забрался аж в поднебесье, то Луминекс укрылся в черных глубинах. Свет не достигал здесь дна, а рыбы были, словно ночные кошмары. Если бы дворец не переливался всеми цветами радуги, Монго долго бы его искал.

Луминекс смотрел на него с несказанным удивлением. Кажется, сюда еще ни разу не заявлялись симы. Ну да, они бы сразу захлебнулись. Монго не захлебывался только потому, что в воде же тоже есть воздух, правильно? Надо просто отделять правильный воздух от неправильного, и вдыхать только правильный, а остальное пусть себе там плавают.

Сотня лет минула с тех пор, как Апофеоз убил всех волшебников. Но он не подействовал на бессмертных – титанов, фей и драконов. И если титаны и феи как жили отдельно от смертных, так и продолжили жить, то драконы... драконы в полной мере воспользовались ситуа-

цией. Гигантские ящеры всегда больше на словах подчинялись Колдующим Императорам, и как только магия смертных обратилась в дым, они сразу заграбастали все, до чего дотянулись.

В основном сокровища. Драконы любят сокровища.

Луминекс, старейший и сильнейший среди морских драконов, захватил Мектедель, крупнейшую фабрику боевых артефактов. Когда-то тут жили и работали чародеи из Морских Епископов, когда-то Мектедель был красой и гордостью Парифатской империи...

Теперь тут был только Луминекс.

В зеленоватом мерцании высился кристаллический дворец, а из его врат медленно выползал громадный дракон. Как все морские драконы, он имел змееподобное тело с короткими лапами, великолепную гриву, оленьи рога и сомовьи усы. Собрав несметные волшебные богатства, Луминекс уже сотню лет не видел у себя гостей, поскольку без магии опуститься в такие глубины невозможно, а живших здесь ранее тритонов он разогнал.

И вот теперь к нему явился... кто?.. обезьяна?.. нет, это существо зовется симом...

Драконья мудрость – тоже волшебство в своем роде. Многие вещи они знают просто так, без причины. Луминексу хватило одного взгляда, чтобы узнать имя Монго... и то, что он ученик святого Машибухера.

– Старый хрыч все еще жив? – изумленно спросил Луминекс.

Монго не понял ни слова. Дракон говорил на тритоническом парифатском – приспособленном для водоышащих. Язык тот же самый, но звучит настолько иначе, что Монго услышал лишь лай, свист, урчание и кудахтанье.

– Чему же он научил тебя, нелепое существо? – навис над ним морской дракон.

Монго рядом с ним казался крохой. Луминекс мог трижды обвиться вокруг корабля, раздавить его своими кольцами. Сейчас он разинул пасть – и из нее летели пузырьки... и рев. Рев, который, кажется, был словами, но Монго их не понимал.

Но если это слова, то они нужны, чтобы ими общаться. Чтобы один говорил, а второй понимал. Так? Так. Значит, если дракон произносит слова, то Монго должен их понимать, иначе все бессмысленно. Ведь дракон говорит именно с ним, а не с кем-то другим.

– Что молчишь, козявка?! – повысил голос Луминекс.

– Да просто задумался на минуточку, – ответил Монго. – Мир тебе, великий морской царь! Я тоже великий – волшебник и будущий царь симов! Я заглянул к тебе в гости, как равный к равному!

– Будущий царь? – с насмешкой переспросил дракон. – А волшебник тоже будущий?

– Нет, волшебник я уже сейчас, – сказал Монго. – Но в будущем тоже буду. И у меня к тебе просьба.

– Какая?

– Подари мне какое-нибудь хорошее оружие. Достойное меня, великого Монго.

Луминексу стало смешно. Сначала он хотел наорать на глупую обезьяну, прогнать ее... возможно, даже сожрать. Луминекс ни разу еще не ел симов и не знал, какие они на вкус.

Но Монго смотрел без малейшего страха и выглядел удивительно самоуверенным. Просто так стоял на дне океана, где любого другого мгновенно раздавило бы давлением. Пускал изо рта пузырьки, пританцовывал и раскачивался, говорил на безупречном тритоническом парифатском...

Странная обезьяна. И если он и впрямь учился у старого Машибухера...

Луминекс решил испытать сима. Проверить, на что тот способен – а там уж и думать, что с ним делать. Приняв кобриноподобный облик, обретя руки и ноги, облачившись в шелковый халат, дракон препроводил гостя во дворец.

Волшебные слуги подали Монго вина и закусок. Луминекс приготовился посмеяться, глядя, как тот попытается есть и пить под водой... но сим делал это непринужденно. Вино и яства вели себя так, словно вокруг был воздух.

– У меня есть много разного оружия, – сказал Луминекс, пристально глядя на гостя. – Но не знаю уж, достойно ли оно тебя, великий Монго. Оружие должно подходить своему владельцу. Идеально ложиться в руку.

– Это так, это так, – покивал сим. – Вижу, ты мудрый старик, ты говоришь правильно. Я не люблю мечей или булав – одни слишком острые, другие слишком похожи на погремушки. Я хочу что-нибудь длинное, но не проливающее кровь. Есть у тебя такое?

– У меня есть боевой посох Арикед, – сказал Луминекс. – В нем великая волшебная сила, и он весит три с половиной овцы.

– Тю, три с половиной овцы! – махнул рукой Монго. – Даже не четыре! Ну принеси мне эту булавку, попробую, по руке ли она мне!

На секунду Луминексу показалось, что это не сим. Что это сам святой Машибухер, ради шутки превратившийся в обезьяну. Морской дракон лишь раз встречался с божественным мудрецом, три тысячи лет назад... но тот вел себя очень похоже.

Запоминающийся был человек.

– Ну что ж, попробуй, – хмыкнул Луминекс.

Последние сто лет были скучными и печальными. Луминекс и в прежние эпохи жил в этом дворце, сторожил ценные боевые артефакты, но бытие было более насыщенным. Здесь работали Морские Епископы, сюда часто заглядывали сухопутные чародеи. У него были друзья.

Но потом они все погибли в одночасье. Сухопутные здесь больше не появлялись, а оставшиеся тритоны... ушли.

В этом была вина и Луминекса. Он растерялся от всего произошедшего, пришел в гнев и наделал ошибок. Возможно, когда-нибудь тритоны перестанут его бояться и вернуться, но сейчас он здесь один, если не считать порожденных его же магией слуг.

И теперь он с некоторым даже интересом смотрел, как отплясывает в кристаллическом зале Монго, как вращает огромным бронзовым посохом. Арикед Черный сделал его таким тяжелым, что ни один простой человек не сумел бы поднять, но сам он орудовал им легко... а Монго орудовал еще легче.

– Эта штука ничего не весит! – отшвырнул посох Монго. – Дай что-нибудь потяжелее!

– У меня есть боевой шест, выкованный Макроденитом, кузнецом титанов, – сказал Луминекс. – Им сражались титаны, и он весит семь овец.

– Это уже лучше, – покивал Монго, взвесив на руке тяжеленный кусок железа. – Уже лучше. Но все равно слишком легкий!

– Ты под водой, – сердито напомнил Луминекс. – На воздухе он не будет таким легким.

– Какая разница – вода или воздух? – вонзил шест в стену Монго. – Ничего не весит, дай другой!

Луминекс немного оскорбился, но для него это уже стало вопросом гордости. Он перерыл весь свой арсенал, предложил Монго с полдюжины волшебных посохов, шестов и тростей. Все они были очень могущественными, но Монго только смеялся над драконом, предлагая тому оставить себе эти прутики.

И тогда Луминекс сказал, что знает, где хранится самый тяжелый из боевых шестов. Ключа древнего бога Цидзуя, которую тот оставил на Парифате, когда боги разрушили ледниковое проклятие. Вонзив ее в океанское дно, Вечно Молчащий изрек, что никогда впредь не наступит в мире такая стужа.

– Цидзую она больше не нужна, – хитро ухмыльнулся Луминекс. – Сумеешь ее вытащить – она твоя.

– Фи, какая-то ключа, – наморщил нос Монго. – Но давай взглянем на эту палочку.

Далеко плыть не пришлось. Громада Мектеделя когда-то ведь и была выстроена именно возле ключа Цидзуя. Одно время парифатские чародеи пытались извлечь божественный атри-

бут, приспособить к какому-нибудь делу – но не хватило сил. Слишком великая мощь была заключена в этом шесте... да, клюка Цидзуя только называлась клюкой, а по сути то был гигантский боевой шест.

Сверхгигантский.

Монго запрокинул голову. Пожалуй, в этой штуке была половина вспашки. Великий дракон Луминекс казался рядом с ней козьявкой.

И она буквально излучала силу.

– Ну что, достаточно для тебя? – насмешливо спросил Луминекс. – Или и это покажется тебе слишком легким, о великий Монго?

– Не, в самый раз, – ответил сим, взмывая на вершину клюки. – Наконец-то серьезные вещи показываешь.

Дракон хмыкнул, снисходительно глядя на хвастливую обезьяну. Монго сидел какое-то время неподвижно, а потом, явно поняв, сколь невыполнимая перед ним задача, поплыл прочь. Луминекс осклабился, глядя, как тот удаляется, исчезает в пучине...

Но потом Монго вдруг остановился и повернулся. Он отплыл так далеко, что гигантский шест стал совсем маленьким. Отсюда он выглядел не больше обычного боевого шеста... и Монго легко выдернул его из земли.

У Луминекса отвисла челюсть.

Монго стремительно подплыл к нему, крутя клюку Цидзуя. Почтительно поклонившись дракону, он оттолкнулся от дна и вознесся.

– Спасибо за подарок, старик! – крикнул он сверху. – Хорошая палочка, увесистая!

– На... на здоровье, – растерянно сказал Луминекс, почесывая головной гребень.

Вылетев из океанских волн, Монго сотворил облаце и поплыл по ветру, любуясь своим новым шестом. Тот красиво блестел на солнце, переливался красным и желтым. А в ладони лежал так, словно всегда тут и был. Словно вернулся к давно потерянному хозяину.

– Хм, оружие я получил, – сказал сам себе сим. – Но теперь загляну еще куда-нибудь за подарками. Не могу же я вернуться домой без гостинцев.

Через сто лет после гибели Парифатской империи в мире еще оставались города и дворцы, полные волшебных сокровищ. Что-то уже сгинуло, что-то сломалось, что-то давно разграбили, растащили по углам и щелям. Но оставались и нетронутые схроны. Уцелевшие в Волшебных войнах и недоступные обычным смертным. Скрытые и запечатанные все еще действующими чарами.

И Монго решил присвоить парочку таких кладов. Отдать их симам, своему народу.

Он же будет их царем. Царь должен щедро одарять своих подданных. Делать их богатыми и счастливыми. Всех.

Монго так считал.

– Но как же я их найду? – рассуждал он, сидя на облаце. – Они же спрятаны? Хотя... глупый вопрос. Там же золото, а золото блестит. И наверняка там есть волшебные побрякушки, а волшебство тоже блестит. Поднимусь повыше и посмотрю, где блеска больше.

Так он и поступил. И у него это превосходно сработало.

В первом же схроне Монго нашел прекрасную безразмерную котомку. И начал собирать в нее все остальное. В основном тут было золото, а еще серебряное оружие. Очень много серебряного оружия, что глупо, потому что серебро мягкое, и делать из него оружие будет только дурак. Видно, Парифатской империей правили дураки.

Ну и хорошо тогда, что их богатства достанутся тому, кто умнее. Он-то уж сумеет ими правильно распорядиться.

– Спасибо от Кенниса, Монго, – хмыкнул Бельзедор. – Похоже, он разграбил один из резервных arsenалов, законсервированных на случай возрождения вампиров.

Монго никогда не сомневался в своих действиях. С раннего детства, чуть ли не с рождения, он всегда шел вперед уверенно, без колебаний. И разграбив четыре тайных сокровищницы, насобирав золота и артефактов столько, что хватило бы построить сто городов, Монго вернулся в Симардар.

Он сумел появиться во всем блеске. Когда оранги собрались на Совет Мудрых, когда явились к пиршественному столу, то увидели возмутительное зрелище. Прямо среди яств восседал какой-то непонятный хибений... или оранг... какой-то худой мелкий сим с рыжей шерстью.

Он весь перемазался соком, с аппетитом лопал персик и запивал его вином из чаши.

– Отлично, вы накрыли стол в мою честь! – прожестикнул Монго, вгрызаясь в фазанью ножку. – Похвальное рвение! Так и нужно встречать своего царя! Назначаю вас всех моими министрами!

Оранги растерялись, заморгали. Стали показывать, переглядываясь:

– Ты... ты кто такой?..

– Смотри... жрет.

– Какой наглый хибений!

– Мы пришли, а он жрет...

А потом один из мудрецов взгляделся в возмутителя спокойствия, прищурился и с недоверием спросил:

– М... Монго?..

– А, Эббекуйя, мир тебе! – махнул ему Монго. – Прекрасно! Как любой обитатель джунглей узнает рык тигра, так любой подданный узнает своего царя!

Премудрый Эббекуйя схватил других орангов за плечи и быстро забормотал. Он был послушником Йемедзийи, и занял его место, когда старец опочил. И Монго он прекрасно помнил, хотя воспоминания и подернулись дымкой – за четверть-то века.

– Так это тот самый Монго? – изумленно спрашивали Эббекуйю. – Носитель признаков всех каст?.. Уникальный?.. Богоизбранный?..

– Уникальный и богоизбранный! – весело ответил Монго. – Присаживайтесь, министры мои, обсудим будущее Симардара!

– Раджа будет в гневе, – растерянно показал Эббекуйя. – Когда он услышит, что ты вернулся...

– И слезь уже со стола! – взмахнул руками Иземмия, глава Совета Мудрых.

– Глупый Иземмия! – ответил Монго. – Разве ты не знаешь, что царь должен сидеть выше своих подданных? Трона здесь нет, так что я буду сидеть на столе.

У симов действительно был такой обычай. Будучи не столько наземными, сколько древесными обитателями, они издревле полагали, что чем выше ты сидишь, тем больший тебе почет, тем больше у тебя власти над теми, кто сидит ниже.

– Ты не царь! – взмахнул руками Иземмия. – В Симардаре нет и никогда не было царя! Нами правят раджа и Совет Мудрых!

– Вот и плохо! Как же Симардар станет царством, если в нем не будет царя?!

Оранги переглянулись и закивали. Они все были мыслителями, и им понравились слова Монго. Была в них неожиданная мудрость.

– А теперь зовите сюда раджу! – приказал Монго. – Пусть он тоже явится на поклон к царю! И пусть рани свою прихватит – давно мечтаю с ней познакомиться! И всех, всех сюда

зовите, кто чего-то стоит! Воевод с семьями, младших раджей, купцов побогаче! Самых именитых мастеровых! Зовите всех сюда – я буду вас одаривать золотом!

Оранги, которые уже начали раздуваться от ярости, от возмущения, вдруг стихли. Недоверчиво глядя на Монго, Иземмия спросил:

– Золотом?..

– Золотом, золотом, – зачерпнул из котомки Монго. – Самоцветами и серебром. Я много странствовал, много повидал... и привез всем гостинцев! Хочу одарить весь Симардар!

– Даже если эта котомка полна золотом, здесь не хватит, чтобы одарить весь Симардар.

– Хе! – фыркнул Монго, запрыгивая на подоконник.

Он выскочил в окно, на лету вытаскивая из-за уха булавку... нет, то оказался боевой шест! Симы ахнули, но шест тут же вырос еще сильнее! Вытянулся до самой земли, а на вершине его заплясал Монго!

– Весь Симардар! – повторил он, разбрасывая золото горстями. – Всех моих подданных!

– Монго ничуть не изменился... – одними пальцами показал Эббекуйя и прикрыл ладонями уши. – Нам всем [цензура]...

Но остальные оранги смотрели на Монго с изумлением... и благоговением. Не столько даже на золото, которое он рассыпал, сколько на гигантский шест, который он вытащил из-за своего уха.

Монго принес в Симардар волшебство.

Да, раджа Гунго был в ярости. Он явился во главе целого отряда кориллангов и хотел сразу зарубить возмутителя спокойствия. Но Монго просто швырнул его воинам несколько горстей золота, а когда те бросились собирать, прокричал:

– Раджа Гунго, я принес тебе в дар оружие, которого ты достоин!

И в землю вонзилась сияющая алебарда. Гунго любил оружие, любил хорошие клинки – и не смог удержаться, схватил.

А схватив – рассек ближайшее дерево одним ударом!

– О!.. – выдохнул он. – Мне нравится твое подношение!

– Подношение?! – рассмеялся Монго. – Нет, нет, ты не понял! Это подарок высшего низшему! Ты славный воин, раджа Гунго, и теперь ты будешь главным в моем войске!

– О как, – хмыкнул раджа. – Глупо ты сделал тогда, что дал мне такую алебарду. Тебя же я ею первым и разрублю.

И он рубанул по огромному шесту. Думал, что рассечет его так же, как то дерево. Но клюка Цидзуя лишь зазвенела, а Монго рассмеялся еще громче.

– Нет, может, мне такой глупый раджа и не нужен, – с сожалением показал он. – Подарки, конечно, не отдарки, но раджей ты больше не будешь.

Он спрыгнул с шеста, схватил огромного корилланга за загривок и бросил на землю. Не ожидавший такой скорости и силы, Гунго упал, а Монго поставил нижнюю руку ему на голову.

– Глупый, глупый раджа! – повторил он. – Я теперь царь симов! Я дам всем золота не потому, что хочу задобрить, а потому, что хочу, чтоб мы были богаты! Чтоб Симардар был богатым! Богатство привлекает еще больше богатства – спроси любого чимпа!

Чимпы закивали. Они тоже собрались на площади, они жадно подбирали монеты и камни – и они уже были всецело преданы Монго.

Несколько кориллангов все же остались верны радже. Они набросились на рыжего полукровку, накинулись со всех сторон с ятаганами... но их разметало смерчем! Словно не мелкий сим-хибений, а какой-то колосс! Неодолимой мощи полубог!

– Вы не умеете драться! – насмешливо показал Монго. – Я умею лучше! Я научу вас всех! Научу кай-мари, драться хорошо!

– Не совсем понял, – сказал Дегатти. – Кай-мари?.. Драться хорошо?..

– Не получается нормально перевести на паргоронский, – с сожалением сказал Янгфанхофен. – Симвы общаются жестами и криками. Кай-мари на их языке означает «драться хорошо».

– Хочешь сказать, это боевое искусство изобрели символы?

– Один конкретный символ, если быть точным.

Следующие тридцать лет были золотой эпохой в истории Ситардара. Конечно, Монго приняли с опасением и далеко не сразу признали настоящим царем. Поначалу его принимали за чокнутого волшебника и пытались отодвинуть куда-нибудь в сторону. На словах восхваляли, чествовали, титуловали равным небу мудрецом и поселили во дворце. Но от реального управления старались отдалить как можно сильнее.

Но не таков был Монго. Узнав, что кроме официальных собраний Совет Мудрых стал проводить еще и тайные, внутренние, а корилланги по-прежнему почитают раджу не только как военачальника, но и как владыку, он решил проучить нерадивых симвов. Явился на первое же совместное собрание, разломал там все, перебил чаши, выкинул из окна нескольких орангов и насмешливо показал жестами:

– Вы думали, я просто веселый дурачок? Думали, будете творить за моей спиной, что хотите? Подумайте еще.

Раджа с горшком на голове уполз под стол.

Впрочем, Монго уже не был тем юным хулиганом, который только и делал, что портил всем жизнь. Напротив – хоть и в своей неумной манере, он активно вникал в дела государства. Он хотел знать, что и как работает, чтобы заставить это работать лучше.

И бедное, незначительное княжество Ситардар понемногу разрасталось и богатело.

– Хибении – самые важные символы из всех! – как-то раз показал Монго своим министрам.

– Что?.. – удивились важные оранги, корилланги и даже чимпы.

А вот подающие напитки хибении наострили уши, но работать не перестали.

– Да! – взмахнул руками Монго. – Они так благородны, что избавляют всех остальных от грязной работы! Той, которую не хочет делать больше никто! Так они дают остальным возможность заниматься другими делами! И их больше, чем всех остальных симвов, вместе взятых!

– Ну-у-у...

– И если мы хотим сделать жизнь симвов лучше – мы будем думать в первую очередь о хибениях! Они – нижняя ступенька этой лестницы!.. но самая широкая! Фундамент, на котором мы стоим! Станет лучше им – станет лучше всем! Достояние всего Ситардара должно определяться по жизни самых бедных хибениев!

– Ты нарушаешь устои, о равный небу мудрец, – напомнил Иземмия. – Но твои речи полны мудрости и доброты. Мы исполним, что ты велишь, и да услышат тебя боги.

– Боги, боги, опять боги! – закатил глаза Монго. – Верно говорят, что если оранг не поминает богов – так он не иначе помер!

Оранги сделали вид, что ничего не слышали. Была у их нового царя неприятная черта, с которой все мирилось – он не признавал авторитетов. Никаких. Никогда. Даже боги были ему не указ, даже небо не внушало почтения.

– Молодец! – сказал Бельзедор.

Но во всем остальном Монго всех устраивал. Не сразу, не в первые же дни, но к нему привыкли и прониклись искренней любовью. Да, он был буйным, вздорным царем, который все время куролесил. Но это было наносное, внешнее. А все его действия и в самом деле шли только на пользу Ситардару.

Княжество быстро превратилось в царство, поглотило всю северо-западную Шахалию. Симвы освоили дикие территории, создали могучую армию. Артефакты из колдовских схронов дали им могущество, а золото помогло торговать с богатыми соседями.

Раньше-то симвов и знать-то никто не знал. Сидят там какие-то обезьяны в своих хибарах, скачут по деревьям, орут что-то, руками машут. Мало ли на Парифате таких стран-крохотулек, населенных малыми народами? Никому не было до них дела.

Но с вернувшимся Монго Симардар за тридцать лет совершил колоссальный рывок. Симвы начали строить корабли, создали флот. Присоединили два больших острова за морем – Гаймхрокеш и Ургению. Покорили тех, кто там жил, и гордо стали именовать Симардар империей.

Число симвов росло очень быстро. Разбогатевшие, уверенные в завтрашнем дне, они стали стремительно размножаться. Редкие женщины теперь рожали меньше четверых детенышей, а многие вовсе девятых-десятерых. Даже хибении теперь плодились не для того, чтобы дети в будущем помогали родителям, а потому, что могли их прокормить.

Монго тоже пытался вносить свой вклад. Он взял себе по жене от каждой касты, от каждого народа симвов. Устроил настоящий конкурс, провел грандиозные игры, на которых красавицы соревновались за право стать женами царя.

Среди победительниц оказалась прекраснейшая из кориллангов, дочь раджи Гунго и рани Шеонги. Оказалась и внучка мудрого Иземмии, ученая дева, знающая наизусть пятьсот стихов. Еще Монго породнился с богатейшим в Симардаре торговцем шелками и заключил брак с первой красавицей из хибениев... единственной среди его жен незнатного рода. Среди хибениев нет знатных.

Однако ни одна из красавиц не принесла ему потомства. В конце концов Монго с горечью признал, что своих детей он понянчить не сможет. Здесь не помогало все волшебство святого Машибухера... хотя нельзя сказать, что Монго не старался.

Только эта мысль и отравляла ему жизнь. Ночами он выходил на балкон дворца, смотрел на ночной Гасимдзе, столицу своего царства... и тяжело вздыхал.

Конечно, наследники ему не нужны. Монго не собирался стареть и умирать. И раз у него нет собственных детей – пусть все символы Симардара будут ему детьми.

Эта светлая мысль несколько утешила Монго.

А потом он услышал ругань своих жен.

– Не по чину тебе носить такие украшения, будучи хибенийкой! – визжала дочь раджи. – Они не могут быть красивей, чем мои!

– Мне подарил их мой муж! – верещала хибенийка. – И я не отдам их! Я – любимая жена, я должна носить лучшее... но твои ничуть не хуже!

– Ты – любимая жена?! Младшая – не значит любимая! Ты хибенийка!

– Наш муж – тоже хибений!

– Он не хибений! Не хибений, не оранг, не корилланг и не чимп! Он...

– ...Бог!.. – простонала внучка Иземмии.

Монго аж поперхнулся, услышав такое. На самом деле половину спора он додумывал, поскольку жены спорили на обезьяньем, жестами. Но криков тоже хватало, да и многие в пылу спора переходили на парифатский. Язык людей как-то более богат и красочен, символы все чаще использовали его вместо родного.

Монго ворвался в светлицу и рассерженно ударил шестом об пол. Клюка Цидзуя всегда была при нем, он не расставался с ней даже во сне.

– Что за свары я слышу?! – показал он свободной рукой. – И я не бог, я царь! А вы – жены царя, вот что важно! Каждая должна вести себя подобающе! Мы не дикие обезьяны, верещащие на деревьях! И не дикари, поклоняющиеся идолищам!

Жены пристыженно молчали. Своего мужа они обожали безумно. Каждая тоже ужасно жалела, что не может принести ему самый желанный для мужчины дар и сама получить в браке такую отраду.

А Монго глядел на них и думал, к чему все это. К чему ему целых четыре жены... к чему ему вообще жены? Он взял их, чтобы скрепить связи между кастами, но в этом больше нет нужды.

Особенной связи между ними не появилось, любовью Монго ни к кому из четверых не проникся. Утехи плоти его тоже давно не волновали – четырнадцать лет аскезы научили не зависеть от телесных потребностей.

К тому же они стареют, а он – нет. Монго выбирал самых юных девушек, но тридцать лет спустя они уже далеко не юны, а скоро станут и вовсе стары. Увы, у Монго не получалось делать бессмертными или хотя бы омолаживать других. На это Учение У оказалось неспособно... или это просто Монго не до конца ему выучился...

И вообще, ему все меньше хотелось оставаться царем. Казалось, что он достиг пределов мечтаний. Вечно юный, прекрасный ликом, могучий волшебник, великий царь. У него несметные сокровища, огромный дворец, четыре красавицы-жены и целая страна верных подданных.

А чего-то в жизни все равно не хватает.

Монго вдруг понял, что был счастливей, когда был беззаботен. Когда убегал от стражников и носился по джунглям с обезьянами. Когда плывал по морям матросом и карабкался по заснеженным горам.

Он ведь уже... да, уже лет тридцать не веселился, как раньше. Добыл клюку Цидзую, разграбил сокровищницы Старой Империи, завоевал трон Симардара... а потом тридцать лет просто правил. Поначалу это было интересно, но потом стало рутинной.

Проказничать в собственном царстве как-то глупо. Задирать собственных подданных – просто подло.

А Монго аж надирало, так ему хотелось снова... как прежде...

– Вот бы снова переполох устроить... – пробормотал Монго, глядя в ночное небо.

С этой мыслью он назавтра принимал посетителей. Послов стран людей, купеческих старшин, младшего раджу Гобдо и путешественников, что ходили далеко на юг, исследовали устье великой реки Жон.

Только этих последних он слушал с некоторым вниманием.

Путешественники рассказали, что вся южная Шахалия – это сплошные дикие джунгли. Люди оттуда ушли много лет назад и больше не возвращались, так что можно спокойно присоединить те земли к Симардару. Из интересного там есть небольшие горы, устье великой реки, проклятый город-дом Домурбис и великое дерево до небес.

– Дерево до небес? – заинтересовался Монго.

– Деодор, о великий мудрец, – склонился старый оранг. – Деревянный Император, Мировое Дерево. Двурукие говорят, что он выше самых высоких гор. А еще двурукие говорят, что его корни спускаются в Шиасс, мир мертвых, а крона поднимается в Сальван, мир богов.

– Мир богов! – загорелись глаза Монго.

Вот оно! Он понял, чего ему не хватает! Его признали другие симы, они склонились перед ним... но боги по-прежнему смотрят на него свысока! Они не считают его великим мудрецом! Не считают равным себе! Возможно даже, вообще понятия не имеют, что вот – живет на свете такой Монго!

Ну так он им расскажет! А заодно спросит с них за все, что не так устроено в этом мире! Спросит, отчего симы не бессмертны, отчего есть бедные и богатые, отчего не все деревья плодоносят и отчего у него нет детей!

Потребуется ответа за все!

Монго путешествовал на запад, на восток и на север. Но он еще ни разу не был на юге. И теперь рассказы о дереве до небес что-то в нем разбередили.

Созвав своих министров и воевод, царь симов объявил, что на время их покидает. Пока его не будет, править Симардаром будут они – но от его имени. Пусть ждут три года, и если он не вернется... пусть подождут еще.

Услышав от старика-оранга, что Деодор выше самых высоких гор, Монго только посмеялся в своих мыслях. Ха, не видали эти симы пиков Бодассы. Большая часть Шахалии – равнина, а в Симардаре кручами считаются холмы в четверть вспашки.

Но подлетая к дереву, которое издали казалось просто большим деревом, а потом становилось все выше... и выше... скрылось далеко за облаками... оказалось действительно размером с гору... оказалось выше даже громадины Кор-Таррот!.. раза этак в полтора!!!

Монго думал, что разучился удивляться. Но сейчас он смотрел на дерево, рядом с которым Кор-Таррот был что чимп рядом с кориллангом, и смеялся от счастья.

Нет, на Парифате еще полно чудес, рано он вздумал скучать в золотом дворце! Он еще много чего не видал!

Облаце понесло Монго вверх. Великий мудрец отталкивался от воздуха шестом, драгоценной клюкой Цидзуя. Летел среди ветвей, на каждой из которых мог разместиться город... на некоторых и размещались! Деодор оказался настоящим деревом-государством – Монго видел дома, людей, пасущийся скот...

Воздух становился все жидче и холодней. Небо стало лиловым, в нем зажглись звезды. Даже на Кор-Таррот Монго такого не видал – чтоб звезды среди бела дня.

И это странным образом умиротворяло. Что-то подобное Монго чувствовал и когда год медитировал на вершине горы. Но тут – еще сильнее, еще ощутимей. Он будто оказался на крыше мироздания и смотрел с нее на весь Парифат во всем его величии. Людей отсюда различить не мог, но знал, что они там, внизу.

И теперь ему захотелось спросить у богов не только о себе и о симах. Ему захотелось спросить обо всех, кто живет в этом мире. Узнать, нельзя ли как-нибудь сделать так, чтобы они жили лучше.

– Я спрошу у богов милости для всех нас, – пообещал он Парифату. – А если не дадут – украду.

Но он пока не видел, где здесь ход на небеса, где дверь в мир богов. Верхушка Деодора напоминала вершину горы, только деревянной, и была почти плоской. Монго мог сделать ровно семь шагов от одного края к другому. Больших, широких шагов – но всего семь.

Уж верно он заметил бы тут какую-нибудь дверь.

Но она тут должна быть. Люди ведь говорят, что крона Деодора поднимается в Сальван. Люди, конечно, те еще брехуны, но не станут же они врать о таких важных вещах. Один может соврать, два могут соврать, десять могут соврать, тысяча может соврать, но хоть один-то среди них должен говорить правду. А значит, раз они говорят, что тут есть такая дверь, то она и вправду есть... а, вот она. Монго просто ее не замечал, потому что смотрел под неправильным углом.

Монго даже не поколебался. Он не привык думать над тем, что делает, поскольку точно знал, что никогда не ошибается. Сим просто поднял облаце и вплыл в волшебную дверь... оказавшись в Сальване.

Ай, красиво здесь было! Ни земли вокруг, ни воды, а только бесконечные облака всех цветов и форм! Одни висели неподвижно, другие порхали совсем как облаце Монго... э, да это и есть облацы! Такие же, только многие больше... гораздо больше.

На многих стояли дома или настоящие дворцы. На других росли деревья, а то были разбиты настоящие сады или даже раскинулись дремучие леса. Иные размером не уступали островам, но среди больших облац летали маленькие, а на них – всякие существа... видно, это и есть блаженные небожители. Монго много о них слышал.

Дивно все вокруг было.

Никем поначалу не замеченный, Монго поплыл вперед, к уходящему в бесконечность золотому стержню. Вокруг него облац дрейфовало особенно много, и дворцы на них были особенно огромные и красивые.

Видно, там и живут боги, в том числе Бриллиантовый Император.

Монго спросил дорогу у первого же встречного небожителя – и тот был так любезен, что сам Монго проводил. А по пути еще расспрашивал обо всем, ужасно удивляясь, что вот, простой смертный – и вдруг в Сальване!

– Я не простой смертный, а великий мудрец, аскет и йогин! – гордо ответил Монго. – Я не хуже вашего неба, абхин!

– Абхин? – рассмеялся небожитель. – Ты ошибся, великий мудрец, я не абхин. Я аркан, воплощение встречи гостей. Меня зовут Мехамаанон, и мое дело в Сальване – помогать тем, кто, как ты, явился сюда впервые и растерян.

– Э, я не растерян! – возмутился Монго. – И не смейся зря, я и сам знал, что ты аркан, а абхином назвал из желания сделать приятное. Но это хорошо, что меня встречают с таким почтением. Боги оказались уважительны, великий мудрец доволен.

Мехамаанон улыбнулся, склоняясь в вежливом поклоне. Он смешно выглядел – едва по пояс Монго, с огромной головой-луковкой, крохотной ошипанной бороденкой и в халате с такими широкими рукавами, что ладоней не видно вовсе. Монго при виде него даже проникся к небожителям легким презрением.

Однако оказалось, что не все они таковы. О госте с Парифата доложили самому Бриллиантовому Императору, и тот пожелал его видеть.

При виде Диамполида, дворца владыки богов, Монго восхищенно зацокал языком. Красота какая! Даже гигантские кристаллы, что еще остались в некоторых городах людей, меркли рядом с этим зданием-алмазом. Все тут переливалось в лучах... нет, не солнца. В Сальване не было солнца. Свет лился отовсюду, и был он так приятен, что невольно хотелось улыбнуться, спеть песенку, а то сладко вздремнуть.

Поэтому, наверное, и небожители все такие веселые и добродушные. Порхают себе на своих облацах, забот не знают.

Или восседают на тронах с важным видом, как Бриллиантовый Император. Ох и грозен же оказался владыка Сальвана, ох и величав! Похож на человека, но больше и толще, с окладистой курчавой бородой, густыми бровями и крутящимися спиралями вместо зрачков. В темно-синем шелковом халате и огромной бриллиантовой короне.

К его трону вели двенадцать широких ступеней, на каждой из которых стояли по два небожителя с пергаментными свитками. На самой верхней ступени, у подножия трона, восседал шуплый человечек в черно-белом шутовском наряде.

– А, так ты и есть тот самый Монго, что несет в себе признаки всех четырех народов симов и учился у святого Машибухера, – сказал Бриллиантовый Император.

– Он самый я и есть, – поклонился Монго. – Пришел вот к тебе, владыка, как равный к равному, ибо я не менее заслуживаю почтения, чем ты.

Царь богов уставился на него в изумлении, замер на мгновение, а потом... расхохотался.

– А ты мне нравишься! – воскликнул он. – Воистину ты дерзкая обезьяна, Монго! Что ж, поведай мне, как равный равному – что тебя сюда привело, что я могу сделать для такого великого мудреца, как ты?

– Да вот, хочу спросить тебя, почему не все в нашем мире устроено так, как должно, – сказал Монго, глядя Бриллиантовому Императору прямо в глаза. – Почему симы и люди умирают, почему не у всех все есть, почему нам нужно работать, почему...

– Обожди, – вскинул руку бог. – Вижу, ты рассудительный сим, и вопросов у тебя много. Но если ты называешь себя мудрецом – отчего бы тебе не ответить на них самому?

Монго нахмурился. Что же они, сговорились? Святой Машибухер тоже всегда как-то так отвечал на подобное. Мол, такие вещи объяснить невозможно, только самому понять... и вот когда поймешь, тогда, значит, и стал действительно мудрым.

Но Монго-то уж знал про себя, что он и так действительно мудрый. Был им всегда, с рождения.

– То есть не ответишь ты мне ничего? – уточнил Монго. – Ладно, я так и думал. Тогда дай хотя бы хорошие подарки, чтобы я не с пустыми руками вернулся к своим подданным. И признай меня мудрецом, равным небу, дай документ, где это будет говориться.

– Ты своими силами добрался до Сальвана, а значит, награды заслуживаешь, – кивнул Бриллиантовый Император. – Но признать тебя... так, подожди-ка. А откуда у тебя клюка Цидзуя?

– Дракон подарил. И теперь это не клюка Цидзуя. Теперь это шест Монго.

– И он тебя слушается? – спросил бог.

– Как родного отца!

Монго крутанул шестом, заставил его немного увеличиться, вытянуться... небожители вздрогнули, подались назад. Бог на троне наклонился, опер подбородок на пальцы... на Монго он смотрел со все большим интересом.

– Вот что я тебе скажу, Монго из симов, – сказал он. – Подарки, если желаешь, ты получишь прямо сейчас. Но ответы на свои вопросы ты можешь узнать только сам. А уж признать тебя мудрецом, равным небу... это придется заслужить.

– Изволь, заслужу! – гордо выпрямился Монго. – С кем мне надо сразиться?!

– Сразиться?.. Ни с кем не надо сражаться. Просто поживи здесь, у нас. Прояви себя. Покажи, что заслуживаешь своих громких титулов.

– Хорошо. Думаю, годик-другой мои подданные и без меня обойдутся. Что мне надо делать?

– Делать... Какую бы должность тебе дать...

Человечек в черно-белом вскочил на поручень трона и зашептал в ухо Бриллиантовому Императору. Тот кивнул и провозгласил:

– Да будет услышано небом и землей, что Монго получает чин младшего конюшего в свитских конюшнях моей дочери. Я, Космодан, сказал свое слово.

По телу Монго прокатилась дрожь. Оглядев себя со всех сторон, он увидел, что на нем появился драгоценный желтый халат, а на голове – смешная шапочка с помпоном. Выглядел он в этих одеждах забавно, и Монго весело хихикнул.

Но сама должность его не порадовала. Он, царь Симардара, великий мудрец, познавший Пустоту – и вдруг какой-то конюх? Да еще и младший?

– Это недостойно меня! – заявил он Бриллиантовому Императору. – Дай чин повыше! Я способен на гораздо большее!

– Охотно верю, – кивнул Космодан, пряча в бороде улыбку. – Но тебе еще предстоит это доказать. Поднимаясь к моему трону, ты вначале наступаешь на самую нижнюю ступень, не так ли? Начни же и сейчас с малого. А когда мы все убедимся, что ты достоин, то и чин ты получишь повыше.

Монго задумался и кивнул. Это звучало справедливо. Конечно, он предпочел бы сразу получить в управление какую-нибудь из небесных палат, а заодно и собственный дворец, но... это все-таки не Симардар, ладно. Вокруг не глупые симы, а боги и небожители, среди них Монго не возвышается, как гора.

К тому же Симардар тоже был всего лишь захудалым княжеством, когда Монго его возглавил. Это он сам и превратил страну симов в великое царство, даже империю. Наглядно показал всем, чего стоит.

Покажет и здесь.

– Я принимаю твоё предложение, владыка, – стиснул правый кулак левой ладонью Монго. Конюшни, в которых предстояло теперь трудиться Монго, оказались... ну, конюшнями. Они размещались на огромном облаке, были сделаны из красного дерева, а сами кони оказались так прекрасны, что Монго зацокал языком от восхищения... но в остальном это были обычные конюшни.

Старший конюший, которому Монго дали в подмогу, тоже был арканом, воплощением заботы о лошадях. Как и Мехамаанон, был он невзрачен видом, одет в неряшливый халат и немного запачкан чем-то бурым, но никто лучше него не умел ходить за конями.

И Монго довольно быстро убедился, что Сальван – это не сплошь облака, пение и разлитое в воздухе счастье. Конюшни точно так же ели сено, их точно так же приходилось чистить, а старший конюший точно так же ворчал на Монго, как все эти старые оранги в детстве.

Грязи, конечно, было поменьше. Все-таки мир богов. Кругом благодать. Даже живые существа были ею пропитаны... но все-таки не состояли из нее.

Даже небожители сделаны из плоти... хотя не совсем из плоти. Монго видел незримое и видел, что их плоть – это не то же самое, что у симов, людей и других смертных. Даже святой Машибухер и дракон Луминекс были не таковы.

Прекрасно живется в Сальване, как оказалось. Еды сколько хочешь, всегда тепло, всегда светло... светло даже слишком бывает. Монго поначалу непросто приходилось засыпать – не привык он делать это днем, любил ласковое одеяло ночи, любил звездное небо. Но потом он догадался, что можно просто захотеть, сказать погромче – и станет темно.

А можно вообще не спать. Необязательным оказался сон в Сальване, даже если ты живой, а не дух. Но Монго такое не понравилось, как-то неудобно ему было.

И поначалу Монго был терпелив, поначалу жил себе и поживал спокойно. Чистил конюшни простой метелкой, чистил коней простой скребницей. Носил им воду и сено. Старался.

Но ему быстро надоело.

К тому же его дико злили валькирии-алайсиаги. Эти конюшни принадлежали Венате, богине луны, и коней отсюда часто брали ее служанки. Похожие на человеческих женщин, но повыше, покрепче, в серебристых доспехах и очень высокомерные. При виде Монго они перешептывались и посмеивались, а когда он попытался завязать с одной знакомство поближе, над ним долго глумились.

– Посмотри на себя, Мусорщик! – снисходительно сказала ему небесная дева. – Кто ты – и кто я!

– Я не Мусорщик! – гневно ответил ей Монго. – Я младший конюший!

– Это работа для Мусорщиков! Если ты ее выполняешь – ты Мусорщик!

Монго немного рассвирепел. Он уже знал, кто такие Мусорщики. Самые неказистые и незаметные обитатели Сальвана, чье дело – убирать грязь, следить за чистотой.

Они как сальванские хибении, только не родились такими, а стали ради искупления. Мусорщики – духи преступников, что раскаялись в своих преступлениях и получили местечко в Сальване... но самое грязное и темное местечко.

Не им жаловаться, впрочем, это и так больше, чем они заслуживают.

Но Монго-то не Мусорщик! Он вообще не дух! Провожая взглядом гордючку-алайсиагу, он расчесывал гриву очередному коню и все сильнее злился.

Какой-то глупостью он занимается. Какую-то глупость ему поручили. С этим справится самый тупой сим в Симардаре, а назначили его, Познавшего Пустоту.

Монго сунул руку в Хаос, достал банан и ожесточенно его слопал. Достал ведро воды – и наполнил коню поилку. Крутанул клюкой Цидзуя, обернул ее шваброй, взмахнул – и с нее полилась чистота. В мгновение ока все вокруг заблестело и засверкало.

Вот как легко это делается. А богам должно быть еще легче – на то они и боги. Наверняка могут просто повелеть – и конюшни никогда больше не испачкаются.

Или не могут? Может, у них тут какой-то свой, божественный мусор?

Ведь что такое пыль в доме? Это большей частью отмершие частицы кожи. Какие частицы кожи могут отмирать у богов и небожителей?

Может, вот эта светящаяся пыль – это что-то ценное?

Монго обмахнул метелкой кобылу самой Венаты и воззрился на будто искорки, мерцающие в совке. Что это – кожная пыль богини?..

– А-ха-ха, у меня кожная пыль богини! – захохотал сим, подпрыгивая с совком. – Хотя на кир она мне не нужна, выкину ее...

Да, рутинная работа все больше его раздражала.

Поразмыслив как следует, Монго решил, что боги наверняка могут устроить так, чтобы все происходило само собой, чудесным образом. Но чем тогда, спрашивается, будут заниматься все эти толпы их прихлебателей? Все эти светлые духи, которым положено вечное блаженство. Они же не могут просто целыми днями сидеть и мыслить о вечном, пуская слюну из уголка рта. У них должны быть какие-то занятия.

Хотя бы чистить коней скребницей.

А что если это касается не только светлых духов? Вот те же простые смертные. Монго прекрасно помнил, как в начале своего правления раздал приближенным горы золота – и как потом о том пожалел. Многим симаам не пошло на пользу внезапное богатство. Одни просто превратились в ленивых бездельников, другие утонули в излишествах и роскоши, третьим оказалось мало и они просили еще и еще...

Монго взобрался на крышу конюшни, уселся со скрещенными руками и стал разглядывать дворцы на облаках. Они все такие роскошные. В Сальване золото и самоцветы ничего не стоят. Богатство есть у всех... а значит, никакое это не богатство.

Монго почувствовал, что вот-вот ухватит важную мысль. Она маячила перед внутренним взором, дразнила, но ухватить ее никак не удавалось. Словно какой-то всполох на границе зрения – только скрестишь глаза, а его и нет.

Почти ухватил... но в последний момент отвлекся. Увидел вдали скачущих эйнхериев, этих воителей Сальвана. Они возвращались с очередной вольной охоты, лихой скачки по другим небесам. Под копытами коней вспухали облацы, они мчались по воздуху, как по земной тверди.

Процессия исчезла в Оргримусе, обители павших воинов. Эйнхерии жили по соседству с алайсиагами и частенько с оными пересекались... что иногда приводило к безобразным сварам. Насколько не любили друг друга бог Энзирис и богиня Вената, настолько же не любили друг друга и их свитские.

И эти моменты Монго несказанно радовали. Он всегда садился где-нибудь на крыше и начинал осыпать всех насмешками, подзуживать и хохотать. За это ему иногда доставалось от обеих сторон, но Монго только пуше веселился.

Всерьез его не обижали, конечно. Попробовали бы они!.. А вот друг друга рубили в полную силу, но боли светлые духи не чувствовали, а все раны исчезали уже через сутки.

Но сегодня, кажется, они драться не будут. А всю работу Монго уже закончил. Немного подумав, он сотворил облаце и полетел гулять.

Гулять без облаца в Сальване невозможно. Здесь нет тверди, только бескрайние просторы чистого воздуха. Если не считать золотой стержень Облачной Вершины, да еще Блаженный Океан, который делит его на две половины, да еще остров Грухтаген в самом центре, здесь только облацы, мириады облац.

Ну и еще Ириапонт, двойной радужный обруч, знаменующий границы Сальвана. За ним уже нет ничего и никого, а только бесконечная светящаяся пустота.

Но туда Монго и не собирался. Он в основном носился близ Облачной Вершины, где вся суматоха. Глядел, как живут светлые духи, всем интересовался, совал нос.

Побывал в Зале Пиршеств, где без усталости трудились гастроны – эти веселые румяные толстяки, что служат Люгербецу. Погулял по Дому Красоты, таращась на картины и слушая пение муз. Посетил Сады Блаженных, досажая абхинам, духам великих праведников и подвижников.

А потом он вернулся в конюшни и увидел, что работы столько же, сколько и было. Снова подметать пол, снова чистить стойла и денники, снова таскать воду и сено, снова расчесывать гривы и хвосты.

Монго уселся, скрестив нижние руки, и снова начал размышлять, зачем его поставили на такую должность. Просто занять работой? Нет, не может быть. Приучить к смирению? Но он и так образец смирения. Самое смиренное существо на свете, лучший из лучших в этом, как и во всем остальном.

Значит, это какое-то испытание. Он должен что-то тут понять. Возможно, что-то изменить к лучшему.

Монго задумчиво прошелся вдоль стойл. Кони выглядели какими-то грустными. Стоят день-деньской, ждут, пока за ними явятся алайсиаги. Никто их даже не выгуливает...

– А их точно не надо выгуливать?! – крикнул Монго старшему конюшему.

– Не надо, – отмахнулся тот, засыпая в кормушки толченые пилюли бессмертия.

– Выгуляю, – решил Монго.

Ничего плохого не случится. Лошади рождены, чтобы бегать на свободе. Есть не сено, а сочную луговую траву. Пить струящуюся воду из родников.

Гривы не нужно расчесывать. В них должен играть ветер.

Монго сделал это в один миг. Пробежался вдоль стойл – и все открыл. Громко хлопнул в ладоши – и кони ринулись к выходу, едва не сбив старшего конюшего.

О, вот теперь Монго стало весело! Небесные кони стали носиться, как безумные, истошно ржать, сбивать колонны и статуи, которых зачем-то было полно вокруг конюшен. Монго прыгал среди этого хаоса, смеялся, хлопал обрадованных коней по крупам.

– Стойте!.. – вопил старший конюший. – Куда?!

Конюшни располагались на огромном облаке, но многие кони уже с него спрыгнули и бежали прямо по воздуху. Под их копытами тоже вспухали крохотные облачки, они мчались куда глаза глядят.

– Лови их, лови, дуралей! – закричал на Монго старший конюший.

– Э, не кричи на меня, конюх, – шелкнул его по носу сим. – Я тут временно работаю, а вообще-то я великий мудрец. Эта работа меня недостойна, теперь я понял.

– Это стихийные кони, дуралей! – в отчаянии сказал старший конюший. – Дикие анир-нисиаки! Если они не в стойле и не под седлом – они грозы и ураганы!

Монго почесал переносицу, в задумчивости глядя на лошадей. Да, те постепенно переставали быть конями. Их гривы и хвосты раздувались облаками, с ног срывались потоки ветра, а ржание стало воистину громовым.

– Что ж, и грозы иногда должны погулять, – сказал сим. – Вам здесь не хватает гроз, знаете ли.

Один конь едва не сбил случайного небожителя. Тот слетел со своего облака и унесся вниз. Другая лошадь ворвалась в большое облако и разметала его вместе со стоящей там беседкой. Обломки тоже полетели вниз, к прохладе Блаженного Океана.

– Возможно, у меня проблема, – задумался Монго, глядя на разрастающийся хаос. – Могу ли я с ней справиться? Наверное, уже нет. Могу ли я оседлать волну? Пожалуй, да.

И он запрыгнул на одного из замешкавшихся коней. Самого крупного и грозного. Тот заржал, встал на дыбы, но Монго ударил его нижними руками по бокам и одновременно показал морковку.

– Посмотри, – сказал он. – Это Морковь Хаоса. Она может быть морковкой – а может быть чудовищем. Прямо как ты можешь быть конем, а можешь – грозой. И лучше бы тебе быть конем.

Конь робко взял морковь мягкими губами.

Ураганная волна катилась по Сальвану, разнося все на своем пути. Облацы разлетались в ключья, божественные дворцы разваливались... все здесь оказалось каким-то хрупким. Небожители, правда, тут же все восстанавливали, создавали заново – но вслед Монго неслись гневные крики.

Пару раз ему уже бросались наперерез. Но могучий конь просто сбивал их грудью, отшвыривал прочь. Наверняка с удовольствием бы топтал копытами, да как тут потопчешь, если под ногами не твердь, а бездонный воздух?

Они все неслись к огромному серебряному дворцу, одному из крупнейших и самых величественных чертогов Сальвана. И когда Монго уже гикал, предвкушая, как его безумный грозовой табун разметет эту громадину... перед ним явилась прекрасная русоволосая дева в охотничьем костюме.

– СТОЙ! – громогласно крикнула она.

И кони замерли.

Их гривы и хвосты утрачивали облачность, они снова становились просто конями. Богиня Вената гневно взглянула на хохочущего Монго и спросила:

– Кто выпустил моих коней?!

– Это было необходимо, – весело сказал ей Монго. – Они очень хотели какать.

– Это сальванские кони! Они не какают!

– Тогда у меня нет объяснений их тупому поведению.

К ним подоспели несколько алайсиаг, старший конюший, еще какие-то небожители. Все они наперебой принялись жаловаться богине на гадкого конюха-обезьяну, который шалости ради устроил погром.

Действительно, отсюда и до самых конюшен Сальван утратил свою дивную гармонию. На целые сотни вспашек облацы потрепались, исковеркались. Слово деревня, по которой пробежался гигантский бегемот... или несметное множество обезьян.

Монго невольно хихикнул.

– Ты еще и смеешься, дерзкий?! – насупила брови Вената.

– О несравненная, я ему говорил, я его предупреждал!.. – сразу стал ябедничать старший конюший.

– Артемида, не спускай ему такого! – крикнула одна из алайсиаг. – Нарезь ремней из его спины!

Ремней из спины Монго не нарезали. Честно говоря, он уже понадеялся, что будет хорошая драка, и приготовился всыпать как следует зазнавшимся небожителям... но этого не случилось. Вената лишь посмотрела на него и молвила:

– Мой отец бы сказал, что мне не на что гневаться. Всякое существо следует своей природе. Коню свойственно бегать и скакать, а обезьяне – веселиться и задирать других. Но моим конюшим ты больше не будешь, Монго.

Так царь Симардара снова оказался у подножия трона Космодана. Бриллиантовый Император тяжело вздохнул, глядя на него.

– Ты дал мне слишком мелкую должность! – обвинил его Монго. – Она меня недостойна, ты хотел надо мной посмеяться!

– Я поставил тебя работать с лучшими из тварных созданий – лошадьми, – устало сказал Космодан. – Но если ты считаешь, что достоин большего – изволь, я дам тебе чин повыше. Да будет услышано небом и землей, что Монго получает чин Почетного Стража Чудо-Сада.

Это прозвучало очень красиво. Достойно великого мудреца. Монго остался доволен – и был доволен, пока не узнал, каковы его новые обязанности.

Никаких. Он должен был просто находиться в саду и следить, чтобы никто не крал плодов. Но их и так никто не крал. В Сальване не было возмутителей спокойствия, кроме самого Монго.

Так что Монго стал лопать плоды сам. Он же Почетный Страж – так что ему можно.

Чудо-Сад оказался одной из главных диковин Сальвана и одним из главных его сокровищ. Тут росли самые удивительные фрукты, какие только можно вообразить. Все обладали каким-то волшебством, все чем-то одаряли.

Тут была яблоня великого знания. Была вишня истинной любви. Груша вечного здоровья. Гранат плодородия. Виноград счастья. Физалис гармонии. Кедр силы. Каждый бог посадил в Чудо-Саду по одному дереву, так что всего их было двадцать пять... нет, вообще-то, больше. Наверное, некоторые сажали по два.

– О, фундук удачи, – сорвал орешек Монго. – Хе, прелый. Неудачно!

Он выкинул орех сквозь облаце и подлетел к самому большому, развесистому и важному дереву.

Персик бессмертия. Дерево, что посадил сам Космодан, Бриллиантовый Император. Монго уже был бессмертен, но все равно с удовольствием слопал несколько плодов.

Бессмертия много не бывает.

Кто-то внизу вскрикнул. Монго посмотрел вниз и увидел трех зеленоликих ор, поливающих корни.

– Обезьяна!.. – вскрикнула одна. – Обезьяна... крадет персики!..

– Э, глупые девки! – слетел вниз Монго. – Вас что, не предупредили?! Я Почетный Страж Чудо-Сада!

Оры переглянулись и с сомнением оглядели Монго. Он был уже в новом одеянии, знаменующем его новый чин и должность, но им все равно не верилось.

– Отчего же Почетный Страж ест священные плоды? – спросила одна из небожительниц.

– Разве ты не должен охранять вверенное тебе? – спросила другая.

– Вам что, персиков жалко? – фыркнул Монго. – Я съел всего пять.

– Каждый из них созревает сто лет! – укорили его оры. – Это великое сокровище, их нельзя рвать просто так!

– Почему?

– Это запрещено!

Монго только отмахнулся. Э, небожители. Демоны, как он слышал, подчиняются только тем правилам, которым не могут не подчиняться. Только страх перед наказанием заставляет их покориться.

Небожители же, напротив, слушаются даже тогда, когда никакого наказания не будет. Даже когда правила глупы и бессмысленны. Окружи небожителя табличками с запретом идти – и он умрет, стоя на одном месте.

Нелепые, ограниченные существа.

– Янгфанхофен, а это точно Монго так думал? – спросил Бельзедор. – Что-то я сомневаюсь, что он вдруг подумал о демонах. Он же с ними и не встречался никогда.

– Но... он же о них слышал... ну... просто пей свой кофе и слушай байку.

– Для кого вы вообще их бережете? – спросил Монго ор.

– Их можно есть только богам и тем, кого они одаряют, – строго сказала небесная дева.
– Иногда боги посылают их смертным в знак милости, – добавила другая. – Подменяют обычный фрукт божественным.

– И что, если кому пошлют персик бессмертия, то он будет жить вечно? – усомнился Монго. – Что-то я не слышал о таких везучих!

– Персики бессмертия посылают только по особенным случаям! Очень редко!

– И ты только что лишил бессмертия целых пятерых!

– А вы что, пришли их собирать, чтобы смертных одарить? – посмотрел на корзину ор

Монго.

– Не... нет, – чуть смутилась одна из них. – Это для божественного пира.

– Пира?... – заинтересовался Монго. – Надо же. А меня, конечно, не пригласили. И когда будет этот пир?

– Сегодня, в Диамполиде!

– У самого Отца Богов!

– Ты украл персики бессмертия со стола самого Космодана, обезьяна!

– Мы доложим об этом!

– Докладывайте кому хотите, – отмахнулся Монго. – Только давайте я вам фокус покажу!

Оры переглянулись. Эти хранительницы природы были по-детски доверчивы, так что на Монго уставились с искренним любопытством.

– Смотрите, какой у меня маленький язык! – высунул язык Монго.

– Э-э... видим...

– А смотрите, какое тут огромное персиковое дерево!

– И это тоже видим...

– А теперь внимание, повторить не удастся!

Монго высунул язык подальше, прищурил один глаз и скосил изо всех сил второй. Теперь язык аккуратно заслонял дерево. Все персики были им прикрыты, все персики как будто его касались...

– Оп!.. – сказал Монго... и слизнул все персики разом.

Небесные девы обмерли. Обомлели.

А потом с визгом бросились на Монго.

Оры обернулись фуриями. Добрые и милосердные, разливающие повсюду животворящую силу, они истошно закричали, выпустили черные когти... сам гнев матери-природы воплотился в прелестных созданиях.

Но их встретил свистящий круг. Монго завертел шестом с такой скоростью, что поднялся ветер. Ударил одну ору... вторую... клюка Цидзуя повергала наземь с одного касания. Три секунды – и все три девы лежат без чувств.

– Ага, – задумчиво сказал Монго. – Вот теперь у меня точно проблемы.

Он почесал переносицу, ухмыльнулся и спросил сам себя:

– Проблемы?... Или приключения?... И то, и другое начинается на «пр». Проблемы... приключения... и проказы! Все это начинается на «пр»!

– Преступник тоже начинается на «пр», – сказал кто-то сзади.

Монго резко развернулся, направляя шест. Но там никого не оказалось. Только деревья шелестели листвой, да ветер завывал в кронах.

Интересно, кто это был. Какой-то дух подглядывал? Или собственный Монго голос совести?

Хотя чего ему совеститься, он ничего плохого не сделал. С богов не убудет, вырастят себе еще персиков. А эти он раздаст своим симаам.

Монго бы охотно обчистил весь сад, но он сам неосторожно сказал, что повторить этот фокус не удастся. К тому же когда оры проснутся, поднимется большой скандал...

Чтобы они не проснулись подольше, Монго превратил их самих в персики. Это было нетрудно – они же оры, духи природы. Они и так почти деревья, так что с персиками у них много общего. Пусть повисят на ветках, пока не вспомнят, что на самом деле они небожительницы.

После этого он все же насобирал плодов и с других деревьев. Часть съел сразу, часть спрятал за щеками, как персики. Весело хихикнул, представив, как вытянутся рожи богов, когда они увидят свой Чудо-Сад.

В принципе, можно и уйти из Сальвана. Что ему тут делать, особенно теперь?

Но Монго показалось мало. Его каверзу пока не обнаружили. Боги думают, что он сидит тут, как дурак, стережет глупые деревья. И перед уходом можно устроить еще какую-нибудь шалость.

Например... его взгляд остановился на миндальном дереве. Эти чудесные орехи ему пригодятся.

Когда в Диамполид вошел Почетный Страж Чудо-Сада, его не остановили и не задержали. Свейнары-привратники склонились при виде его великолепного халата и шапочки с пурпурным узлом. Монго шагал так уверенно, что ни у кого не возникло сомнений – он один из приглашенных, он явился на пир по зову владыки богов.

Вот Космодан при виде него чуть приподнял бровь. Но Монго был обходителен, Монго был деликатен. Монго очень искусно сделал вид, что явился по совершенно другому делу и ужасно удивлен, что Бриллиантовый Император как раз устраивает пир... ах, но он же не приглашен, как неловко...

– Я немедленно уйду! – раскланялся Монго, пятясь к выходу. – Пусть владыка не беспокоится, я вернусь завтра, ибо дело мое воистину ничтожно! Пируйте, пируйте, владыки, не позволяйте жалкой обезьяне вам мешать!

– Пусть останется, – промолвила сидящая обок супруга Солара. – Садись на свободное место, сим.

– Нет-нет, ни в коем случае! – воспротивился Монго. – Я всего лишь смертный, владыки, где уж мне! Но позвольте, раз уж я здесь, послужить одним из виночерпиев! Я с радостью!

По кивку Космодана Монго присоединился к многочисленным гастронам и стал обновить всех божественной сомой и нектаром. Делал он это удивительно изящно, да еще и остроумно со всеми перешучивался. Очень скоро каждому захотелось, чтобы именно этот забавный сим наполнил его чарку.

Здесь, на таких пирах, боги были словно обычные смертные. Окунались в простое веселье, ели и пили, смеялись и радовались. На время забывали, что они боги, оставляли свои космические заботы и отдавались беспечным развлечениям.

И да, вино лилось рекой. Расторопный виночерпий пришелся по душе богам и светлым духам. И он так искусно жонглировал кувшинами и чашками, что никто не замечал, как он подливает в сому и нектар миндальное молоко.

Миндаль блаженства посадил сам Якулянг. Растущие на нем орехи избавляли от забот и тревог, даровали чудесное спокойствие, а молоко из них нагоняло блаженную дремоту.

Даже на небожителей. Даже на богов. Боги сами и сотворили эти волшебные плоды. В них была божественная сила – и сейчас эта сила против них же и обратилась.

– Посмотри, посмотри, с какой довольной рожей Янгфанхофен рассказывает эту часть, – шепнул Бельзедор. – Еще и кукольный театр опять устроил.

– Ага, – кивнул Дегатти. – Прямо гравюра: «Ехидный бес поносит сальванских посланцев».

Боги уснули, склонив лица на стол. Задремали и светлые духи. Сладко спали святые абхины и небесные мудрецы, храпели милосердные панакеи и суровые воздатели.

Прислонились к стенам и виночерпии-гастроны. Монго любезно подливал и им. Свернулись клубочками прекрасные музы, что услаждали слух небожителей пением. Задремали могучие стражи-эйнхерии.

Они уснули не все одновременно. Но происходило это так постепенно и незаметно, что никто ничего не подозревал. Всем казалось, что вино просто крепче обычного... вон, сосед уже дремлет, да и меня что-то клонит в сон...

Никто ничего не подозревал. Чего бояться, когда вокруг светлые духи и святые мудрецы? Когда во главе стола сидят сами Космодан и Солара, божественная чета? Когда ты в Диамполиде, дворце владыки Сальвана?

Здесь никто не ожидал никакого подвоха.

Наивные, глупые небожители. Дождавшись, когда все эти простофили уснут, Монго вскочил на стол и расхохотался. Пришло время и ему выпить – и уж он выпил! Выхлестал сразу бурдюк вина и заплясал среди дрыхнувших богов!

– Я царь обезьян! – воскликнул опьяневший Монго. – Я Хаос, открывающий глаза, когда боги их закрывают! Я мудрее всех вас, и теперь вы это поймете! Теперь я танцую у вас на столе, а вы не можете мне препятствовать!

Он потер у себя под носом, фыркнул и для начала собрал в рукав остатки вин и яств. Пусть угостятся простые симы. Затем собрал волшебное оружие у небесной стражи.

На пиру присутствовали не все боги Сальвана. Только тринадцать из двадцати пяти. Но этих Монго быстренько обежал и стащил у них божественные атрибуты.

У него давно чесались руки их прихватить. У каждого бога есть особое, уникальное сокровище, а у некоторых и два. Могущество в них огромно, и просто владея хотя бы одним – сам будешь немножко как бог.

Он забрал связку ключей Алемира и флейту Канториллы. Утащил кубок Люгербеца и покрывало Лилейны. Прикарманил молот Гушима, лук Венаты и серп Гильфаллерии. Снял плащ с Фуракла и сандалии с Вентуария. Забрал мешок Юмплы, да тут же в него и сложил все остальное.

Под конец он аккуратно снял перстень с пальца Космодана и попытался вытащить из пальцев скипетр, но в него бог вцепился особенно крепко.

Жаль-жаль. Монго слышал многое об этом скипетре, что способен дать или отнять волшебную силу. Но потянуть сильнее – разбудить Бриллиантового Императора. Даже Монго не был настолько безрассуден.

Не тронул он и доспехи Солары. Только срезал локон ее золотых волос.

Сзади. Чтобы попозже заметила.

– Ну что ж, я погулял, я поел, я попил, я набрал гостинцев – пора и честь знать! – приложил пальцы к виску Монго. – Не поминайте лихом!

Он всунул ноги в сандалии Вентуария – и мгновенно оказался на другом конце Сальвана. Накинул тут же на себя плащ Фуракла – и стал невидимкой даже для богов.

Монго не увидел, как за столом поднимает голову абсолютно трезвый Йокрид. Как обводит он взглядом спящих – и начинает дико хохотать.

– Пройдоха... и простофили, – сквозь смех пробормотал бог смеха. – Начинаются на «пр»...

Монго хотел сразу же убраться из Сальвана. Но он не сразу освоился с божественными сандалиями и угодил вначале в другое место. На самую макушку Облачной Вершины, в холодно-мрачный Храм Всех Богов. Было здесь пустовато и темновато, поскольку владыка этого места погиб тысячи лет назад.

Шест в руке Монго встрепенулся, оказавшись здесь. Дернулся. Как будто потащил за собой нового хозяина.

И Монго не стал ему препятствовать.

Иногда даже удивляло, насколько бывают доверчивы и простодушны светлые создания. Они слишком привыкли, что вокруг не происходит ничего плохого, что никто не совершает зла, не затевает преступлений. Стража стояла лишь почетная, двери не запирались... да их и не было толком нигде, дверей.

Но и ничего ценного не было. На высоких ступенях стоял алтарь, а на нем – старый халат. Монго, уже привыкший, что в мире богов все волшебное и удивительное, встряхнул его, присмотрелся... нет, просто старый халат.

Хотя очень подходящий к его шесту. Тот из бамбука, кажется, хотя и звенит металлом, покрыт алым лаком, а на концах – позолочен. И халат алый, расшитый золотом.

Прямо как из одного комплекта.

А поскольку костюм Почетного Стража Чудо-Сада вызывал у Монго отвращение, он тут же его сбросил и облачился в этот старый халат. Затянул поясом на талии, поправил рукава.

Идеально сидит и приятен телу. Будто всю жизнь его носил.

Но что же тут так темно?! Монго запрыгал в огромном зале, замахал шестом – и повсюду стали возжигаться огни. Само собой вспыхнуло масло в светильниках. Монго взлетел по ступеням, плюхнулся на огромный каменный... нет, не трон. Просто сидушку на возвышении. Потертую, отполированную до блеска чьей-то задницей.

– Кхек! – довольно воскликнул Монго.

Но он сидел и радовался недолго. Да, он усыпил богов, но боги есть боги. Они скоро проснутся.

И они будут очень злы на Монго.

Он покинул Сальван прямо здесь. Теперь он знал, как открыть сюда дверь – и открыл ее. Пролетел сквозь густые туманы и вернулся в мир смертных – не такой душистый и блестящий, но несказанно родной.

И внизу был сразу Симардар. Стоя на облаце, размахивая бездонным мешком Юмплы, Монго спустился к своему дворцу, спустился к радостно сбегающим симам.

– Дети мои, я вернулся! – провозгласил он. – Боги объявили меня великим мудрецом, равным небу, и велели передать вам всем хорошие гостинцы! Лопайте, наслаждайтесь!

Монго принялся разбрасывать персики бессмертия и другие фрукты из Чудо-Сада. Первыми угостил своих жен, затем приближенных. Отведали персиков раджи-корилланги и мудрецы-оранги, попробовали даже некоторые чимпы и хибении.

Среди подданных Монго появились бессмертные!

Ну а потом уж он накрыл великолепный пир прямо на главной площади. Окруженная тенистыми деревьями, она немало повидала пиров, что устраивал царь Монго, но сегодняшний затмил их всех. Симы вкушали сальванские яства, пили сальванские вина и радовались удивительным подаркам.

Своей страже Монго раздал оружие небесных воинов. У них уже были зачарованные клинки из сокровищниц Старой Империи, но сальванские их превзошли. Чувствуя себя настоящим царем воров, Монго приплясывал и хохотал, раскручивая свой великолепный шест.

Во главе стола утвердился кубок Люгербеца. Божественный атрибут, дающий бесконечное угощение. Пока он был в центре, стол не успевал пустеть. Симы сбегались отовсюду, их становилось все больше, славящих своего царя, но яств и вин не уменьшалось.

– Дарю его вам всем! – широкими жестами показал Монго. – Пусть всегда все симы будут сыты!

– Но владыка, мы же не сможем разделить его на всех, – сказал министр податей.

– Не сможем?... Сможем!..

Монго вперился в кубок взглядом. Это божественный атрибут. Он не вещь, не тварный предмет. Он как те сальванские арканы – воплощение идеи, только не живое.

И ему не обязательно быть кубком.

Вот так и исчез один из божественных атрибутов. По воле Монго он стал тем, кем должен – великим благословением. Божественным волеизъявлением того, чтобы жители Симардара всегда были сыты.

– Его не хватило на «всегда», – прокомментировал Бельзедор. – Около пятидесяти лет симы действительно жили в удивительном изобилии, и за это время невероятно расплодились. Но потом сила кубка иссякла, бананы перестали расти на каждой коряге, еды стало меньше – и обленившиеся симы начали голодать. Они не нашли иного выхода, кроме как напасть на остатки Парифатской империи. Им очень пригодилось все это волшебное оружие, когда они резали людей...

Но Монго так далеко не заглядывал. Ему не приходило в голову, что даже у самых великих благоденствий могут быть неоднозначные последствия. И прямо сейчас он продолжал великопир, не думая ни о чем плохом.

А в пиршественном зале Диамполида тем временем пробудились боги. И когда они узрели весь разгром, когда вбежали плачущие оры, когда обнаружилась пропажа драгоценных атрибутов...

– Эта обезьяна перешла всяческие границы! – прогремел Космодан. – Сын мой, ступай и внуши ему, как он был неправ!

Бог войны Энзирис на том пиру не присутствовал. И сейчас он с легкой насмешкой смотрел на ворочающихся, еще не отошедших от миндального молока богов.

– Я!.. – вскинулась Вената, пытаясь нашарить свой лук. – Позволь мне, отец!..

У нее дрожала рука. Миндаль Якулянга все еще действовал на нее... на них всех.

– Мы были слишком беспечны, – произнес Космодан. – У этого сима не было злых намерений, и он всего лишь смертный... он добрался сюда сам, и я хотел дать ему шанс... увы, теперь придется его покарать.

Энзирис кивнул и перенесся в Сидерополид, свой дворец из чистого железа. Там он хлопнул в ладоши, созывая четырех генералов.

– Генералы, нам надо выдвинуться в поход и покарать маленькую шkodливую обезьянку! – нафосно воскликнул Бельзедор.

– Собирайте легионы, – приказал Энзирис. – Я не стану сам марать руки о какую-то обезьяну. Меня просто засмеют. Но пусть небеса явят им свою мощь, дабы крепко усвоили, что бывает с теми, кто предает доверие богов.

Безудержный пир Монго длился уже третий день, когда небо потемнело. Со всех сторон наплыли черные тучи – и из них выступили вооруженные до зубов небожители. Заиграла сальванская музыка, загремели боевые барабаны, и в души невольно поползла тревога.

– А, ну вот все и закончилось, – почесал в затылке Монго. – Готовьте оружие, дети мои.

Он собирался сбежать куда-нибудь подальше, чтобы гнев богов пал на него одного. Но не успел, слишком увлекся празднеством.

Монго любил веселиться, бесконечно любил.

– Господин, но вы же говорили, что они сами вам все подарили, – растерянно показал один из самых старых орангов.

– Э, подарили, украл... такая ли уж большая разница?

– Гнев богов!.. Гнев богов!.. – затряслись в ужасе оранги.

Но молодые корилланги, чимпы и даже хибении скорее даже обрадовались. Они были пьяны, они были восхищены своим царем, у них было божественное оружие – и им не терпелось его опробовать.

– Веди нас, о Монго! – показал молодой раджа Банго. – С тобой я пойду даже против богов!

– Давайте сбросим их с небес и сами станем богами! – присоединился раджа Унго.

– Молодцы, дети мои! – рассмеялся Монго. – Так и нужно!

В знак своего благоволения он тут же подарил радже Унго молот Гушима, а радже Банго – лук Венаты. А серп Гильфаллерии отдал мудрейшему из орангов.

Любимым же своим женам он даровал покрывало Лилейны. Разорвал его на четыре, дабы ни одна не была обделена.

– НЕМЕДЛЯ ВЕРНИ ПОХИЩЕННОЕ, ОБЕЗЬЯНА! – прогремело из-за туч. – ТЫ ПРЕДСТАНЕШЬ ПЕРЕД НЕБЕСНЫМ СУДОМ!

– Да слопали мы похищенное! – засмеялись пьяные симы. – Мы думали, вы с добавкой!

Смертным вообще свойственно стремительно наглеть. А симы – одни из самых наглых и дерзких среди них. Кастовость общества стала для них настоящим благом – без этого они бы совсем утратили границы и передрались в первую очередь друг с другом.

В воздух стали подниматься облацы. Монго быстро-быстро щелкал пальцами, и под могучими кориллангами возникали белые комья. Те восторженно угукали, сжимая клинки небесных стражей и зачарованное оружие Старой Империи.

Энзирис чуточку даже оторопел. Обычно когда Сальван демонстрировал свой гнев, смертные падали ниц и молили о милости. Впервые на его памяти какие-то... обезьяны не только не испугались, но и показывают клыки.

– Ура-а-а, война с богами! – заорал и показал жестах какой-то корилланг. – Вот ради чего я жил!

Энзирису это понравилось. Небесные генералы ждали его повелений, и он чуть опустил ладонь. Показал, чтобы не слишком усердствовали. В конце концов, это не демоны и не титаны, а просто слишком дерзкие смертные. И по-настоящему виновен среди них только один.

К тому же в мирах смертных боги и так всегда ограничивают свое могущество, скручивают его на самый минимум. Когда они раскрываются полностью, то несут слишком большие разрушения, губят вокруг себя все живое и сущее – а этого боги не любят.

Даже Энзирис, бог войны.

Четыре небесных генерала строили войска. Великие эйнхерии, при жизни бывшие великими полководцами. Превосходный во всех отношениях Гван Сидзо, царственный военачальник Ирмиретто, полный достоинств Арганд и ужасный в битве Каху Цитраель.

В небе образовались четыре квадрата. Конные и пешие, эйнхерии вздули солнечные щиты, встречая визжащую ораву симов.

Те нападали бессистемно, плохо стоя даже на облацах, пьяные от выпитого вина. Неслись вперед и вверх, размахивая чудесными мечами, копьями, алебардами. Врезались в солнечные лучи, завязали в них, точно мухи в меду – но продолжали рваться в бой.

Энзирис вскинул руку. И четыре квадрата перешли в наступление.

Эйнхерии Ирмиретто ударили первыми. В руках у них были не мечи, не копья – но бичи. Бесконечно длинные кнуты хлестнули по роящимся в небе симаам. И каждый, кого задевало хотя бы кончиком, мгновенно... молодец. Сокращался в размерах, обращался совсем юным симом... даже не подростком, а ребенком. Рев могучих кориллангов стал писклявым, тоненьким.

Следом вступили эйнхерии Арганда. Закрутили свои сабли с такой скоростью, что подняли страшный ветер. Ураганые вихри понесли облацы прочь, заставили симов падать, терять равновесие. Их губы вывернуло, глаза заслезилась от хлынувшего в лицо воздуха.

Добавили кавардака эйнхерии Каху Цитраеля. Они забили в тимпаны – и с них полился неудержимый ужас. Пьяный кураж схлынул, симы заверещали в страхе, заметались. Многие бросились прочь, другие отшвырнули оружие.

Ну а последними удар нанесли эйнхерии Гвана Сидзо. Их боевые трубки выпустили белый пар – и всякий, кто вдыхал его, погружался в сон. Они окурили все вокруг – и когда закончили, то все шальное, безумное войско Монго лежало без движения.

Ветер нес облацы вниз, к земле...

Лишь два корилланга остались в строю. Унго и Банго, два могучих раджи. Те самые, что получили молот Гушима и лук Венаты.

– Это нечестно! – дико заверещал царь Симардара. Он, разумеется, тоже остался невредим.

– Нечестно?! – прогремел сверху Энзирис. – Возрадуйся, что мне запретили убивать кого-либо, кроме тебя, обезьяна! Твои подданные не разделят кару, что мы наложим на тебя! Когда они проснутся, само твое существование покажется им сном! Как будто тебя никогда и не было!

– А вот это мы сейчас посмотрим! – ринулся вверх Монго.

Дорогу ему заступили четыре небесных генерала. Величайшие эйнхерии Сальвана – с бичом, саблей, тимпаном и трубкой. Сразу с четырех сторон они напали на Монго – и отшатнулись от его духовной силы. В гневе Монго выпустил ее аж столбом, а его шест засветился алым.

Энзирис нахмурился. Он знал, что Монго не простой смертный, что он познал Пустоту и вкусил персиков бессмертия, что он владеет клюкой Цидзуя и похитил несколько божественных атрибутов... но сейчас он увидел в нем что-то еще большее.

Арганд дотянулся до Монго своей саблей. Ударил так, что снес бы башку даже высшему демону. Но вокруг сима лишь вспыхнул оранжевый свет... а в Арганда врезался страшной тяжести шест.

Словно целой горой ударил генерала Монго. Небесный полководец вылетел из седла и изломался, скорчился, исчезая в рассеянном свете. Его дух утратил плоть и много лун теперь будет обретать ее снова.

Три остальных генерала недоверчиво переглянулись – и бросились с удвоенным пылом. Ринулись на Монго и простые эйнхерии – только чтобы разлететься сухими листьями.

Могучий сим плясал и скакал даже не на облаце – просто в воздухе. Сандалии Вентуария переносили его с места на место, плащ Фуракла заставлял всех промахиваться, а загадочный оранжевый свет делал неуязвимым.

И бок о бок с ним дрались Унго с Банго. Метал страшный молот Унго, стрелял из лука Банго. Они прикрывали своего царя от простых эйнхериев – и те не могли совладать с этими простыми симами. Оба вкусили кедровых орехов силы, оба владели божественными атрибутами. После самого Монго эти черношерстные гиганты были лучшими из воинов Симардара.

Вот повержен Гван Сидзо. Ему в грудь вонзилась золотая стрела – и падает генерал, летит к земле, рассыпаясь искрами.

Вот и Ирмиретто отступил, подбитый молотом Гушима. Удар так силен, что раздробил небожителю плечо, заставил покинуть поле боя.

Остался один Каху Цитраель – самый упорный и непреклонный, вышедший даже из Шиасса, устранив бога смерти. Его лик исказился в ярости, во лбу раскрылся третий глаз, а вместо тимпана он размахнулся мечом такого размера, что мог нанизать дракона!..

...И ему по лбу ударил шест Монго. Тоже будто целую гору обрушили.

И ладно бы только гору. Светлые духи неподвластны обычной материи, обычным ударам. Но шест Монго был заряжен духовной силой – и заряжен так, что невозможно представить.

– Все удалитесь! – велел Энзирис, вынимая меч. – Мой черед!

Монго насмешливо оскалился. Бог войны, вот оно как. Что ж, вряд ли он много сильнее своих генералов...

– Ухх-х!.. – выдохнул сим, едва успев отпрыгнуть.

Меч Энзириса распорол небеса. Полыхнул чистым разрушением – и Монго лишь на волосок с ним разминутся.

Великий мудрец вдруг понял, что если это лезвие его достанет – не помогут никакие персики бессмертия. Смерть блистала в руке Энзириса – и сам Энзирис был смертью.

Но следующий удар Монго успел принять на шест. Столкнулись два атрибута, два божественных оружия – и все утонуло в белой вспышке.

– Мой царь!.. – донесся крик Унго.

Бесстрашного раджу сразили. Персик бессмертия сделал его бессмертным – но эйнхерии тоже были бессмертны. Кедр силы сделал его могучим – но эйнхерии тоже были могучи.

А молот Гушима, конечно, многожды превосходил оружие простых небесных воинов, зато их были сотни, а Унго – всего один.

А сразу после него погиб и бесстрашный Банго. Запела тетива лука Венаты – злорадно запела, с издевкой. Похищенное оружие не желало служить ни вору, ни тому, кому тот его вручил. Божественный атрибут желал вернуться к хозяйке – и вот уже кто-то из эйнхериев почтительно его подхватил.

Увидев это, Монго гневно закричал. Немногим выше малюток-хибениев, он стал расти – и вырос таким, что закрыл ладонью все небесное войско. Колоссальный шест ударил по Энзирису – и даже бог войны с трудом отразил натиск.

– ТЫ ОТВЕТИШЬ ЗА УНГО И БАНГО! – прогремел Монго.

– Они сражались доблестно, – негромко сказал Энзирис. – Они войдут в Оргримус и станут эйнхериями.

– МЕЧТАЙ-МЕЧТАЙ!

– Глупая обезьяна! – нахмурился Энзирис, отбрасывая Монго волной божественного духа. – Что ты о себе возомнил?! Думаешь, вырос с гору – и победил бога?! Ха!..

Он указал перстом – и Монго резко сократился в размерах. Стал прежним. И едва успел оттолкнуть Энзириса шестом.

– Внешний облик не имеет значения, – процедил Энзирис, чиркая ладонью. – Я признаю твою силу. Но и ты узнай мою!

Монго будто иссекло лезвиями. Все тело покрылось ранами, халат пропитался кровью. Но Монго только шире улыбнулся.

– Чем сильнее ты меня ранишь, тем сильнее моя решимость! – воскликнул он. – Музыка! Дети мои, играйте музыку!

Те симы, что не уснули, с готовностью похватили тамтамы, флейты и скрипки. Надеюсь хоть чем-то помочь своему царю, они разом заиграли – и с земли тоже полилась музыка.

Ритмичная барабанная дробь. Тру-ту-ту! Тру-ту-ту!

Это понравилось не только Монго. Лик Энзириса тоже просветлел, он невольно притопнул ногой – и бросился на противника. Под аккомпанемент оркестра бог войны и царь обезьян закружились в небесах, закружились словно в боевом танце.

Сталкивались меч и шест, высекали искры. Клюка Цидзуба была вроде как бамбуковой, но звенеть умела точно металлическая, да и весом обладала немалым. Удары, что наносил Монго, могли дробить горы, могли крушить драконов – но Энзирис только посмеивался.

– Мне нравится твой стиль, – сказал он насмешливо. – Сдавайся, обезьяна. Верни, что украл, и я попрошу Космодана тебя пощадить.

– Ха, ты говоришь так только потому, что я сейчас надеру тебе зад! – фыркнул Монго, наседавая на Энзириса со всех сторон.

В буквальном смысле. Монго разбежался на пятерых обезьян, бил спереди, сзади, с боков!..

– Ну тогда и я не буду сдерживаться, – сказал Энзирис, расстегивая пояс.

Тот упал на землю. Рухнул, оставив настоящую яму. Несколько чимпов тут же подскочили, попытались спереть, но не смогли даже приподнять.

А аура бога войны захлестнула все от горизонта до горизонта. Словно алое зарево поднялось над Гасимдзе, столицей Симардара. Отовсюду донеслись крики, звон клинков, страшный грохот, рев боевых зверей, стоны умирающих и победные вопли.

И Энзирис, сама персонификация битвы, ударил Монго мечом.

– Ха!.. – фыркнул тот. – Что у тебя в руке – меч или банан?

Энзирис так опешил, что и впрямь на секунду скосил глаза. То был меч... то был меч, конечно... но на одну секунду он обернулся бананом!

Сомнение. На одну-единственную секунду Энзирис усомнился – и его божественная воля дала слабину. А Монго не сомневался, Монго был уверен, что если мечу суждено быть бананом – бананом он и станет.

Всего секунду это длилось, всего секунду меч бога войны был желтым и мягким. Но этой секунды хватило Монго, чтобы ударить Энзириса шестом в челюсть.

А меч-банан вылетел из его руки и был тут же раздавлен обезьяньей лапой.

Монго бы сожрал его, но он был только что с пира, он был сыт. И хорошо, что не сожрал, потому что воля Энзириса тут же преодолела его, меч снова стал мечом... но уже сломанным.

– Кх-а-ак?.. – выпучил глаза Энзирис. – Ты же не бог!..

– Знаешь, многие красотки говорили мне противоположное, – ухмыльнулся Монго, приставляя шест к лицу Энзириса. – Теперь уходи, не то поколочу тебя на глазах у всех!

Энзирис не боялся смерти. Не боялся боли. Но он очень боялся срама. И быть поколоченным обезьяной на глазах других обезьян... нет, ни за что.

Если об этом останутся саги... преданья... даже хотя бы сказки... Это может так подорвать образ, что его перестанут бояться.

А что это за бог войны, которого не боятся?

И Энзирис признал поражение. Запахнулся в черную тучу и ушел вместе со своими эйнхериями. Обломки клинка, лежавшие дотопе прямо на воздухе, посыпались вниз.

И надо было видеть, какой восторг начался там! Как пели, плясали и обнимались симы!

– Наш царь победил бога! – вопили они. – Славься, Монго, славься в веках!

– Не знаю, что смешнее, – сказал Дегатти, пока Янгфанхофен убирал барабанчик, на котором себе аккомпанировал. – То, что Энзирис однажды сражался с армией мартышек, или то, что они его победили.

– Пф, да Энзириса даже гоблины ногами запинают, – сказал Бельзедор. – Его только ленивый не побеждал. Я сам ему морду бил как-то раз.

– Ты?! Когда?! Зачем?!

– А так просто. Захотелось.

– Он врет? – спросил у Янгфанхофена Дегатти.

– Я, увы, не знаю всех деталей биографии Бельзедора, так что не могу ни подтвердить его слов, ни опровергнуть, – сказал гохеррим. – Но мне кажется, что врет, поскольку в биографии Энзириса такого не отмечено. Гаштардарон его побеждал, и Монго побеждал, эти случаи известны всем... и, в общем-то, только эти. Кажется, больше он в поединке никому не проигрывал.

После победы над Энзирисом Симардар еще три дня жил в спокойствии... хотя как в спокойствии? Там царило безудержное веселье. Вся империя гуляла беспробудно. Рассказы о том, как Монго устроил переполох в сальванских чертогах, а потом набил морду богу войны,

облетели всю страну, передавались из уст в уста, обрастая немислимыми подробностями... хотя куда уж немисливей, казалось бы?

Очень скоро история этого события выплеснулась из Симардара, стала известна и у людей. Пошла гулять по Шахалии, а затем и не только по ней... но это уже потом.

В Сальване же царили не столь праздничные настроения. Вернувшемуся Энзирису никто ничего не сказал, но и одних взглядов было достаточно.

Бог войны и сам прекрасно все понимал. Но он не переживал о поражении. Он бог войны, а не побед. Поражение – тоже часть войны, и это он тоже принимал с честью.

Но спустить такой плевок в лицо Сальван не собирался. Победил Монго или проиграл...

– За свои преступления он должен быть покаран! – провозгласил Космодан. – Я сам явлюсь на Парифат!

– Один?.. – заботливо спросил Йокрид. – Может, не стоит так рисковать? Давайте всем пантеоном пойдем. Подержим уж обезьянку, пока ты ее бить будешь. Только Энзириса дома оставим, а то я за него волнуюсь.

На злые насмешки бога-шута никто не отреагировал. Гушим сжимал свой молот, Вената – лук. Молчание затягивалось.

– Убьем его? – наконец предложил Часкет, бог-паук.

– Тогда он не усвоит никаких уроков, – отказал Космодан.

– Тогда что, в Хиард?

– Когда деревце начинает криво расти, к нему подвязывают палку, а не рубят или сажают в темную комнату, – сказал Елегиаст.

– Ты прав, – кивнул Космодан. – К тому же технически он все еще смертный.

– Он получил чересчур много могущества, – сказал Алемир. – Чересчур много для незрелого ума.

– И ты тоже прав, – кивнул Космодан. – Дадим ему... все обдумать.

Монго сидел на верхушке огромного дерева и разглядывал свой шест, когда позади разверзлись небеса. Сима будто обдало могучим ураганом – но это было просто присутствие того, кто редко спускался в мир смертных.

– Я ждал, – сказал Монго, не оборачиваясь. – Вы же не примете проигрыш с достоинством.

– Это не игра, – раздался тихий голос. – В жизни не бывает проигрышей или побед.

– Еще как бывают! – резко развернулся Монго. – В Сальване, возможно, и не бывает, но вот если спуститься сюда, к нам... можно и огрести!

Космодан чуть склонил голову. На пальце Монго блестел его, Космодана, перстень... теперь понятно, как он превратил меч Энзириса в банан.

– Где остальные атрибуты? – спросил бог. – Фрукты мы тебе простим, оружие можешь оставить... но атрибуты придется вернуть. Они не для смертных.

– Да сам не знаю, – пожал плечами Монго. – Я все раздал, себе оставил только красивое колечко. Покрывало порвал, кубок развеял. Пусть будет больше любви и сытости... еще где-нибудь, кроме Сальвана.

– Похоже на тебя, – сказал Космодан.

Вокруг был не Гасимдзе и вообще не обжитые земли. Монго праздновал с подданными еще три дня... но потом все-таки улетел подальше. Понял, что в покое его не оставят, и не захотел снова впутывать простых символов. Он отбыл далеко на запад, в самые дикие джунгли, в руины древнего города.

Туда, где когда-то собрал стаю диких обезьян. Туда, куда изгнали его в самый первый раз.

Туда, где началось его путешествие.

– Год назад ты заглянул ко мне в гости, как равный к равному, – сказал Космодан. – Ты просил дать тебе документ, где будет говориться, что мы признаем тебя равным небесам. Сегодня я принес тебе такой документ.

– Правда?! – изумился Монго.

– Правда. Мы официально признаем тебя равным богам, Монго. Но вместе с большим почетом всегда идет большая ответственность.

И Космодан ударил молнией.

Монго сражался с Энзирисом. Он думал, что уже знает, каковы боги в битве. Не так уж и впечатляет, думал Монго.

Но сейчас его просто... спалило. Его и все вокруг на несколько вспашек. Уничтожило остатки руин, уничтожило джунгли вокруг них – и самого Монго... не уничтожило, правда, но сломало челюсть и много других костей.

Его будто лягнул конь... но конь размером с планету.

Он прокатился по земле, вскочил, взмахнул шестом... и рухнул под страшной тяжестью. На спину навалился громадный камень... исписанный светящимися письменами. Священной сальванской вязью.

– Большая ответственность обладает большим весом, – молвил Космодан, склоняясь к Монго и возвращая себе перстень. – Справиться с ним может лишь мудрец, действительно равный небу.

– Хе-а-хха-а!.. – прошамкал сломанной челюстью Монго. – Обм... хма-анщики...

– Ты слишком часто обманывал сам, чтобы жаловаться... мудрец, – коснулся его скипетром Космодан. – Ты забудешь все свои сиддхи. Ты преждевременно их получил, и они мешают тебе... поразмыслить.

– Кха-ак... долгхо-о...

– Пока ты не обретишь прежнюю мудрость... Цидзуй.

Последнего слова Монго уже не услышал. Космодан произнес его, уже вернувшись в Сальван. Он поднялся в Храм Всех Богов и положил на алтарь шест, клюку Цидзуя. Тот аж гудел от возмущения, даже чуть-чуть раскалился.

– Ну-ну, – сказал ему Космодан. – Подожди тут. Он за тобой еще вернется.

А Монго остался лежать под скалой. Раздавленный божественным гневом, но живой. Персики бессмертия и Учение У сделали его почти неуязвимым, и все повреждения зажили уже через несколько дней, но выбраться из-под возложенного Космоданом камня не получалось.

Текли годы. Десятилетия. Века. Три с лишним сотни лет минуло до того, как над Монго раздался гулкий голос:

– Кто сотворил с тобой такое, сим?

– Боги, – прокряхтел Монго. – Когда они карают, то не мелочатся.

– И чем же ты их так разгневал?

– Кое-что украл, кое-кому нахамил... давняя история. Я бы ее рассказал, но у меня ужасно затекла шея...

– Оно и неудивительно. Как ты вообще умудряешься оставаться живым?

– О, у меня был хороший учитель... Правда, я слишком быстро от него сбежал... наверное, поэтому и влип в неприятности.

– Что за учитель?

– Один грязный старикашка, живущий высоко в горах... Если хочешь, я расскажу, как его найти...

– Расскажи.

Интерлюдия

– Достаточно, – прервал Бельзедор. – Я думаю, все мы согласимся, что на этом рассказ лучше закончить.

– А я бы и дальше послушал, – возразил Дегатти. – Кто там пришел к Монго?

– Какая разница? – поморщился Бельзедор. – Рассказ вообще следовало закончить на том, что боги придавили Монго скалой.

– На самом деле дальше и правда уже не так интересно, – сказал Янгфанхофен. – Я могу рассказать о том, как еще через полтора столетия Монго все-таки освободился, как много лет служил Сакору Дзидоше, как спускался в Паргорон и сражался с Совитой, а в конце концов умер и стал богом... но это страшно долгая история, и в ней слишком много философии, богословия и рефлексии.

– Какая интересная все-таки вещь – это Учение У, – сказал Дегатти. – Я про него слышал, но только очень общие слова. Мне всегда казалось, что это то ли религия, то ли разновидность магии... а оно, оказывается, умение управлять Хаосом...

– На самом деле нет, – сказал Бельзедор. – Учение У – это не про Хаос. Святой Машибухер просто дал Монго то, что тот был способен принять. Другого ученика он бы учил иначе.

– Ты-то откуда знаешь?

Бельзедор не ответил. Дегатти внимательно на него посмотрел и решил, что нет смысла расспрашивать. Он уже понял, какие темы этот титан старательно обходит стороной.

– А все-таки поразительно, каким утырком был Монго в юности, – заговорил о другом волшебник. – До сих пор не верится.

– В начале жизненного пути – еще каким, – подтвердил Янгфанхофен. – Он задолбал симвов, задолбал своего учителя, задолбал в итоге даже богов – и его похоронили под огромным камнем. Вот потом, когда его все-таки освободили, он что-то переосмыслил и начал долгий, очень долгий путь к истинной мудрости...

– И в конце концов этот прохиндей стал богом.

– Да еще каким. Монго, он же Дзикой, он же Хануман, он же Сунь Укун, он же Провоналаки... его знают под множеством имен, этого бога-обезьяну. Во множестве миров о нем рассказывают сказки. Он любит путешествовать – и везде оставляет свой след.

– Да уж... Но вообще-то неожиданно. То есть по твоему рассказу Монго добрый, конечно... в целом... но... я даже не знаю...

– Смертные почему-то считают, что раз боги благи, то они должны быть благи абсолютно, – усмехнулся Янгфанхофен. – Всегда, во всем, без исключений. Но это же просто невозможно.

Янгфанхофен нагнулся, достал из печи горшочки с ароматом печеных морепродуктов и отнес сидящему за столиком существу, похожему на рыболюда.

– Хотите вот услышать историю о боге в целом положительном, но далеко не идеальном? – спросил он, вернувшись за стойку. – Причем не о каком-то мелком божке, а о нашем главном враге – Космодане. Он довольно противоречивая фигура, знаете ли. Во многом похож на нашего же Корграхраэда, только стоит по другую сторону водораздела.

– О Космодане? – спросил Бельзедор, потирая шрам на груди. – Ну давай, охотно послушаю.

Зима и лето

36408 год до Н.Э., очень далекий мир, чье имя всеми забыто.

Земля превратилась в горелую корку. В одном месте та заалела, пошла трещинами... и начала плавиться, превращаясь в магму.

Посреди этого адского пекла стоял на коленях мальчишка. Подросток лет пятнадцати, растерянный и заплаканный. Он разглядывал собственные руки, скорчившись рядом с дымящимся трупом.

Телом Пожирателя Звезд, которого сам только что убил.

Его сознание уже расширилось, уже пронизало творение вокруг... но творение было пропитано отчаянием, ужасом, болью и смертью.

И потому новорожденный бог не знал, что делать.

– Кто я? – чуть слышно произнес он. – Откуда взялся?

Он в отчаянии смотрел вокруг. Все мертво. Все уничтожено. Жизни больше нет.

И это только один мир из множества. Сотни других тоже уничтожены. В пепел превращены тысячи планет, погашены сотни звезд.

Новорожденный бог не знал, что делать, а умирающая вселенная не могла дать ответа.

Конечно, даже сотни звезд – ничто для целой вселенной. Но все остальное – там, в бесконечной дали, в бездне холодного космоса. И все они – под кем-то другим... чужим... под враждебными силами. Под теми, к которым принадлежал и Пожиратель Звезд.

А здесь, прямо здесь, и за Кромкой, в одном и даже двух шагах... все мертво. Все сожжено.

Пожиратель Звезд тоже мертв и разлагается. Колоссальная туша на глазах рассыпается в пыль. Но и богов не уцелело... только он один, богородившийся минуту назад...

И лишь несколько последних душ... они еще здесь, они витают...

Мальчишка вскинул руки, ловя ускользающие атманы, божественные сознания. Все, что осталось от Пантеона... от тех, кто властвовал над мирозданием...

И семечко. На ладонь упало семечко с чуть заметным проклюнувшимся ростком. Все, что осталось от опоясывающей звезды Мир-Древа, на ветвях которого состоялась финальная битва...

Сама планета под ногами разваливалась. Последняя из тех, что еще не обратились в пепел. Стиснув в кулаке сияющие искры, юный бог в отчаянии посмотрел вдаль.

Все подвластные миры уничтожены. Множество неподвластных тоже. Но где-то там, вдали, в необозримых глубинах макрокосма, были какие-то миры, которые Пантеон сотворил когда-то просто так, ради самого творения...

Технически теперь они принадлежат ему, Космодану.

А тем временем в совсем другом, очень далеком мире, появлялись на свет новые существа. Из первородного Хаоса волею Первозданных выступали гигантские фигуры. Были они двуноги и двуруки, были невероятно сильны и совершенно чисты разумом. Они не знали еще, кто они такие, что собой представляют, зачем пришли в этот мир.

Но Первозданные сообщили им, что их род зовется великанами, и они – слуги своих создателей. И склонились великаны, и поклялись в верности всемогущим хтоникам. И одарили их своей милостью Малигнитатис и Бамброгурдус, сильнейшие из Первозданных.

Их было сорок восемь, первородных великанов. Двенадцать огненных, что звались муспеллами. Двенадцать инеистых, что звались хримтурсами. Двенадцать каменных, что звались йотунами. И двенадцать самых рослых, что звались людогорами.

– *Кстати, вопрос, – перебил Дегатти. – Людей-то в том мире тогда еще не было. Они так и звались – людодорами?*

– *Нет, Дегатти, в те времена они, конечно, звались иначе, – терпеливо сказал Янгфанхофен. – Но я использую то название, под которыми их знают сейчас. Чтобы вы не запутались слишком сильно.*

Они кричали, рождаясь на свет. Словно громадные младенцы с безграничной мощью. Но очень скоро они смолкли – и утихающий Хаос дал им речь, дал им разум, дал им имена.

– Я ДОРМАДОС! – вскричал самый огромный и могучий. – Я ДОРМАДОС!

– Я Хиротарос! – вторил ему другой, раскаленный добела.

– Я Таштарагис! – присоединил голос третий.

А четвертый смолчал, ибо сам...

– *Янгфанхофен, – опер голову на кулак Бельзедор. – Ты что, сейчас заявишь, что четвертый генерал сам не знал, как его зовут? Тебе придется все-таки вспомнить, иначе будет совсем нелепо.*

– *Ладно, сейчас посмотрю... – проворчал Янгфанхофен.*

– *Его звали Лаградатес, – сказал Дегатти.*

– *Ты что, все это время знал?! – изумился Янгфанхофен. – А почему не сказал?*

– *А ты меня спрашивал? – отхлебнул чаю Дегатти.*

– Я Лаградатес! – воскликнул четвертый, потрясая каменными кулаками.

Кроме этих четверых – самых первых, самых сильных и самых главных, – на свет явилось еще по пятеро мужей каждого рода и по шестеро жен. И очень скоро, само собой разумеется, были сыграны сразу двадцать четыре свадьбы. Ибо Первозданные желали, чтобы их творения плодились и размножались, чтобы больше стало у них могучих слуг.

Великаны назвали свой мир Камнем. Незамысловатое название, но что вы хотите от тех, кто родился буквально на днях? А как-то назвать его было нужно, поскольку Первозданные и другие Всерушители не трудились давать миру имя. Для них он был просто Миром, ничего иного они не знали.

И перед тем, как справить двадцать четыре свадьбы, великаны выстроили громадный пиршественный чертог. Наученные неудачей с Низшими, Первозданные сотворили новых слуг умными, смекалистыми и трудолюбивыми. Им нравилось работать, они хотели строить – и они были невероятно могучи.

Сейчас принято считать, что первородные великаны были какими-то бешеными крети-нами, которые просто носились как попало и сносили все на своем пути. Это неправда. Да, в ярости они были воистину страшны, а в силу их хтонической природы порой бывали ею ослеплены. Но большую часть жизни они пребывали в спокойствии, а в спокойствии они занимались созидательным трудом и службой своим создателям.

И для них мир Камня был не так велик, как для людей. Тем более, что это было еще до Мирового Катаклизма, и на планете был один-единственный суперконтинент. Не особенно уютный, не особенно цветущий, очень гористый и пустынный – но Всерушители не так изнежены, как смертные. Радостные, что они родились, что у них есть собственный мир, сорок восемь великанов решили, что во всем должен быть порядок, а потому заключили двадцать четыре брака. Чтобы у каждого мужа была жена, а у каждой жены был муж.

О, этот первый их пир. Это было что-то невероятное. Собственно, пировать они еще особо не умели, но были полны желания научиться.

Здесь была брага. Здесь было угощение. И здесь были гости. Множество Всерушителей и гостей из-за Кромки. На самом-то Камне в те времена жили только Всерушители – даже драконы явятся только через пятьсот лет.

Но просто гости из-за Кромки время от времени заявлялись. То была эпоха Рождения, то был буйный дикий мир, которым правили хтонические чудовища. Но боги уже присматривались к этому миру, да и демоны проявляли интерес. Первое Вторжение уже состоялось, Паргорон уже пытался наложить лапу на молодую планету – но получил по зубам.

– ВО СЛАВУ! ВО СЧАСТЬЕ! РАДИ ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ! – гремел могучий Дормадос, обнимая лапищей прекрасную Гильдегранду. – ПЕЙТЕ И ЕШЬТЕ, БРАТЬЯ, ПЕЙТЕ И ЕШЬТЕ!

Ему вторили Хиротарос и Таштарагис. Вожди великанов, первые оформившиеся, они клялись друг другу в вечной верности, обещали всегда быть роднее братьев – и искренне в то время верили в свои слова. Они были очень-очень молоды, им был едва ли год от роду. Они явились на свет сразу взрослыми, ибо Первозданные не желали нянчиться с несмышленишками, но у них не было жизненного опыта.

Из Первозданных на эту грандиозную свадьбу заглянул только один, да и то самый ущербный. Йокридус, мельчайший из своего народа. Он родился последним, из уже почти потухшего всплеска – и Хаоса еле хватило, чтоб ему сформироваться.

Йокридус был лишь чуточку крупнее великанов и имел жалкие две дюжины голов. Чахлый карлик, презираемый остальными Первозданными. Но великаны относились к нему с почтением и внимательно слушали все, что тот говорил.

– Этим миром правят Малигнитатис и Бамброгурдус, – говорил Йокридус, клопоча живым штормом в центре залы. – Два брата-близнеца, чья сила беспредельна. Они так любят друг друга, что никогда не ссорятся. Поэтому вы все должны воздавать им почести только поровну, чтобы не обидеть кого-то умалением даже случайно.

– Конечно, о Первозданный, – склонился в поклоне Таштарагис. – Мы рождены, дабы служить Малигнитатису и Бамброгурдусу.

– Ты молодец, Таштарагис, – шепнул ему на ухо Йокридус. – Не говори остальным, чтобы не позавидовали, но ты, пожалуй, умнейший среди великанов. Мы все так считаем.

Таштарагис горделиво набычился и с опаской осмотрелся – не подслушал ли кто, что Первозданные выделяют его среди сородичей? Но нет, прочие великаны как раз собрались вокруг одного из закрюченных гостей – тот принес бочку чудесной медовухи. Всем хотелось отведать, каждый подставлял питьевой рог.

Янтарная жидкость искрилась во рту, наполняла волшебной легкостью. Каждый глоток будто расширял и без того громадный чертог, наводнял его новыми лицами. Являлись дивные видения, слышались голоса и волшебная музыка.

Великаны захмелели, все громче славил друг друга, плясали, пели... они еще не знали никаких песен, но пели от души. Пели, как поют стихии. Как завывают среди гор ветра, как рокочут суровые вулканы, как шумит океанский прибой.

Зала постепенно пустела. Гости покидали пиршество, удалялись и счастливые новобрачные. Все тише становилось в громадном чертоге. Вот и прекрасная Гильдегранда допила остатки медовухи и ушла под руку с могучим Дормадосом. Принесший бочку перевернул ее, проводил взглядом одинокую каплю и тоже вышел в ночь.

– Ну и кто же ты такой? – окликнул его из темноты Йокридус. – Надеюсь, ты не потравил наших новых слуг?

Гость вздрогнул. Великаны не задавали ему вопросов, не любопытствовали. Им было все равно, кто пирует за их столами, кто приносит дары и поднимает тосты. Но этот карликовый Первозданный... десятки его глаз вперились так, словно пытались прожечь дырку.

– Я просто передал угощение, – отвернулся гость. – Прости, я спешу.

– Спешешь?.. Хе. Лучше всего будет к юго-западу отсюда.

– Что?..

– Ты слышал. Неподалеку есть хорошая плодородная долина.

– Откуда ты знаешь? – спросил гость.

– Про долину-то? Да был я там как-то раз. Отличное местечко.

– Я не про долину.

Йокрибус только ухмыльнулся дюжиной пастей и отполз во тьму. Какое-то время там еще сверкали золотые огоньки глаз, но потом исчезли и они.

А долина действительно оказалась идеальной. И очень уединенной, что самое главное. Здесь не носились стада Огненных Быков, не бродили Черные Пожиратели, не плели колоссальные сети Пауки-Осьминоги. Юный бог выбрал небольшой холм, закопал там семечко и повелел ему взойти.

Тоненький росток появился прямо у него на глазах. Вылез из земли и раскрыл два нежных листочка. Малюсенький, слабый – но способный на очень многое.

– Мне надо уйти, – сказал ему Космодан. – Я должен попытаться спасти еще что-нибудь. Но я вернусь.

...Прошло тридцать восемь лет.

Крошечный слабый росток за это время превратился в раскидистое тенистое дерево. Оно еще не доросло до небес, еще не стало выше самых высоких гор, но уже обещало таким стать.

Космодан положил руку на теплую кору. Он тоже повзрослел за минувшие годы. У богов нет возраста, но Космодан больше не чувствовал себя отроком, и потому его внешность изменилась.

А вот этот мир не изменился ничуть. Он населен бессмертными хтониками, для них сорок лет – что сорок дней.

И их не так уж много, этих гигантских порождений Хаоса. В безбрежном океане видны горбы Великих Змеев, кое-где движутся исполинские фигуры Гороподобных, а далеко-далеко поднимаются к небесам башни Библиотечарей, но вообще по Камню можно странствовать годами и не встретить ни одного Всерушителя. Большая его часть – это мир неукротенной природы. Первозданная красота буйной флоры и дикой фауны.

Молодость Космодана подходит к концу. Пока еще ему хватает первичного импульса богорождения, но пора уже задуматься о своей нише. О источнике ба-хионь.

Без нее он со временем начнет... задышаться. Первичный импульс одаряет безумным количеством энергии, но она все же конечна, а чем бог сильнее, тем больше нужно очищенного эфира.

Тем больше нужно чужих чувств.

Ба-хионь идет из духовных проявлений, и прежде всего – эмоций. Когда ты любишь кого-то, то излучаешь светлую ба-хионь. Когда ненавидишь – темную. Радость, дружелюбие и мужество – светлая; печаль, зависть и страх – темная. Но разница не слишком велика, а добиться негативных эмоций гораздо проще, поэтому богам по большому счету неважно, любят ли их или ненавидят. Даже поклонение не так уж важно, хотя оно, конечно, дает особенно много.

Главное – занять нишу. Взять себе поток ба-хионь. Каждый конкретный смертный или дух испускает ее жалкие капли, но из миллионов капель складывается водопад.

И бог жив, пока стоит под своим водопадом.

И это не обязательно даже должны быть разумные существа. Животные тоже годятся. Бытие звериных богов специфично, но у него есть свои преимущества.

Космодан задумался, не сделать ли этот мир заповедником. Навсегда закрыть его для разумных. Хтонические чудовища со временем естественным образом измельчают, станут обычными смертными... или просто вымрут.

Возможно, планете их вымирание пойдет на пользу – сейчас она невероятно богата флорой и фауной, но разумные, как всегда бывает, подомнут все под себя. Дикие миры сохраняют девственную чистоту, они остаются прекрасными и непорочными.

Но если лишить Камень разумных существ, то на нем... не будет красивых баб!

Глаза Космодана загорелись. Он увидел вдали девушку... необычайной, сказочной красоты. Статную, багровокожую, с золотой копной волос и алыми губами-вишнями. Было в ней не менее шестидесяти локтей, и Космодан тоже поспешно сравнялся с ней ростом, принял облик великана-муспелла... хотя нет, лучше йотуна. Что-то подсказало ему избрать облик серокожего плечистого йотуна.

Девушка вздрогнула, когда подошла к Мировому Древу и увидела молодого великана. Даже чуть споткнулась, едва не уронила бочку, что несла на плече.

– Ты что, поливаешь мое дерево? – с интересом спросил Космодан.

– Лето засушливое очень, – сердито ответила великанша. – И что значит – твое? Это я его нашла.

– А я посадил. Но не будем считаться. Как тебя зовут?

– Асвантида.

– Прекрасное имя! А я Космодан!

– Я тебя не знаю, – с подозрением сказала Асвантида. – Откуда ты взялся? В мире всего сотня взрослых великанов... конечно, я давненько не заходила к йотунам, но... и имя у тебя не великанское.

– Хочешь открою секрет? – понизил голос Космодан. – На самом деле я не йотун.

– А кто?

– Я тот, кто сразил Пожирателя Звезд! Тот, кто посадил Мировое Древо! Я один из тех, кто сотворил этот мир, прекрасная дева, я Космодан Громовержец!

И в знак своей божественной мощи он повелел прогреметь грому. Великанша снова вздрогнула.

– Ты... ты бог? – с робостью спросила она. – Я... я никогда не видела богов...

– Удивительно, ведь твоя красота только богов и достойна! – воскликнул Космодан. – Послушай, я не хотел показываться тебе, но не сдержался, понял, что ни за что не прощу, если не заговорю с той, что затмевает само солнце!

Асвантида невольно зарделась. Великаны взрослеют медленно, но ей было уже тридцать семь, ее цветок уже распустился, и она чувствовала дыхание весны. Однако муспеллов-юношей одних с ней лет всего-то двое, причем Морведирос уже гуляет с Имбекиодой, а Сарадерос, сын вождя Хиротароса, он... ну, Асвантида нравится ему, он этого даже не скрывает, но... скажем так, он не умеет говорить приятные слова.

– Это правда ты посадил это дерево? – спросила великанша, подойдя ближе и начав поливать корни. – Оно... оно особенное. Оно меня как будто подзывало.

– Это значит, что ты не только обликом хороша, но и обладаешь сильным духом, – проникновенно сказал Космодан. – Это Мировое Древо еще совсем юное, но уже начинает расти сквозь миры. Вот, положи руку сюда.

Он взял Асвантиду за запястье и коснулся ее ладонью коры. Его пальцы задержались на коже девушки лишь на секунду, но по ней словно пробежали искры. А из глубин дерева... оттуда донеслось что-то таинственное, непостижимое...

– Ты и вправду бог? – все еще недоверчиво спросила великанша. – Докажи.

Космодан запрокинул голову и рассмеялся. А потом лукаво прищурился и молвил:

– Ты хочешь доказательств? Изволь.

Он раскинул руки, чуть повернул голову – и вся долина зазеленела. От горизонта до горизонта выросли великолепные цветы – и они тоненько звенели. Словно дивная песнь поплыла над просторами – и Асвантида обомлела от восторга.

– Еще! – закричала она. – Еще!

– Еще, говоришь?... – внимательно глянул Космодан. – Дай руку. Я покажу тебе...

Мир исчез. Зеленая цветущая равнина сменилась бескрайним черным космосом – и мириадами огней.

– ... вселенную, – закончил Космодан.

Он потянул обомлевшую девушку за руку – и чудеса стали сменяться быстрее, чем она моргала. Величавые горы и бездонные пропасти, океанское дно и пылающие расселины, великолепные цветущие сады и полные народа фестивали. Космодан вел их сквозь круговерть миров, и Асвантида не успевала ахать.

Ее словно несло потоком. Ураганным ветром, подхватившим палый лист. Космодан обнял ее, и его собственный облик чуть поплыл, он предстал разом и молодым йотуном, и гигантским белогривым орлом, и ожившей стихией, бурей с ясными глазами. Она как будто шла через поле серебрящегося ковыля, меж ярких зарниц и бьющих повсюду молний.

Но это не ощущалось как что-то плохое, угрожающее. Скорее уж наоборот – Асвантида чувствовала себя в абсолютной безопасности. Они пролетали сквозь самые невероятные миры, и во многих то не было воздуха, то пылал вокруг пламень – но их это не трогало, не задевало. Дышалось легко, на сердце было спокойно.

И Космодан говорил ей об этих мирах – но не голосом. Просто обращал внимание на яркие черточки. Рассказывал о красоте творения через тяжесть дождевых туч над рекой, через снежные шапки на макушках безмолвных гор. Через вьющуюся зелень на темных кривых стволах древнего леса. Через песни пастухов на поросших вереском меловых скалах. Через погибельную мощь извергающихся вулканов.

– А сам-то многое можешь? – спросила девушка, когда они летели над планетой, окруженной разноцветными кольцами.

Космодан снова расхохотался, указал пальцем – и из пустоши стал подниматься замок. Огромные стены, увенчанные башнями, исполинские шестерни и колеса...

– А это и мы можем, – с легким вызовом сказала Асвантида. – Может, не так быстро... но можем! И Первозданные научили нас колдовству!

– Я сотворю тебе звезду, – улыбнулся Космодан. – Пусть она сияет, как твои пламенные очи.

– Тогда две звезды, – улыбнулась великанша. – У меня же не одно око.

– Многие звезды во вселенной – двойные, – многозначительно посмотрел на нее Космодан. – Им скучно в одиночестве.

Он увел Асвантиду в один из несотворенных миров, где в обозримой близости была только пустота. Вдали мерцали огоньки, знаменующие звезды и планеты – но прямо здесь не было ничего.

Там он и показал ей то, для чего существуют боги – творение.

Вначале он создал туманность. Огромное облако пыли и разреженного газа. Распахнул окно в Хаос – и наполнил космос рассеянной протоматерией. Асвантида зачарованно смотрела, как Космодан вырастает до невероятных размеров, как сжимает туманность ладонями величиной с планеты... и как вспыхивают между них звезды.

Две звезды, побольше и поменьше. В холодной черноте космоса бог рассмеялся – и закрутил одну вокруг другой.

А из остатков туманности он создал крошечный астероид. На нем они воссели с Асвантидой – и Космодан, широко улыбнувшись, предложил наполнить эту систему планетами.

– Какие тебе нравятся? – спросил он. – Заказывай.

Это был восторг. Невероятный восторг. Никогда в жизни Асвантида такого не испытывала. Великаны тоже обожают строить, создавать новое – но тут был настоящий апофеоз творения.

– Можно планету в виде бублика? – просила она. – А в виде чашки? А в виде моей головы?

– Можно, можно, все можно, – тут же лепил требуемое Космодан.

Правда, оказалось, что чем хитрее форма, тем труднее такое сотворить. Планету, половина которой стала прекрасным девичьим лицом, бог вытачивал вручную, формировал ее почти полчаса – но Асвантида не торопила.

– Боюсь только, она недолго такой останется, – с сожалением сказал Космодан, любуясь делом своих рук. – Это планета, и она будет подчиняться законам этой вселенной. Через какое-то время твой лик на ней изгладится, станет просто причудливым ландшафтом, горами и кратерами.

– Оно и к лучшему, пожалуй, – сказала Асвантида. – Не хотела бы я жить на планете в форме чьего-то лица.

– Это было бы безумие, – согласился Космодан. – И я думаю, нам пора возвращаться.

Он отвел ее обратно, на просторы Камня, к молодому Мировому Древу. Там Космодан в последний раз стиснул руку Асвантиды и сказал, что ему пора.

– Мы еще увидимся? – спросила она с надеждой.

– Если будет на то твое желание, – улыбнулся бог.

– Конечно, будет! – сердито ответила великанша. – Ты что, решил показать мне столько чудес только чтобы я потом всю жизнь изнывала от тоски?

– В таком случае мы обязательно еще увидимся. Но сейчас мне пора.

– Домой? Где ты живешь? Где вообще живут боги?

– Нет, не домой, – помрачнел Космодан. – У меня... у меня нет дома. Был когда-то, но...

– Но?..

– Он разрушен.

И Космодан поведал, что его мир и его пантеон полностью уничтожены. Что сорок лет назад в глубинах мироздания отгремела великая битва богов и демонов. Битва, в которой не было победителей.

– Было уничтожено шесть Светлых миров, семь Темных и почти триста миров смертных, – говорил Космодан. – Там были межзвездные и межмировые цивилизации. Были триллионы разумных. Были сотни богов.

– И они все?..

– Все, кроме меня.

– Я думала, боги не могут умереть.

– Не могут... обычными путями. Но нет во вселенной невозможного. Можно убить и бога. Даже смертный может это сделать, если ему повезет. Не говоря уж о ком-то вроде Пожирателя Звезд или Сакти'Драа...

– А как ты выжил?

– Везение, – обезоруживающе развел руками Космодан. – В общем-то, я просто остался последним. Но... не будем омрачать этот чудесный день. Теперь я здесь, с тобой. В мире, который молод и свеж.

Асвантида вернулась домой с таким пылающим взглядом, что это заметил даже ее отец, Глезторос. Прозванный Угрюмцем, он обычно не обращал внимания на своих детей, но сегодня посмотрел на старшую дочь и хмуро сказал:

– Ты аж светишься. Помирилась с сыном Хиротароса?

– Сегодня был замечательный день, отец, – отмахнулась Асвантида. – Он и без Сародроса был замечательным... особенно без него.

Глезторос сердито закричал. На самом деле, странно выглядели отношения первородных великанов с их старшими детьми. Между ними почти не было разницы в возрасте. Асвантиде тридцать семь лет, а ее отцу – тридцать девять. Он явился из первородного Хаоса, сразу родился громадным и могучим. А она явилась на свет из чрева своей матери, была несмышленным младенцем, росла и набиралась сил постепенно.

Последние года два она считалась как бы уже взрослой. Как бы. Великаны сами точно не знали, когда второе поколение достигнет детородного возраста, но все сходились на том, что уже скоро. Возможно, стоит дожидаться сорокалетия – а возможно, и в тридцать пять было нормально. Многие из самых старших уже начали гулять вместе, а Окэнда из людогоров, возможно, через пару лун явит миру великана третьего поколения.

Ну или она просто слишком любит покушать. Асвантида не была уверена.

Но пока что третьего поколения на Камне нет. Только сорок семь первородных, примерно столько же едва расцветших юношей и девушек, да сотни две разновозрастных детей. Первозданные желали, чтобы число их слуг выросло, и великаны старательно над этим трудились.

Пока еще они жили поблизости друг от друга, скученно. Выстроили зал для собраний, четыре общинных дома и двадцать четыре семейных, назвав это все Миран Дио, что на их языке означало «общее место». Распахали громадные поля, чарами приручили мамонтов, индрикотериев и других зверушек. Проложили ровные дороги и вырыли глубокие арыки. И если не считать одного случая десятилетней давности, жили великаны мирно и дружно.

Асвантида никому не рассказала о своем удивительном знакомстве. Хотя ей ужасно хотелось поделиться с сестрами, братьями, матерью или хотя бы лучшей подругой – Гласитаридой. Они с Асвантидой родились почти одновременно, вместе когда-то исследовали таинственные земли за Домами, вместе и нашли Мировое Древо, которое тогда было втрое меньше.

Но она сдержалась. До самого вечера никому не говорила. И ночь проспала, не проболтавшись. И только на утро, встретившись с Гласитаридой у колодца, невзначай обмолвилась:

– А я тут кого-то встретила...

Гласитарида родилась хримтурсом. Дочерью самого Таштарагиса, вожака инеистых великанов. Она была чуть выше Асвантиды, чуть стройнее, с нежно-голубой кожей и сапфировыми глазами. Она была, возможно, прекраснейшей из великанш – и это замечали не только хримтурсы. За нее пытался свататься старший сын Дормадоса, но ему отказали, ибо негоже смешивать кровь, это заповедано Первозданными.

И как ни любопытствовала Гласитарида, как ни пыталась лучшую подругу, та больше ни словечка ни сказала, а только улыбалась хитро. А едва солнце перевалило за середину, едва ворчливый отец задремал в теньке – взяла пустую бочку и пошла к Мировому Древу.

Путь был не самый близкий. Сначала вспашек пятнадцать по равнине, потом еще столько же по холмам, перейти вброд реку (набрав воды в бочку), перевалить через горную гряду – и вот она, долина Муравьев. Даже великанша в десять человеческих ростов затратила на дорогу целый час.

Но сегодня у дерева не стоял бог в обличье молодого йотуна. Немного разочарованная, Асвантида полила корни и почти два часа слонялась по долине, делая вид, что просто гуляет. Увы, Космодан так и не появился, а позвать его Асвантида не умела, так что просто вернулась домой.

– А сегодня ты что такая кислая? – спросил Глезторос, когда семья собралась за ужином. – С сыном Хиротароса поссорилась?

– Моя жизнь не вращается вокруг Сародероса, отец, – ответила Асвантида, обгладывая ножку мамонта. – Не знаю, почему ты все пытаешься нас свести.

– А что, хороший парень, – сказала Эстентида, мать семейства. – Тебе скоро тридцать восемь, пора и собственный домик заводить. Сародерос работать умеет – вон какую домну возвел!

С этим спорить было трудно, домну Сародерос построил отличную. Муспеллы лучше всех обращались с огнем и печами, поэтому занимались в основном плавкой и ковкой. Точно так же йотуны добывали камень и руды, людогоры пахали землю, а хримтурсы пасли скот.

– Дело доброе, – кивнул и Глезторос. – Работа в кузнице всем нужна.

– Не хочу я работать в кузнице, – отвернулась Асвантида. – И быть женой кузнеца не хочу.

– Если благородная работа в кузнице недостойна ее – то что вообще достойно? – проворчал Глезторос, вставая из-за стола. – Никакой мужчина не выберет белоручку, что презирает честный труд.

На следующий день Космодана у Мирового Древа тоже не оказалось. И на следующий. И на следующий. Асвантида все сильнее впадала в уныние, все больше подозревала, что то волшебное путешествие было первым и последним.

Да не приснилось ли оно ей, не померещилось ли?

– Что-то Асвантида витает в облаках, – сказала на пятый день мать. – И тоскует. Не знаешь, в чем причина?

– Замуж ее выдать надо, – отмахнулся отец. – Сразу и повеселеет. Или пусть дело себе найдет.

У Глезтороса слова с делом не расходились. Следующим же утром он велел дочери идти с йотунами по алмазы. Та спорить и не стала – большая сушь закончилась, в долине Муравьев не сегодня завтра пойдет дождь, поливать Мировое Древо незачем.

Да и смысла нет ходить и ждать. Космодан – бог. Захочет ее увидеть – найдет где угодно. Не захочет – значит, и не захочет. Навязываться она не станет.

И она отправилась в поход – далеко на восток, в Алмазные горы. С патриархом Лаградатесом, семью молодыми йотунами и тремя муспеллами, среди которых был и Сародерос. Тот присоединился в последний момент, догнал их уже на перекрестке, и Асвантиде неловко было идти на попятный.

Да и не собиралась она. Сародерос не был ей неприятен или еще что-то. Просто не мил... а вот она ему нравилась. И родители давно уж пытались их свести, что вызывало у Асвантиды некоторую изжогу. Какой-то детский протест. Не хотела она жить по указке, хотела сама выбрать того, с кем свяжет жизнь.

Просто выбор пока что не особенно большой.

И раньше Асвантиду это не смущало. Она всю жизнь прожила в деревне великанов, за пределами которой были только бескрайние просторы, дикие звери и редкие Всерушители. Раньше мир не казался ей пустым – он был полон воздуха, воды и земли, полон растений и животных. Ей хватало общения с сородичами и честного труда.

Но теперь ей этого казалось мало. Она увидела... другие миры. Кипящие жизнью, не знающие одиночества. Увидела творение звезд и планет.

Увидела бога! И как же он был прекрасен!..

И ужасающ одновременно...

Асвантида снова вспомнила Космодана в его истинном виде – когда он был самым творением, средоточием космических стихий. В тот момент она устыдилась... устыдилась себя. Своего несовершенства. Своей телесной небезупречности.

Она бессмертна, но состоит из плоти. Она красива, но не идеальна. У каждого существа есть недостатки, хотя бы мелкие.

Близость бога слишком остро заставила Асвантиду почувствовать свои. Будто она вся – как один сплошной недостаток.

Для великанов богами были Первозданные. Особенно двое величайших – Малигнитатис и Бамброгурдус. Но они были гораздо более... земными. Сами такие же Всерушители, они выражали понятные каждому вещи. Они точно так же явились из Хаоса, они были телесны и тварны, они не могли менять свой облик и так легко воздействовать на реальность.

И они не были совершенны так, как Космодан.

Об этом думала Асвантида, шагая с остальными по Алмазным горам. Раньше она дивилась этим россыпям самоцветов, радовалась их блеску и сверканию. Но теперь вся красота бытия меркла рядом с ее воспоминаниями.

А тем временем Космодан как раз решил ее навестить. Он спустился в деревню великанов и с любопытством осматривался. Было интересно взглянуть, как она разрослась за неполных сорок лет, как полсотни великанов превратились в триста. Посмотреть на их бесконечные поля, на стада мамонтов и индрикотериев, на гигантские дома, амбары, плавильные печи. На бегающих под ногами махайродов и шерстистых носорогов.

А вот на него не смотрел никто. Когда боги того не хотят, их не замечают. А если Космодан с кем-то заговаривал, его принимали за кого-то знакомого, но спроси, за кого именно – не ответят.

Однако Асвантиды здесь не было. Ожидавший сразу ее почувствовать Космодан пронизал мыслью пространство... а, вот она. Прекрасная великанша ушла на северо-восток, в Алмазные горы.

Одного мгновения хватит, чтобы перенестись к ней... но тут взгляд Космодана остановился на другом прекрасном лице. Статная инеистая великанша в серебряном венце и сапфировых серьгах, лазурно-голубом платье из шелка пауков-осьминогов... совсем другой тип красоты, но ничем не хуже Асвантиды.

– Мир тебе, прекрасная госпожа, – улыбнулся ей Космодан. – Будет ли мне позволено узнать твое имя?

– Гласитариды, – ответила великанша.

И прищурилась. Подобный вопрос нелеп, если его задает взрослый взрослому. Это ребенок может не знать ее имени, да и сама она не знает в лицо каждого из бесчисленных малышей, но взрослых великанов на Камне не наберется и сотни.

К тому же, когда Космодан проявил к ней интерес, его облик стал четче. Пропало ощущение, что это некто известный, просто не получается вспомнить, кто именно. Гласитариды увидела перед собой нового, незнакомого великана... нет, кого-то иного.

Кого-то большего.

Гласитариды знала толк в волшебстве. Дочь Таштарагиса и Лептениды сызмальства проявляла интерес к тому, что потом назовут великаньим колдовством. Ее влекло все таинственное и заповедное – да так влекло, что она даже провела год среди Первозданных, учась у тех, кто соглашался ее учить.

– Что ты такое? – задала она вопрос в лоб.

– Просто заглянувший в гости добрый дух, – раскланялся Космодан.

– Ничего доброго ты пока не сделал... дух. И добрые гости не являются тайком, без приглашения. Что тебе нужно в нашей деревне, чего тут ищешь?

Космодан мог просто сделать шаг – и исчезнуть. Гласитариды уже через минуту бы о нем забыла. Но его привлекал огонь ее души. То внутреннее пламя, что озаряло лицо невидимым светом.

И глубинное могущество. И великие амбиции.

– Хочешь знать, кто я? – спросил Космодан. – Узнай. Ответ перед тобой, лишь... взглядишь.

Гласитариду охватило любопытство. Волшебница-великанша не ощущала зла в этом существе, не чувствовала скверны, а потому не насторожилась. Космодан раскрыл перед ней свою суть, она вгляделась... и обомлела.

– Ты-ы-ы... – прошептала она. – Ты и в самом деле...

– Во плоти, – скромно улыбнулся Космодан.

– А... а правду говорят, что если встретишь одного из вас и распознаешь, то он исполнит любое желание?! – загорелись глаза Гласитариды.

Космодан изумленно глянул на нее – и криво ухмыльнулся. Вот в том числе и поэтому он не хотел становиться богом. Знал, что начнется поток молитв, сливающихся в огромное слово «ДАЙ!».

Но сейчас он и правда сам с ней заговорил.

– Чего же ты хочешь? – спросил Космодан, глядя на великаншу уже без интереса.

– Я хочу знаний, – жадно сказала Гласитарида. – Я хочу узнать... хочу научиться...

– Чему?

– Всему! Почему вещи падают вниз, почему реки текут к океану, почему деревья тянутся к небу, куда уходит солнце каждую ночь, что такое звезды, живет ли кто-нибудь на луне, откуда взялись Всерушители, что будет, когда...

– И я единственный, кто может все это рассказать? – перебил удивленный Космодан.

– Да! Я... наши отцы и матери знают немногим больше, чем мы сами, а Первозданные говорят, что мы созданы не ради этого! Но я хочу узнать суть вещей, хочу понять законы мироздания, хочу научиться великим чарам!..

– Всего-то?.. – хмыкнул Космодан.

– Я знаю, что о многом прошу. Но если ты и вправду бог – вразуми меня и научи.

Космодан едва не рассмеялся. Вразумить и научить. Его самого бы кто вразумил. Самого бы кто научил.

– А коли нет, то и не надо! – вскинула голову Гласитарида, заметив насмешку в его глазах. – На коленях молить не стану!

– На коленях не надо, – сказал Космодан. – Не люблю тех, кто молит и выпрашивает. Хочешь чего-то – добейся.

– Как?

– Для начала – отыщи меня, – молвил Космодан, растворяясь в воздухе. – Найдешь – получишь, что желаешь.

И Гласитарида осталась одна. Вокруг по-прежнему был Миран Дио, две девушки болтали у колодца, йотун из первородных тащил на плече скалу, детишки-людогоры бегали друг за другом, заставляя землю дрожать... и ничего больше. Все как обычно, словно и не стоял тут только что спустившийся на Камень бог.

Гласитарида даже не спросила его имени.

Но он все-таки оставил ей кое-что. Покружившись в воздухе, на ладонь Гласитариды упал лист... совсем крошечный зеленый листочек, едва с ноготь мизинца. Великанша не сразу даже его разглядела.

Испытание, вот что это. Ей нужно найти лес, в котором растут такие деревья. В том лесу ее будет ждать... Гласитарида не знала, что именно, но была полна решимости выяснить.

Космодан смотрел на нее сверху. Вознесся над земной твердью, над великаньим Миран Дио, и глядел из космической выси, наблюдал сразу за двумя прекрасными девами. Следил за Асвантидой, что рубила алмазы в горах, следил за Гласитаридой, что показывала листочек матери, а потом другим великанам, расспрашивала, где такие растут.

– Хочешь, чтобы она как следует потрудилась ради обещанных знаний? – раздался гудящий голос.

– Полученное быстро и задарма не ценится, – покачал головой Космодан. – Воспринимается как должное. Как нестоящий пустяк.

– Истинно, – раздался другой голос. – Но ты зря крутишься вокруг великанов. Прими добрый совет, оставь их в покое.

Космодан повернулся. Из звездной пустоты выступили две фигуры – переливающаяся синим и лиловым, с бездонными глазами-озерами, и матово-черная, с покрывающим голову хитиновым панцирем.

Еще два бога.

– Ты посадил здесь Мировое Древо, – сказал один. – Ты претендуешь на этот мир?

– По праву творения, – сказал Космодан.

– Разве ты его сотворил? – усомнился другой.

– Не я, но пантеон, в котором я состоял. От него остался только я, так что... мое наследие. Боги переглянулись. Они не усомнились в словах Космодана, не потребовали доказательств, ибо сие не для богов. Если бог молвил – то молвил истину.

– Я Марекс Волноликий, а се Савроморт Неотвратимый, – назвался переливающимся. – Мы из Пятерых Сальвана.

– Я Космодан, – раскланялся юный бог. – Я наследник того, кого прозывали Громовержцем, так что... полагаю, теперь я Громовержец.

– Говоришь, ты последний из своего пантеона? – спросил Савроморт. – Как это вышло?

Космодан вздохнул, раскрывая свои воспоминания. Это причинило ему боль, но было проще показать, чем рассказывать. Он вновь окунулся в прошлое – и с ним окунулись Марекс и Савроморт.

Вместе с ним они вспомнили... обрели знание о Пожирателе Звезд. Вспомнили тот страшный день, когда погибли остатки Пантеона, а Космодан, последний, еще совсем мальчишка, поднял оружие павшего Эльфредиора... и ударил.

Там оставалось только добить, всю работу за него сделали остальные. Но именно он каким-то образом вобрал в себя эту волну, эту бездну высвободившейся ба-хионь – и стал богом. Молодым богом посреди выжженного мира. Посреди пекла, посреди пепла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.